

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ

1018479

ВОЛОГДА
1984

В сборнике решаются актуальные проблемы региональной описательной и исторической лексикологии русского языка, исторической ономастики русского Севера.

Привлекая к рассмотрению не вошедшие еще в научный обиход рукописные материалы центральных и местных архивов, авторы прослеживают историю ряда терминологических систем — земледельческой, рыболовецкой, метрологической. Обстоятельно и глубоко исследуется история отдельных слов. Ценность большинства статей состоит в том, что они посвящены изучению лексической системы старорусского языка, функционирующего в период, предшествующий национальному. В работах затрагиваются и другие актуальные проблемы: взаимодействие лексики русского языка в древнерусский и среднерусский периоды со словарным составом других языков, элементы системности терминологической лексики разных функциональных стилей старорусского языка и мн. др.

Сборник предназначен для диалектологов, лексикологов, специалистов по русской ономастике.

Редколлегия: доктор филологических наук *Ю. И. Чайкина* (ответственный редактор), кандидат филологических наук доцент *Л. Ю. Зорина*, кандидат филологических наук доцент *А. П. Ларионова*, кандидат филологических наук доцент *Т. Г. Паникаровская*, кандидат филологических наук ст. н. с. *Г. В. Судаков*.

Рецензенты: кафедра общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина; кафедра русского языка Череповецкого государственного педагогического института им. А. В. Луначарского.

А. С. Герд

О СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКЕ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Псковские говоры исторически севернорусские в своей основе. Сейчас большинством исследователей по данным фонетики и морфологии они относятся к западной группе среднерусских говоров.

О чем же свидетельствует лексика? Несколько лет назад нами был составлен список диалектных слов из типичных среднеспсковских районов — Пушкиногорского, Островского, Новоржевского, который впоследствии не раз был проверен на среднем Волхове, Ояти, Свири, в Прионежье и Заонежье, в Беломорье (Поньгома).

Сам по себе факт наличия в псковских говорах многих севернорусских слов общеизвестен. В наши дни более актуальным является определение распространения таких слов на Псковщине и конкретизация самих типов псковско-севернорусских связей.

В статье «По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии»¹, как нам кажется, удалось показать, что большинство среднеспсковских слов хорошо известно на севере до нижнего Волхова, Паши, Капши, Ояти. Многие слова проходят до Посвирья и Заонежья. В статье «К истории образования говоров Заонежья»² были показаны тесные лексические связи говоров Заонежья с псковским диалектом.

Ниже в статье более детально прослеживаются связи псковских говоров не только с говорами Поволховья, Обонежья и Заонежья, Беломорья, но также и с новгородскими, вологодскими, архангельскими, ярославскими диалектами в целом.

¹ Герд А. С. По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии. — В кн.: Севернорусские говоры, в. 2, Л., 1975.

² Его же. К истории образования говоров Заонежья. Там же, в. 3, Л., 1979.

В качестве источника для сопоставлений по другим диалектам привлечены слова на буквы А—М из Словаря русских народных говоров АН СССР и материалы КСРГК³, а также личных экспедиционных проверок автора на Волхове, Ояти, Свири, в Заонежье и Беломорье.

Больше всего севернорусских слов, известных на Псковщине повсеместно. Это следующие слова: *абазурить* (ся) 'потерять стыд, обнаглеть', *абазурник* 'шалун, озорник', *азгарода* 'изгородь', *ай, али* 'или', *ахти*, *бабка* 'малая уклада снопов', *бабурка* 'сноп', *багульник*, *багун* 'растение', *байня*, *барбоха* 'болтунья', *баретки* 'туфли', *баркан* 'морковь', *барыхматься* 'шумно возится', *басеньки-басеньки* 'подзывные слова для овец', *баской* 'красивый', *бахилы*, *баша-баша* 'подзывные слова для овец', *блицы* 'грибы', *богатка* 'цветок', *болочина* 'облако', *братеник*, *бродник* 'сеть', *брусница*, *буй* 'открытое возвышенное место', *вдвоих*, *векша*, *верша*, *вешка* 'сук, ветвь', *вздынуть*, *вир*, *вместех*, *вместях*, *вольница* 'о детях', *выголить глаза*, *выгляд* 'внешний вид', *глазы*, *гли* 'около, для', *гнила*, *голик* 'веник без листьев', *горазд* 'очень сильно', *горожня* 'огороженное место для скота', *горянка* 'гриб', *грибы* 'губы', *грибатьи* 'губастый', *грудинка* 'часть одежды', *грядка* 'жердь', *гулящий день* 'день, свободный от работы', *дивья*, *дроля*, *ежки* 'еда, обед', *жадобный* 'милый, дорогой', *журавель* 'растение', *забелки* 'сметана для супа', *заботный* 'заботливый, старательный', *закол* 'устройство для ловли рыбы', *гасень* 'тень', *згорода*, *земляница*, *зыбун* 'трясина', *иный* 'иной', *кросны* 'ткацкий станок', *лавы* 'мостики в воде', *лесовой* 'лесной', *летось* 'в прошлом году', *леший* 'дикий', *лопотать* 'болтать, пустословить', *лохань* 'ушат', *лытки* 'часть ноги', *ляда*, *модеть* 'утомляться, задерживаться', *мост* 'пол', *обабок* 'гриб', *поветь* 'сенной сарай', *позем* 'навоз', *покуль*, *робить* 'работать', *ростани* 'перекресток', *светец* 'лучина для освещения', *солодуха* 'кушанье', *сумет* 'сугроб', *сухорос*, *толока* 'взаимная помощь в работе', *торба* 'сумка', *хата*, *хоромы*.

Каково же ареальное распределение этих слов за пределами Псковщины? По данным наших полевых проверок, в этой группе больше всего таких псковских слов, которые к северу

---

³ Словарь русских народных говоров АН СССР, т. 1—18. М.—Л., 1965—1982. Картотека Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей кафедры русского языка Ленинградского университета.

от Пскова зафиксированы на среднем Волхове, Ояти, в Прионежье и Заонежье. Это слова — *азгорода, али, бабка, байня, барабоха, баретки, барыхматься, баской, бахилы, братеник, бродник, брусница, вдвоих, вешка, вздынуть, вольница, высевки, гнила, голик, горазд, грядка, гулящий день, дивья, дроля, жадобный, заботный, згорода, земляница, лесовой, летось, леший*.

На Белом море (Поньгома) нами отмечены: *али, байня, баретки, баской, бахилы, брусница, вздынуть, вместях, гнила, голик, заботный, закол, летось, леший, лытки*.

По данным СРНГ АН СССР, многие из этих слов известны и в вологодских и в архангельских говорах (*али, бабка, байня, барабоха, баской, бахилы, братеник, бродник, брусница, вешка, вздынуть, вольница, гнила, голик, грядка, гулящий день, жадобный, земляница, летось, леший*).

Не севернее Волхова—Ояти и юго-восточного Приладожья известны *абазурить, абазурник, ай, ахти, багульник, басеньки-басеньки, баша-баша, блицы, болочина, взгляд, глаза, горожня, горянка, грудинка, ежки*; не севернее Волхова — *баркан*.

Показательно, что из этих слов, по данным СРНГ, только слова *багульник, басеньки-басеньки* и *вместях* (не *вместѣх*) имеют помету «арх».

Многие из этих слов отмечены как в севернорусских говорах, так и в русских западных и юго-западных диалектах. Такие слова скорее всего — реликты старой общей северной основы всех этих диалектов.

Немало севернорусских слов известно только в среднепсковских говорах, в центре Псковской территории. Это слова *верхлянка* 'верхняя часть окна, двери', *глонуть* 'глотнуть', *глотень*, *глотешок* 'глоток', *по бабьему глотню* 'идти' (о снеге), *головица* 'убийство', *голянки* 'верхние рукавицы', *гомонить* 'шумно говорить', *гонобель*, *гошить* печь 'разжигать', *ектуха* 'икота', *жареха* 'что-нибудь жареное', *жечь рыжики*, *жихарь* 'житель', *жмыхать* 'стирать', *заглушина* 'глушь', *зука-зука* 'подзывные слова', *изебка* 'изба', *лабфик* 'скоба для крепления', *лешуга* 'дикая яблоня', *лопот* 'бубенчик'.

В их распределении по северу — на Волхове, Ояти, в Прионежье, Заонежье и на Белом море (Поньгома) — нами зафиксированы: *глонуть, глотень, жареха*. Слова *головица, ектуха* не известны севернее Ояти. В архангельских, вологодских диалектах, по данным СРНГ, известны *глонуть, жареха, жихарь, хмыкать*.

Наконец, четко выделяются многие севернорусские слова и выражения, не известные уже к югу от Себежа, Пустошки, Великих Лук, — *абаламош* 'плут, обманщик', *абалырить* 'обмануть', *абанат* 'упрямец', *алибо-ах (ахти)* *тошно мое*, *бабничать*, *базукатиться* 'возиться с кем-нибудь', *баря-баря*, *бася-бася* 'подзывные слова для овец', *басалай* 'озорник', *белудок* 'белок', *берещеники* 'лапти', *благой* 'плохой', *большак* 'тракт', *ботар* 'кто плетет лапти', *бритуха* 'снятое молоко', *бружевняк* 'шиповник', *буерага* 'выюга, ведро 'ясно', *верёх*, *взаболь* 'все-ррез', *гаеный* 'измятый', *гайнуть* 'крикнуть', *гамзить* 'делать что-нибудь неаккуратно', *гамзуля* 'грязнуля', *гашник* 'пояс', *гваздатся* 'возиться, пачкаться', *гверста* 'мелкий камень', *гилёк* 'умывальник', *глыжа* 'ком земли', *глядельце* 'зрачок, зеркало', *гмыриться* 'хмуриться', *голью* есть (без хлеба), *горь-кавка* 'плотва', *горькуха* 'сорняк', *грабитва* (сена), *гро(ы)м-нуть*, *гул* 'крик, шум', *дать гул* 'откликнуться', *гульба*, *жалит-ка* 'музыкальный инструмент', *желудок* 'желток', *жмойда* 'скряга', *жмыль* 'скупой', *заборка* 'перегородка', *земь*, *зень* 'земля, дно', *знятьба* 'золотуха', *зыбать* 'качать', *измятина*, *лалоки* 'десна', *ледьё* 'лезвие', *лужевник* 'трава'.

Последняя группа ярко отражает силу юго-западного влияния на язык Пскова в XIV—XVII веках, влияния, шедшего из Польско-Литовского государства и приведшего постепенно к смене лингвистического ландшафта на большой территории к югу от Опочки, Великих Лук и к востоку от Ржева, Вязьмы, Орла, Курска.

Именно это влияние в совокупности с рядом других причин способствовало, по-видимому, стабилизации пучка изоглосс Псков—Славковичи—Порхов⁴. К северу от этой линии мы находим в псковских говорах больше всего севернорусских слов: севернопсковские говоры к северу от Пскова — Порхова теснее всего связаны с другими северными диалектами. Из слов этой группы на Волхове, Ояти, в Прионежье и Заонежье отмечены *алибо*, *бабаха*, *бабашка*, *балакать*, *бабничать*, *белток*, *благой*, *вёдро*, *верёх*, *взаболь*, *гамзуля*, *гамзить*, *гашник*, *гверста*, *глушина*, *глыжа*, *гул*, *желудок*, *заборка*, *земь*, *зень*, *зыбать*, *измятина*, *лава*, *лалоки*, *летошник*. На Белом море — *бабничать*, *басалай*, *бася-бася*, *большак*, *буерага*, *верёх* (верх дома), *взаболь*, *зыбать*, *зыбка*, *измятина*; не севернее

⁴ Возникновение его относится, вероятно, к более древней эпохе.

Ояти слова — *баря-баря*, (есть) *голью*, *грымнуть*, *дать гул*, *жмойда*, *горяшка*, *зыкать*, не севернее Волхова — *гваздаться*⁵.

По данным СРНГ, многие из этих слов известны на севере и шире: *алибо* (помор., холмог.), *бабаха* (новг., демян.), *балакать* (арх.), *бабничать* (арх., вят.), *баря-баря* (каргоп., тотем., пошех.), *баской* (мурм., арх., онеж., яросл.), *белток* (мстин.), *берещеники* (луж., демян.), *благой* (новг., волог.), *вёдро* (арх., волог., вят.), *верёх* в доме (новг., арх.), *взаболь* (новг., арх., волог., яросл.), *гашник* (новг., волог., яросл.), *гверста* (новг., волог., череп.), *глушина* (новг., волог.), *голью* есть (новг., арх., волог., яросл., демян.), *гро(ы)мнуть* (новг.), *гульба* (новг., волог., яросл.), *забирка* (волог., арх., вят.), *земь* (новг.), *зень* (новг., арх.), *зыбать* (новг., арх., волог.), *зыбка* (новг., арх., сев.-двин., волог., яросл.), *измятина* (новг.), *лава* (новг., арх., волог., яросл.), *лалоки* (новг., арх., холмог.), *летошник* (новг., вят.).

Большинство севернорусских слов, зафиксированных в псковских говорах, — это слова, известные также и новгородским, архангельским и вологодским диалектам.

Таким образом, типологически и исторически северная основа псковских говоров была, по-видимому, адекватна собственно севернорусской основе архангельских и вологодских диалектов⁶. Доля и сохранность севернорусской лексики и по абсолютному числу слов, и по их употребительности в речи, и по ареалу в псковских говорах постепенно нарастает по мере продвижения от Себежа, Пустошки, Опочки, Великих Лук к Локне, Новоржеву, Острову, Пскову, Порхову и далее на север к Гдову и Плюссе. Нельзя, конечно, не видеть, что многих севернорусских слов вообще нет в псковских говорах или они представлены слабо и диффузно. Выявление архангельских, вологодских слов, не известных говорам к югу от Пскова, Порхова, представляет собой отдельную самостоятельную задачу.

В течение долгих веков медленно и постепенно, под напором лингвистических факторов, наступавших с юга и юго-за-

---

⁵ Некоторые из этих слов, такие, как *гваздаться*, *баря-баря*, *гул*, *грымнуть*, могут быть и итогом более поздних влияний языка Пскова на язык Севера.

⁶ Впрочем, среди псковских слов, известных на Севере, могут быть и слова, действительно проникшие на север из языка Пскова.

пада, севернорусские элементы уступали на Псковщине одну ландшафтную позицию за другой.

Хронология фактов лингвистики, в отличие от археологии, — всегда слабое место. Даже относительная хронологизация старой диалектной севернорусской лексики возможна только на общеславянском и восточнославянском фоне.

Конечно, чисто количественно число северных слов в псковских говорах к северу от Опочки — Великих Лук и сегодня много больше числа аналогичных фонетических и морфологических явлений. Вряд ли, однако, это может служить серьезным доводом в пользу признания говоров к северу от Опочки, Пустошки, Великих Лук и югу от Пскова — Порхова по своему типу севернорусскими. Не говоря уже об определяющей роли в таком вопросе именно фонетических и морфологических черт, перед нами в лексическом отношении говоры исторически северные в своей основе, сохранившие и сегодня немало севернорусского, но подвергшиеся позднее очень сильным влияниям извне и навсегда утратившие по причине этих влияний свой некогда севернорусский облик.

Л. П. Комягина

СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Для уточнения значений слов¹, решения этногенетических проблем, воссоздания истории заселения региона важно выяснить соотношение изоглосс и изопрагм на исследуемой территории.

В программе лексического атласа Архангельской области мы поставили своей целью проверить в обследуемых пунктах наличие или отсутствие отдельных реалем, проследить распространение их разновидностей. В атласе представлено не-

---

¹ Попов И. А. К вопросу о соотношении ареалов слов и реалий. — Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977; Моравская О. Н. Сопоставление лингвистических и этнографических ареалов для уточнения значения слов. — Диалектология и лингвогеография русского языка. М.: Наука, 1981.

сколько карт этнографического и этно-лингвистического характера, что сделало возможным сопротивление лингвогеографических и этногеографических показателей.

Граница, проходящая примерно по водоразделу Онеги и Северной Двины, наиболее актуальна для современных архангельских говоров². Она прослеживается на значительном числе лексических карт³. Та же граница обнаруживается на картах «Приспособления, употребляемые для передвижения больших чугунов в русской печи», «Способы укрепления весла на борту лодки» (рис. 8). Этнографические материалы М. В. Витова⁴ также подтверждают наличие двух основных зон: западной и восточной.

На многих картах атласа выделяется юго-западный ареал. Например, *бурак* 'ручная корзина'; *камелёнка* 'печь в бане, сложенная из камня'; *колубень*, *колыбень*, *колыбель*, *колыбало* 'качели'; *чёлно* 'лодка, выдолбленная из осины'; *капуста* 'брюква'; *черпало* 'колодезное ведро (бадья)'; *ймочком* 'в жмурки (играть)'; *усухуткдм* 'в прятки (играть)' и др. С юго-западными изоглоссами совпадает и этнографический материал. Граница сплошного распространения старого орудия косыбы, косы с короткой изогнутой рукояткой (*горбуша*), противопоставляет остальной территории области юго-запад и большую часть бассейна р. Ваги (рис. 1). Примерно такова же конфигурация линии сплошного распространения слова *страдать* в значении 'убирать сено' (рис. 2).

Связь юго-запада (или всего бассейна Онеги) с Вагой прослеживается на многих лексических картах (*окосье* 'деревянная часть косы' — рис. 3; *сечка* 'ручное орудие окучивания'; *гузно* 'сиденье прялки' — рис. 4; *тушылка* 'посуда, в которой хранят угли'; *пёнус* 'покос в сыром месте'⁵; *зобня*, *зобёнка*, *зобенька* 'ручная корзина'; *коромысло* 'стрекоза' и др.) и на карте этно-лингвистической: граница распространения изгороди из жердей, укрепленных наклонно (*косая огорода*, *косой*

² Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в северной России. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

³ Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. — «Русская речь», 1971, № 3.

⁴ Витов М. В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964, с. 7.

⁵ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах. — Вопросы изучения лексики русских народных говоров. (Диалектная лексика 1971). Л., 1972, с. 47.

огород, кося огородь, косяк)⁶, отделяет также бассейн Онеги, Летний берег Белого моря и бассейн Ваги от остальной территории области.

Сопоставление лингвистических данных с этнографическими, а также с материалами смежных наук, фольклорными⁷, антропологическими⁸ данными позволяет выявить причины формирования отдельных групп говоров: направление колонизационных потоков, средства сообщения, с одной стороны, и, с другой стороны, изолированное положение внутри губерний, относительная изоляция небольших групп населения в условиях низкой плотности.

Основная причина неоднородности севернорусского этноса — два древних миграционных потока: новгородская колонизация и «низовская», колонизация из верхнего Поволжья. Направление новгородской колонизации — с бассейна Онеги на Емцу и по Емце в бассейн Северной Двины, на Пинегу, Мезень, Кулой. Районы былинной традиции совпадают с онежско-двинско-пинежско-мезенскими изоглоссами.

Второе направление новгородской колонизации — по югу региона, что отражается и важско-онежскими лексическими связями, и в антропологических показателях⁹, и в топонимике¹⁰, и в этнографическом материале.

Волнообразный характер распространения лексических явлений на Двине наводит на мысль о длительном соперничестве Новгорода и Москвы в XIV—XV вв. Следы его, по словам М. В. Витова, обнаруживаются также «в постепенном и закономерном переходе особенностей современной крестьянской культуры и физического облика современного населения, живущего вдоль северных рек, особенно Двины и Ваги. Этот переход, отражающий взаимное проникновение компонентов, выявляется на значительном участке от устья Емцы до истоков Ваги»¹¹.

⁶ Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области...

⁷ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.). — «Советская этнография», 1969, № 4.

⁸ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Никонов В. А. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», нов. сер., Вып. 2. М., 1964, с. 182—183, 186.

¹¹ Витов М. В. Этнические компоненты..., с. 7.

Интересны карты, на которых прослеживается движение отдельных слов с Ваги по Двине, от устья Ваги до Пинеги, отсюда вниз по Двине и вверх по Пинеге, на Мезень и в Поморье. Например, слово *зарукавья* 'вязание из шерсти, надеваемое выше рукавиц' распространено на Ваге, отмечено в верховьях Двины и на Вычегде, ниже устья Ваги на Двине образует небольшой довольно компактный ареал у устья Емцы, распространено в низовьях Двины и по Летнему берегу, на нижней Пинеге, отмечено на Мезени (рис. 5). Слово *гача* 'часть брюк, надеваемая на одну ногу' распространено главным образом по Ваге, в низовьях Двины и Пинеги, отмечено в бассейне Мезени и в Поморье (рис. 6). Слово *сарьга* 'полоска бересты или древесная, прут для связывания или плетения чего-нибудь' бытует на Ваге, по Двине у устья Ваги и Емцы, отмечено еще ниже по Двине, у ее устья, и на средней Пинеге (рис. 7). Слово *скамья, скамейка* 'козлы, подставка для пилки дров' зафиксировано по всей Ваге, от устья Ваги вниз по Двине и вверх по Пинеге, по Мезени и ее притокам, по Зимнему берегу Белого моря.

С важско-пинежско-мезенскими изоглоссами совпадает распространение одного из двух способов укрепления весла на борту лодки. 1-й способ — в борту лодки укреплены 2 колышка, между которыми вкладывают весло — на Ваге, на Двине, от устья Ваги вниз, на Пинеге, в Поморье (на рис. 8 — 1). Второй способ известен во всей области: в борту лодки укреплен колышек, на который надевается дужка весла (2).

Возможно, заселение восточной части нашего региона с юга шло по Ваге на Двину и далее от устья Емцы теми же путями, что и из Новгородской земли. Об этом же говорят и антропологические данные¹². М. В. Витов пишет: «...верхневолжский комплекс распространен вдоль южных пределов русского Севера. В собственно поморские области он как бы устремляется через Сухону и Юг — далее через Кокшеньгу и верхнюю Вагу на среднюю Двину и Пинегу»¹³. Далее он продолжает: «Обращу внимание на распространение верхневолжского типа в бассейне Двины и Сухоны. Если главным центром его распространения выступают верхняя Волга и ее левые притоки, то только Сухона и Юг могли быть тем путем,

---

¹² Карты №№ 7, 8 в статье Витова М. В. «Антропологические данные...».

¹³ Там же, с. 96.

по которому население, несшее верхневолжский тип, проникло на Север. На Двину попадали, видно, через Устю и Вагу, так как верховья этой реки и низовья Вычегды были заняты населением другого происхождения»¹⁴.

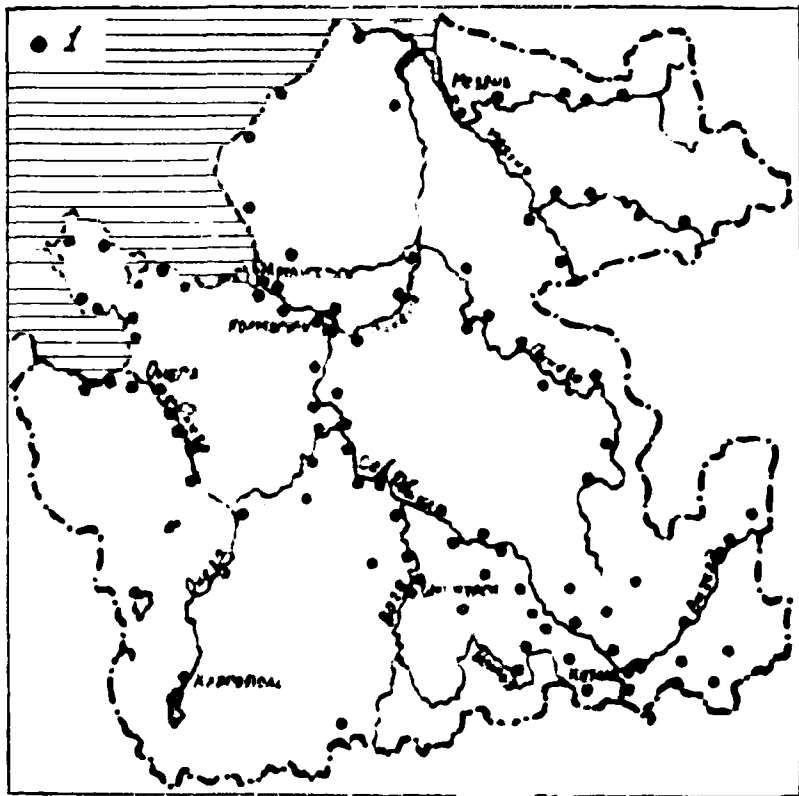

Рис. 1. Распространение косы с короткой изогнутой рукояткой.

¹⁴ Там же, с. 104

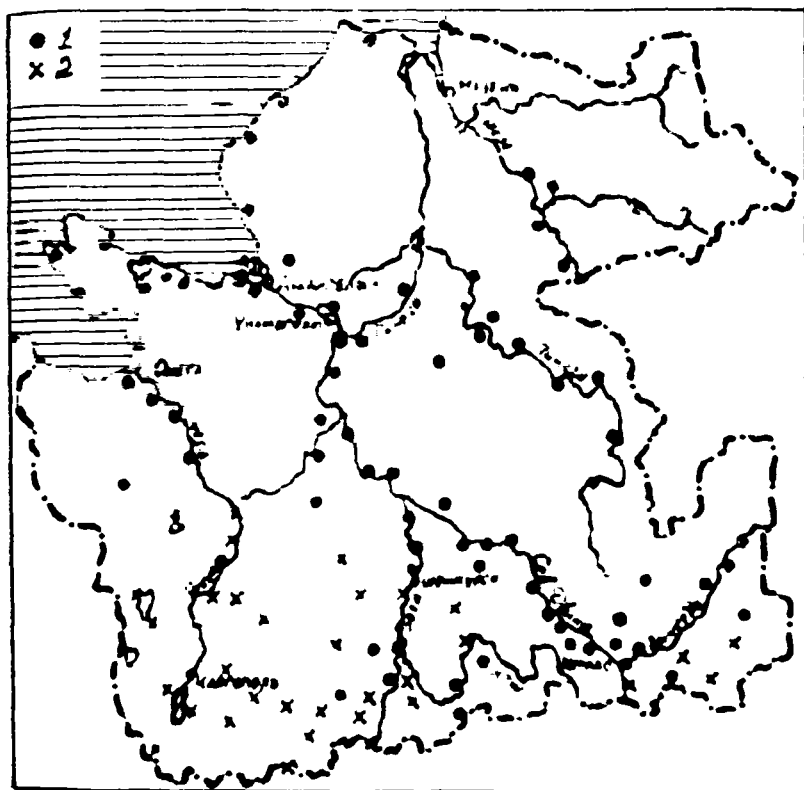

Рис. 2. Распространение слова страдать в значении 'убирать сено': 1 — страдать 'убирать сено'; 2 — отсутствие слова.

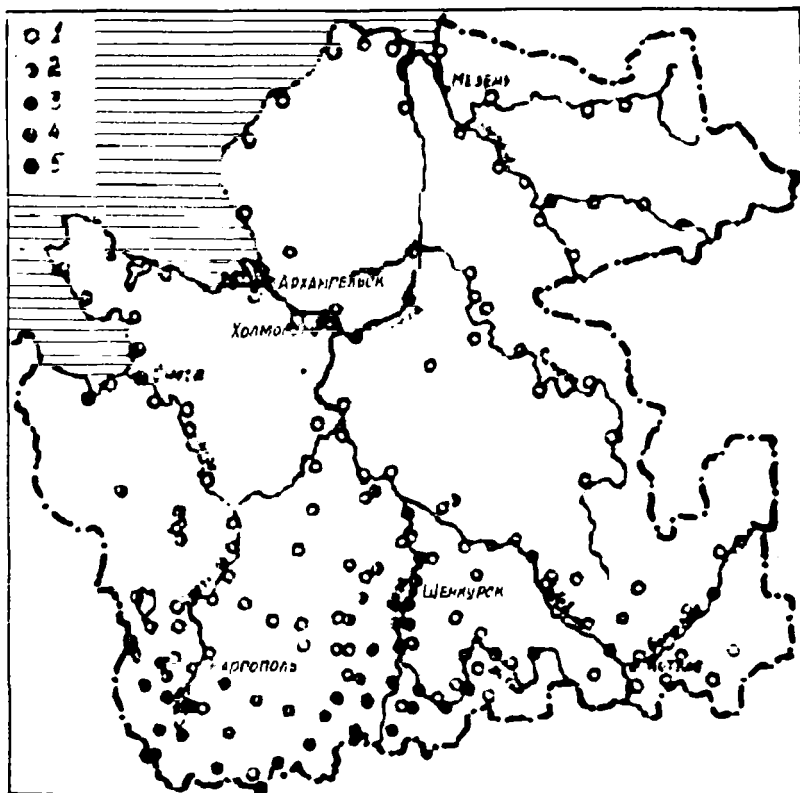

Рис. 3. Деревянная часть косы: 1 — косъё; 2 — окосъё; 3 — косъёвище; 4 — кослёвище; 5 — кривуля (криуля).

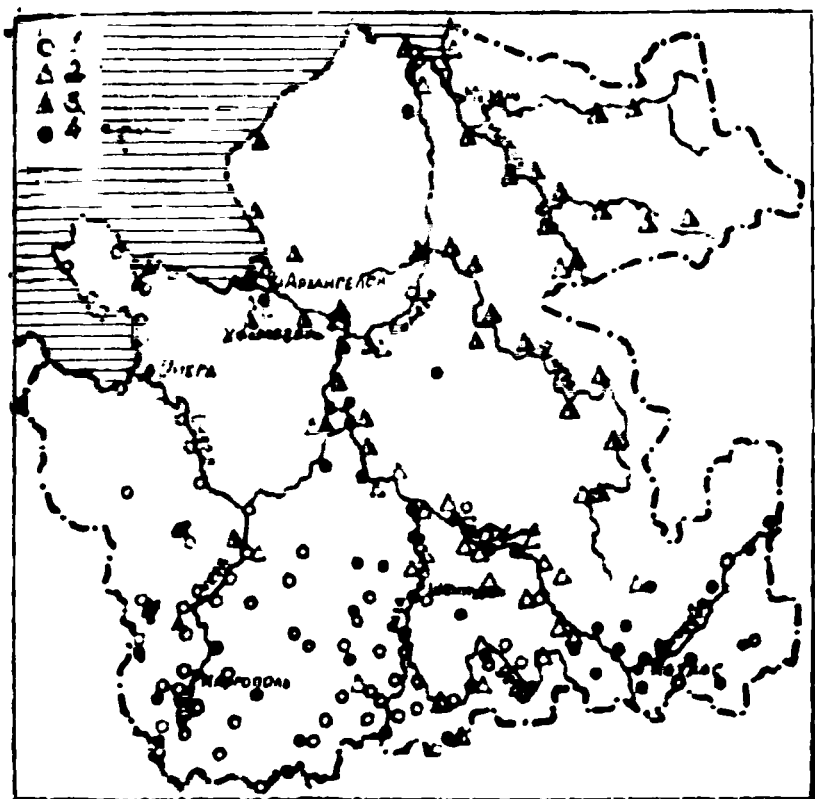

Рис. 4. Сиденье прялки: 1 — гузно; 2 — подгузон; 3 — подгузка, 4 — во-пыл.

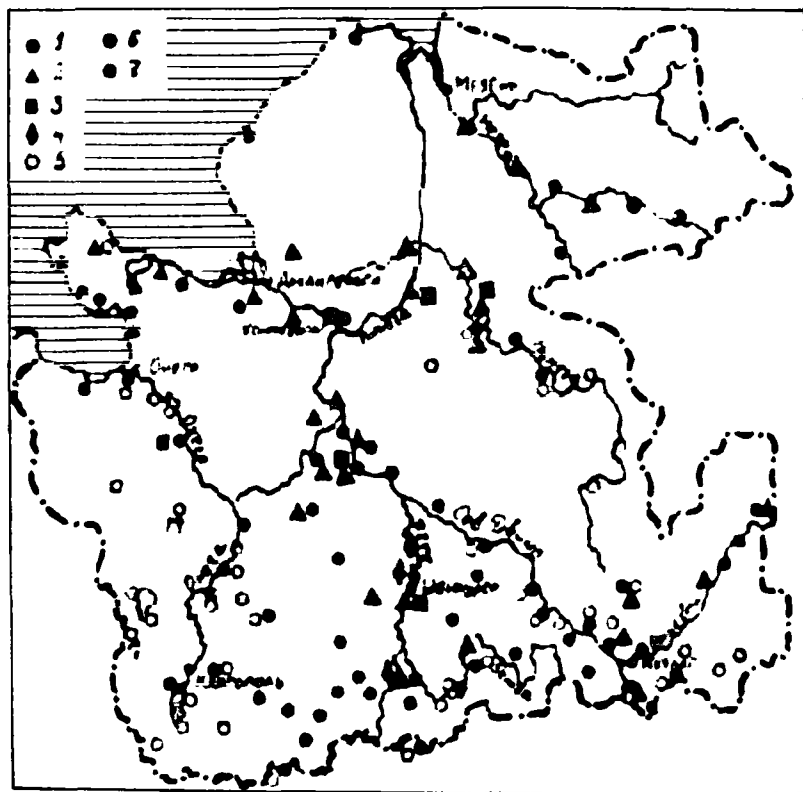

Рис. 5. Вязание из шерсти, надеваемое выше рукавиц: 1 — нарукавники; 2 — зарукавья; 3 — зарукавники; 4 — зарукавки; 5 — накулачник; 6 — муфта, мухта; 7 — закарпётки

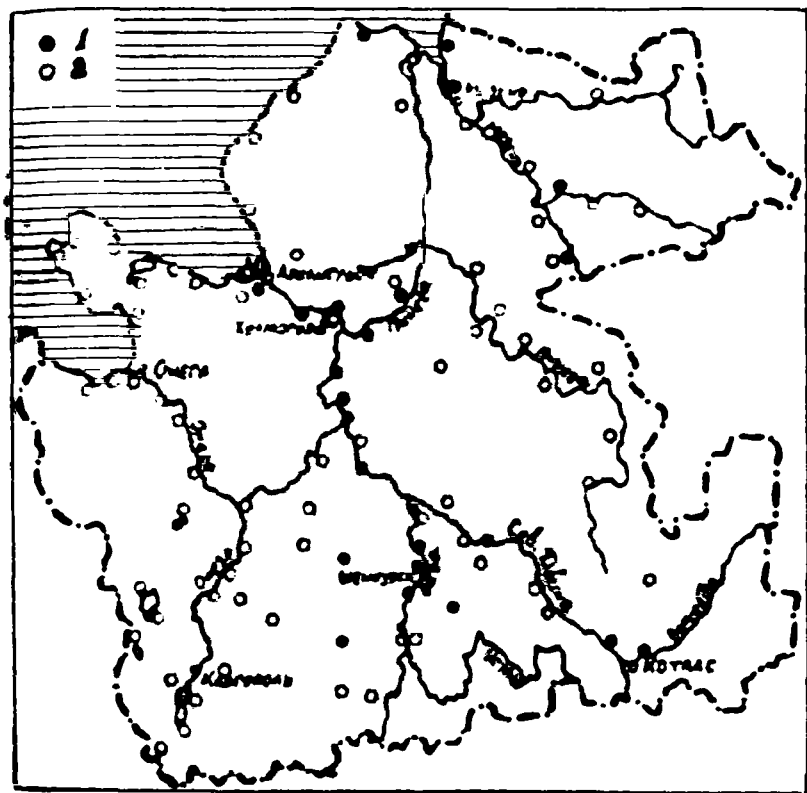

Рис. 6. Часть брюк, надеваемая на одну ногу: 1 — гача; 2 — сопля.

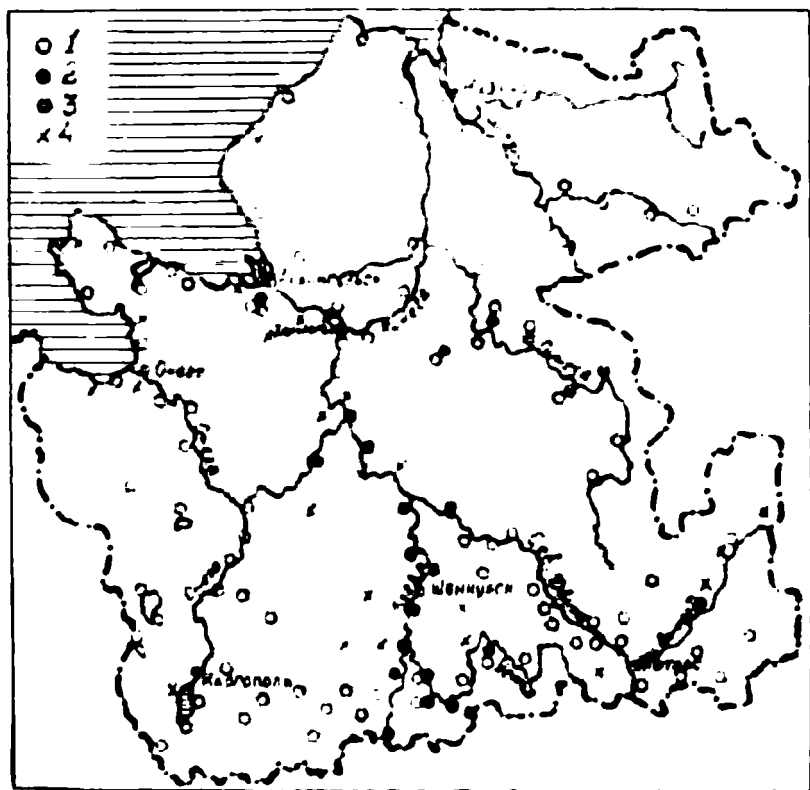

Рис. 7. Распространение слов сарга, сарьга, сартынь в значении 'берестяная древесная полоска или прут для связывания или плетения чего-нибудь': 1 — сарга; 2 — сарьга; 3 — сартынь; 4 — отсутствие слов.

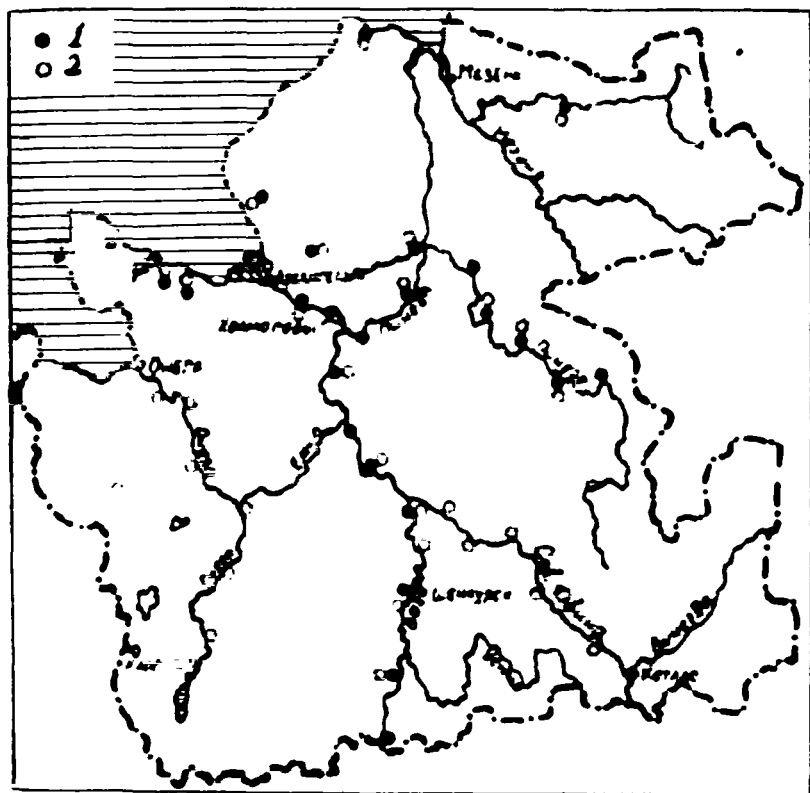

Рис. 8. Способы укрепления весла на борту лодки.

Т. Г. Паникаровская

НАЗВАНИЕ РЕАЛИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

(Русская печь и её части)

Русская печь составляет характерную особенность восточнославянского жилища. Даже в современных домах, сооружаемых для села по типовым проектам, крестьяне считают целесообразным складывать именно русскую печь.

Существует ряд этнографических исследований, посвященных описанию славянского жилища, в частности, русской печи, ее эволюции¹. Сведения о типах печей, в том числе русских, находим в историко-этнографическом атласе «Русские»².

Русская печь на территории Восточной Европы, по мнению этнографов, — очень древнее изобретение. Глинобитные печи — прототип простейших вариантов русской печи — обнаружены уже в трипольских жилищах III тысячелетия до нашей эры. В северных районах, вероятно, имелся и свой прототип русской печи. Им могла быть печь-каменка — примитивное куполообразное сооружение из камней. Описывая крестьянскую избу Вологодской губернии, Д. Осипов отмечает, что Север дает и такую форму жилища, где глинобитная печь отсутствует, а ее заменяет простой каменный сводчатый очаг, помещающийся внутри избы³. Возможно, что русская глинобитная печь, постепенно распространяясь с юга на север, вытеснила печь-каменку.

Простейший тип русской печи — черная, или курная, не имеющая дымохода. Устье ее служило как для закладки топлива, так и для выхода дыма. До середины XIX века почти на всей восточнославянской территории избы были черными. В Тотемском уезде Вологодской губернии, по данным Д. Осипова, в 1880 году было около 50% черных изб⁴. В историко-

---

¹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. I. М., 1877; Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России. Тотма, 1924; Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозера. Труды секции археологии РАНИОН, т. 4. М., 1929. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Новая серия, т. XXXI. М., 1956.

этнографическом атласе «Русские» также отмечается, что особенно стойко курные печи удерживались в глубинных северных районах, в частности, в ряде уездов Вологодской губернии, где их можно было встретить вплоть до XIX века⁵.

Постепенно, однако, черная изба изживается, курные печи уступают место кирпичным с топкой по-белому, где дым поднимается в выложенный из кирпича над шестком кожух, откуда отводится на чердак. Заканчивается дымоход... кирпичным боровом — горизонтальной частью дымохода, соединяющей печь с дымовой (выводной) трубой.

Е. Э. Бломквист так описывает русскую печь с топкой по-белому: «При устройстве печи прежде всего делают опечек (основание печи). В лесной полосе опечек делается из вытесанных брусьев или распиленных пополам нетолстых бревен, причем угол опечка рубится в лапу, а концы бревен, если печь примыкает к стене, заводятся в стены, где их укрепляют клиньями в особых гнездах. Верхние продольные бревна опечка выпускаются за сруб, на них устраивается «подмосток»⁶. Менее распространенной, по свидетельству Е. Э. Бломквиста, была кладка из обожженного кирпича. Перед устьем печи, из которого выходит дым, расположен шесток, на нем сделаны с боков стенки, в них расположены горнушки (из замазанного горшка), или «загнеты», куда пригребаются угли, благодаря чему сохраняется жар. Около горнушки делается круглое отверстие для трубы самовара (самоварник). Сейчас в передней и боковой стенках для сушки рукавиц, носков вырезают небольшие углубления — «печурки»⁷.

Предлагаемая статья написана на основе лексических данных, собранных в Тотемском районе Вологодской области (Пятовский, Вожбальский, Погореловский сельсоветы)⁸. Говоры указанной территории (центральная и юго-западная часть района) в лексическом отношении, по нашим наблюдениям, однородны.

---

² Изд. «Наука», 1970.

³ Осипов Д. П. Указ. соч., с. 14.

⁴ Там же.

⁵ С. 65.

⁶ Бломквист Е. Э. Указ соч., с. 152.

⁷ Там же.

⁸ В данной статье использованы также некоторые материалы, содержащиеся в дипломной работе Н. С. Шишкиной, выполненной в 1974 году под нашим руководством.

Нами зафиксировано 18 слов, относящихся к тематической группе или «лексической серии» «русская печь с топкой побелому», а именно: *пекарка* 'русская печь'; *голбец* 'деревянная пристройка к русской печи, под которой обычно устраивается ход в подполье'. Различают *нижний* и *верхний голбец*. *Нижний* — 'именно деревянная пристройка к русской печи', *верхний* — 'часть этого сооружения, настил из досок', крыша нижнего голбца служит лежанкой. *Голубня* — *опЕчек* — *ошёсток* — *шестОшница* 'деревянное основание русской печи'; *душНик* 'отверстие для выхода дыма, в которое вставляется самоварная труба'; *загнета* 'место в русской печи (около устья), куда загребают жар'; *засОв* — *поползУха* 'задвижка, приспособление для закрытия отверстия трубы'; *зАсторонок* 'отдушник, приспособление в печах, которое служит для регулирования доступа нагретого воздуха в помещение'; *зЕркало* 'выемка на боковой поверхности печи, играющая декоративную роль'; *карНиз* 'выступ' (карнизов два: *нижний* — небольших размеров над устьем печи, на него кладут спички и другие мелкие предметы, *верхний* — горизонтальный выступ, завершающий печь под потолком, играет декоративную роль); *кожУх* 'дымоход, верхняя часть русской печи, печная труба до потолка'; *печУрка* 'небольшое углубление в печной стене для спичек, мелких вещей и т. п.'; *порОг* — *пристУпок* (об. мн. *пристУпки*) 'деревянная ступенька у печи, по которой поднимаются, восходят на верхний голбец'; *шатЕр* 'наружная лицевая часть свода русской печи'; *шестОк* 'площадка между устьем и топкой русской печи'.

Анализируемые слова в своем большинстве являются диалектными, т. е. локально ограниченными в своем употреблении (они либо не приводятся в нормативных словарях современного русского языка, либо имеют в них помету «обл.»).

Общерусскими из числа указанных являются лишь слова *карНиз*, *порОг*, *пристУпок* (слово *пристУпок* приводится в «Словаре русского языка» с пометой «разг.»)⁹, *шестОк*. Возможно, к общерусским следует отнести и слово *кожУх*, указанное в том же словаре со специальной пометой «техн.» в значении 'оболочка, покрывка, футляр и т. п.', близком к нашему¹⁰.

Анализируемые слова, являющиеся названиями реалий

⁹ т. III. М., 1959, с. 606.

¹⁰ т. II. М., 1958, с. 86.

крестьянской жизни, по-видимому, целесообразно называть специализированными диалектными словами, или словами с терминологическим значением. Эти слова обозначают специальные предметы, они однозначны, лишены эмоциональной окрашенности, в большинстве случаев не имеют синонимов. Исключение составляют синонимические ряды: *поползУха* — *засОв*; *опЕчек* — *ошОсток* — *шестОшница* — *голубнЯ*; *порОг* — *пристУпок*. Члены этих синонимических рядов, являясь абсолютными синонимами, отмечены в одной языковой микросистеме.

Рассматриваемые слова с терминологическим значением относятся к числу общепонятных, они — принадлежность активного словарного запаса носителей говора. Отмечая функциональную специфику диалектных терминов, Т. С. Коготкова указывает, что термины говора в самой лексической системе диалекта можно назвать «терминами всеобщего употребления», что их часто можно квалифицировать как лексический факт обиходно-разговорной речи говора¹¹. «Из числа признаков термина в общепринятом смысле, — отмечает Т. С. Коготкова, — диалектному термину больше всего присуща соотнесенность со словами того же самого тематического ряда...»¹².

Большинство анализируемых слов с терминологическим значением прозрачно по своей внутренней форме, их семантико-морфологическая структура является мотивированной (*опЕчек*, *шестОшница*, *душнИк*, *загнЕта*, *засОв*, *поползУха*).

Среди изучаемых слов отмечены так называемые семантические диалектизмы.

Многие слова с терминологическим значением из числа характеризуемых, по данным картотеки Словаря вологодских говоров, широко распространены в вологодских говорах. Таковы, например, слова: *гОлбец* (Волог., Сок., Вож., Ник. р-ны); *душнИк* (Вытег., Ник. р-ны); *опЕчек* (Устюж., Вож., Сямж., Ник. р-ны); *пекАрка* (Волог., Межд., Ник., Тарн. р-ны); *печУрка* (Волог., Вож., Сямж., Межд., Ник. р-ны); *порОг* (Волог., Сямж., Межд. р-ны); *пристУпок* (Волог., Межд., В-У., Ник. р-ны); *кожУх* (Волх., Сямж., Ник. р-ны).

---

¹¹ Коготкова Т. С. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка. — В кн.: Диалектная лексика. 1969, Л., 1971, с. 5—6.

¹² Там же.

Отдельные слова (например, *голубня*, *поползУха*) являются узкоместными.

Обращение к диалектным словарям русского языка и специальным исследованиям с целью установления ареала бытования изучаемых слов с терминологическим значением подтверждает вывод Т. С. Коготковой и других исследователей об интердиалектном характере многих из них. Так, например, слово *гОлбец* в значении, зафиксированном в тотемских говорах, является принадлежностью лексики севернорусского наречия. По свидетельству словарей и специальных исследований, оно известно архангельским (Подвысоцкий, с. 32), вятским (Васнецов, с. 50), ярославским (Мельниченко, с. 52), костромским (ООВС, с. 38) говорам, а также говорам Урала (Сл. соликам., с. 110; Сл. Сред. Урала. вып. 1, с. 117) и Сибири (Сл. Красноярск., с. 40; Сл. Новосиб., с. 97; Талицкий словарь, с. 128). Е. И. Тынтуева зафиксировала слово *гОлбец* в Забайкалье¹³.

Лексему *гОлбец* с указанным значением знают также некоторые среднерусские говоры, в частности, подмосковные (Иванова. Подмоск., с. 87) и калининские (Опыт., с. 46).

Среди анализируемых слов с терминологическим значением отмечены и такие, которые являются принадлежностью не только севернорусских говоров (лексическая близость вологодских, архангельских, вятских, ярославских говоров очевидна), но бытуют в среднерусских говорах и в говорах южнорусского наречия, что свидетельствует об их интердиалектном характере. Междиалектное распространение слов с терминологическим значением обусловливается как внеязыковыми (общность предметов материальной культуры), так и языковыми факторами¹⁴. Таковы, например, слова: *опЕчек* — ярославское (Мельниченко, с. 134), пермское (Сл. соликам., с. 396), сибирское (СРСГ по Оби, вып. II, с. 215; Иванова¹⁵), московское (Иванова. Подмоск., с. 318), рязанское¹⁶; *печУрка* —

---

¹³ Тынтуева Е. И. Из истории слов *омшаник* и *голбец*. — В кн.: Диалектная лексика. 1979. Л., 1982, с. 164.

¹⁴ См., напр., Коготкова Т. С. Указ. соч., с. 11.

¹⁵ Иванова Ф. П. Бытовая лексика в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по реке Оби и ее притокам. — В кн.: Лингвистический сборник. Томск, 1965, с. 215.

¹⁶ Руделев В. Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах. АКД, Оренбург, 1958.

вятское (Васнецов, с. 209), олонеекое (Куликовскйй, с. 82), уральское (Сл. соликам., с. 440; Соколова¹⁷), сибирское (Сл. краснойрск., с. 146; СРСГ по Оби, вып. III, с. 18), москоекское (Иванова. Подмоск., с. 351), калининское (Опыт, 180), рязанское¹⁸, пензенское¹⁹. В рязанских говорах отмечены слова *порОг*, *душиИк*²⁰, *зЕркало*²¹, в донских говорах — *пекАрка* (Миртов, с. 224; Словарь русских донских говоров²²).

---

¹⁷ Соколова А. Н. Из наблюдений над диалектной лексикой Шадринского района. УЗ Шадринского пединститута, Шадринск, 1959, с. 228.

¹⁸ Атабаева Г. А., Вертутина Ю. И. Лексика жилища и утвари трех сел Рязанской области. УЗ Рязанского пединститута, № 12. Рязань, 1955, с. 44; Руделев В. Г. Названия жилых и хозяйственных построек в некоторых южновеликорусских (рязанских) говорах. УЗ Рязанского пединститута, т. 21, 1958, с. 120.

¹⁹ Гвоздев А. Н. Два говора одного села Пензенской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. АН СССР, I, М., 1947, с. 82.

²⁰ Руделев В. Г. Лексика жилища..., АКД, с. 12. 18.

²¹ Атабаева Г. А., Вертутина Ю. И. Указ соч., с. 44.

²² Том II. Ростов-на-Дону, 1976, с. 222.

Условные сокращения.

В-У. — Великоустюгский район.

Вож. — Вожегодский.

Волог. — Вологодский.

Вытег. — Вытегорский.

Межд. — Междуреченский.

Ник. — Никольский.

Сок. — Сокольский.

Сямж. — Сямженский.

Тарн. — Тарногский.

Устюж. — Устюженский.

ИСТОРИЯ СЛОВА И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

«...фактическая жизнь слова в многочисленных ее проявлениях находит отражение в лексикографических «календарях» через долгие сроки молчания»¹. Для того чтобы в словаре запечатлелась действительная, реальная жизнь слова, хранящая в себе следы истории, культурной жизни народа, составители должны провести предварительную исследовательскую работу, в процессе которой были бы прослежены история развития семантики слова, его историко-этимологические судьбы и связи, особенности бытования в памятниках письменности, живых говорах. Естественно, только составители словарей не в состоянии выполнить эту работу. Вместе с тем очевидно, что, например, этимологическая лексикография невозможна в наше время без учета данных исторической лексикографии и исторической лексикологии. Из-за отсутствия полных исторических словарей не всегда представляется возможность проследить процесс развития семантики слова и — особенно — установить утрату первичных его значений. «Не случайно, что у разных этимологов поиски первичного признака наименования слова и промежуточных цепочек значений, с которыми связаны известные уже нам лексемы, очень часто бывают противоречивыми. А многое из утраченной лексической семантики погребено для науки безвозвратно. Все же, когда мы имеем дело не с праязыковыми реконструкциями, а с фактами поздних исторических времен, можно добиться больших результатов»².

Яркой иллюстрацией приведенных положений является реальная жизнь слова *ссуда*, отраженная в исторических и диалектных словарях, в памятниках письменности, и его этимология, представленная в этимологических словарях русского языка.

Слово *ссуда*, широко известное в современном русском литературном языке в значении 'предоставление денег, вещей и

¹ Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. ВЯ, 1966, № 6, с. 17.

² Филин Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа. ВЯ, 1982, № 5, с. 20.

т. п. в долг на определенных условиях возврата, а также сами деньги, вещи и т. п., полученные в долг на определенных условиях возврата', не имеет пока, на наш взгляд, достоверной этимологии. Авторы этимологических словарей связывают обычно это слово с глаголом *ссудити* 'ссудить', указывая в качестве первичного значение 'назначенное, определенное судом'; 'наделение, присуждение'; *ссудити*, в свою очередь, производится от *судити*, а последнее — от *суд*³. А. Г. Преображенский, приведя в качестве исходных слов также *судъ*, *судить*, отмечает вместе с тем, что значение слова *ссуда* нелегко поддается объяснению, но опять-таки склоняется к предположению о связи *ссудить* с современным *присудить* 'определить, назначить' (*ссуда* соответственно от *ссудить*). Однако сведения о словах *ссуда* и *ссудить* (*ссужать*), извлекаемые из памятников письменности, не дают достоверного и надежного материала для таких выводов. Во-первых, судя по данным Картоотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. (КДРС), по «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Материалам для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина, слово *ссудить* (*ссужать*) не засвидетельствовано в памятниках древней поры. Отметим, кроме того, что ни в КДРС, ни в «Материалах» И. И. Срезневского, в словарных статьях к словам *судъ*, *судити* и пр., которые могли бы прямо или косвенно отразить ситуации, связанные с интересующими нас лексемами, мы не обнаружили никаких указаний на ссуду, заем, назначенные или определенные судом, на наделение или присуждение. Более того, в наиболее ранних контекстах со словами *ссудить* — *ссужать* выявляется прежде всего значение 'помогать', 'снабжать кого-либо чем-либо', 'давать что-либо во временное пользование или без возврата'. Обратимся к текстам из материалов КДРС: и *зсуди ево хлебомъ и солью довольно* (Дон. д. П, 374. 1641 г.); и *он де...тех людей хотел ссужать своими лошадыми и платьемъ* (Гр. Башк. 162. 1663 г.); *Астараханские стрельцы отпущены въ Астарахань, а войско де ихъ ссужали на дорогу коньми и кормомъ* (Дон. д. IV, 4. 1648 г.). Ср. так-

---

³ См. об этом: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3, М., 1971; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

же в Домострое: *ино темъ запасомъ, какъ даромъ, проживетъ, а нужного и больново и недостаточново ссудитъ, и подможетъ, кому какъ пригоже; аще кому, въ чемъ возможно, и мы помогали, Бога ради, и ссужали всячески* (Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1902, с. 44, 64). Слово *ссужать*, отмеченное в КДРС с XVI в. (в словари оно попало лишь в середине XIX в. — см. Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года), использовалось соответственно с значением 'делиться с кем-либо чем-либо': *а все наши бояре и приказные люди давали имъ и ссужались и ихъ любили* (Англ. д. П, 191. 1587 г.); *ссужаются з детми боярскими чюдотворцовою казною* (Арх. Стр. 1, 686. 1592 г.); *За что ссужаютца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочери* (Пов. Мнх. Пот. 53, по рукописи XVII в.) и др.

Слово *ссуда* в современной его форме мы также не обнаруживаем в ранних памятниках древнерусской письменности, однако в Псковской судной грамоте, датируемой XV веком, отмечаем формы *съсудъ, съсудие, зсудие*. Отметим сразу, что эти слова не воспринимались как отглагольные образования и не имели значения отвлеченного действия, какое приобрело впоследствии слово *ссуда*. Значение отвлеченного действия по глаголу *ссудить* засвидетельствовано в слове *ссуда* лишь в середине XIX в. (см. Слов. 1847 г.), в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. указано только значение 'самые вещи, даваемые кому заимообразно'.

Обратимся к Псковской ссудной грамоте, где зафиксированы первые параллели современного *ссуда*: *А кто положитъ доску на мрътваго о блюденъ(е), а иметъ искати на приказникахъ того соблюденна, сребра или платиа, или круты, или иного чего животного, а тотъ умръшей с подряднею и рукописание у него написано и в ларь положено, ино на тыхъ приказникахъ не искати чрезъ рукописание ни зсудиа безъ заклада и безъ записи и на приказникахъ не искати ничего. А толко будетъ закладъ или записъ, ино волно искати по записи или по закладу; а у приказниковъ умръшаго а не будетъ закладъ, ни записи умръшаго на кого, имъ не искати ничегожъ, ни съсудиа, ни торговли, ни зблюденна ничегожъ* (Псков. судн. грам., СПб., 1914, л. 14).

В приведенном тексте слово *съсудие* употребляется, по-видимому, сначала как обобщающее по отношению к использованным в этом же тексте словам *сребро, платие, крута*, выступающая в качестве синонима такого же обобщающего слова жи-

вотное (ср. живот 'имущество')⁴. Вместе с тем в последующем контексте слово *ссудие* употребляется в одном ряду со словами *торговля* и *зблюдение*. Ср. также следующий текст: *да учнетъ на том же чего искать, с'судья или зблюденья, или иного чего по доскамъ или по торговли* (там же). Аналогичную ситуацию обнаруживаем и в тексте из более позднего памятника письменности — XVII в., где в одном ряду поставлены слова *поклажея* 'пожитки, отданные на хранение' и *ссуда*: *а которые люди учнутъ по челобитнымъ искать на комъ безкабално поклажей, или иной какой ссуды, без писмянухъ крепостей, опроче татебного и разбойного дела, и такихъ челобитенъ не принимать* (АИ 1, 310. 1689 г.).

Одним словом, в слове *съсудие* в Псковской судной грамоте, как и в его варианте *ссуда* в более позднем памятнике, выступает на первый план значение 'имущество', 'ценности', 'животное', данное займа или на подержание.

Однако в Псковской судной грамоте обнаруживаем и довольно отчетливо выраженное значение 'займ' в слове *ссуд*: *А кто иметъ даватъ серебро в заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи а больши рубли не давати безъ заклада и безъ записи. А кто иметъ... ссуда серебра по доскамъ безъ заклада боле рубля, ино того доска повинити, а того права, на комъ сочатъ* (там же, л. 32).

Значение 'вещи, взятые на время, на подержание' выступает на первый план в слове *ссуда* в Домострое: *А лучится у кого какая ссуда взять, или свое дать: саженье, или мониста, или скута женья; судно серебрянное, или медяно, или оловянное, или какое платно, и какой ни буди запасъ, пересмотрити, и нового и ветшаного, где измято, или избито, или утло, или што где изваляно, или подрался, и которая на чемъ буди притча, или што не цело: и все то исчести, и сметити, и записати; — и кто емлетъ, и кто даетъ, обема то бы было ведомо; а что весовое, то бы извешено, и всякой ссуды бы цена поставлена. По грехомъ какова притча станетца: ино на обе стороны хлопотовъ и остуды нетъ; ино тому платежъ. А всякая ссуда имати и давати въ честь, и беречи паче своего и отнести на срокъ; чтобы сами государи того не просили, и по то не посылали: ино и впредь дадутъ, и дружба впрокъ. А только чюжаго не беречи или на срок не отнести, или испортивъ отдать, ино*

---

⁴ В Словаре русского языка XI—XVII вв. слово *животное* дано с значением 'движимое имущество'.

остуда въ векъ; и убытокъ въ томъ, и продажа живетъ и впередъ никто ни въ чемъ не веритъ (Домострой Сильвестр. извода, СПб., 1902, с. 30—31).

В значении 'имущество, полученное крестьянами от монастыря' засвидетельствовано слово *ссуда* в следующем тексте: *да у насъ же богомольцовъ твоихъ в ту вотчину прибавлено пять дворовъ крестьянскихъ со всякою монастырскою ссудою изъ ыныхъ вотчинъ* (А. гражд. распр., 247. XVII в.). С значением 'имущество', 'хозяйственное обзаведение' употреблено слово *ссуда* в целом ряде ссудных записей XVII в. Приведем примеры из двух подобных записей: *Се язъ Петръ Лукъяновъ... взялъ... на всякую крестьянскую ссуду денег 10 рублей, а съ тою ссудою жить мне Петру с женою своею и зъ детьми во крестьянстве; Се язъ... взяли... на всякую крестьянскую ссуду и на заводъ казенныхъ денегъ 10 рублей, и съ тою ссудою...* (Дьяконов М., Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2, Юрьев, 1897, №№ 77, 78. XVII в.).

Следует, однако, отметить, что в целом ряде других деловых документов XVII в. в слове *ссуда* выступает почти современное значение: *Взялъ я... ссуды на всякой крестьянской заводъ 10 рублей денегъ; взяли мы... ссуды на семена и на емена, на лошади и на коровы, и на дворовое строение, и на всякой крестьянской заводъ десять рублей денегъ...* (Дьяконов, Акты, №№ 75, 64 и др. XVII в.).

В XVII в. слово *ссуда* становится широко употребительным в официальной деловой письменности, попадает оно и в Уложение 1649 года. *Ссудой* в это время называлось обычно всякое имущество, хлеб, скот, а также деньги, предоставлявшиеся помещиками вольным людям или отпущенным на волю кабальным холопам, закрепившим ссудными записями свою зависимость от этих помещиков. Ссуда подлежала возвращению лишь в случае ухода или бегства крестьянина, который обыкновенно обязуется 'съ тою ссудою жить' и 'ссуды не снести'. Постепенно слово *ссуда* вытесняет из деловой письменности термин *подмога*, широко известный до XVII в., а в XVII в. еще употреблявшийся наряду с синонимичным ему словом *ссуда*. Ср.: *На ссуду и на подмогу велели имъ изъ нашей казны из Верхотурскихъ доходовъ, денги и хлебъ давать противъ прежняго* (Дьяконов М. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901, с. III).

В смоленской деловой письменности XVII — начала XVIII в. отмечаем диалектный вариант слова *ссуда* — *иссуда* с значением 'имущество', 'хозяйственное обзаведение': *И хочимъ мы сироты вши жить во кресьянстве с женами своими и з детми вечно без повороту за ним Гаврилою Залотухинамъ и за женою и за детми ево Григоркова во кресьянство и он Гаврила намъ сиротам вшимъ дал своего припашку хлеба во ржи половину и в лядах половину и нам сиротам вшимъ за тое иссуду за ним Гаврилою за женою и за детми ево жить во крестьянх и служит в ровенстве своею братею со кресьяны и подати всякие платит ему Гавриле и всякое дела работат на него (Смоленский исторический музей, отдел фондов, 8120. 1693 г.); Пришел в Белскои уездъ и хочет за нимъ Юрьемъ жит во крестьянстве вечно и всякую крестьянскую иссуду у нева Юря взял Василя (там же, 8116. XVII в.); И взял я Василен у нево иссуды скотины и хлеба всего по цене на пят рублей и за тое иссуду жит мне... и всякие изделия на них работат (Смол. а., 1176, 98 об. 1707 г.)*⁵.

Если в приведенных текстах слово *иссуда* означает не просто имущество, а имущество, хозяйственное обзаведение, взятые у кого-либо в счет работы, то в следующем смоленском памятнике письменности начала XVIII в. *ссуда* — 'имущество', 'утварь' без всяких оговорок: *И я холопъ твои взяв дву лошадей своих из дворишка своег(о) и з женою своею покиня домишка свои всякою животинишку и хлеб и платя и всякою домашнюю ссуду с тои Березовской волости ушол ночью в Белскои же уездъ; а что гсдръ в домишку моемъ... какой животины и сколько осталось хлеба и всякои домашней ссуды и то я напишу в ысковои своеи челобитной имянно (Смол. а., 27. 1702 г.)*.

По-видимому, история семантики слова *ссуда* и его диалектных вариантов представляет собой развитие от конкретного, частного значения к общему. Так, в древнерусской письменности мы обнаруживаем свидетельства того, что форма *сѣсудѣ*, отмеченная уже в Псковской судной грамоте с значе-

⁵ На региональный характер слова *иссуда* указывает косвенно отсутствие его в других памятниках письменности (Словарь русского языка XI—XVII вв. его не отмечает). Примечательно, что это слово сохранилось в смоленских говорах, хотя и с видоизмененной семантикой. В Словаре русских народных говоров слово *иссуда* дано с пометой Смол. и с следующим значением: «В дореволюционное время — группа крестьянских хозяйств, совместно получающая землю при ее разделе». Слов. карт. ИРЯЗ.

нием 'заем', употреблялась ранее лишь с 'вещным' значением. Словом *сѣсудѣ* (с непрояснившимся в гласный полного образования Ъ, в отличие от церковнославянской формы *сосудѣ*), в древнерусском языке именовались не только собственно сосуды, но и церковная утварь вообще, орудия, снасти, пожитки, имущество. Правда, чаще это слово фиксируется в древних памятниках письменности со значением 'сосуд' или 'сосуды', однако в Материалах для Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского мы находим и цитаты, иллюстрирующие другие значения. Значение 'церковная утварь' представлено в следующем контексте: *И Десятинную святую Богородицю разграбиша... и иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книги* (Лавр. л. 1203 г.). Другой пример иллюстрирует значение 'орудие': *Иже без потребы угли губить, ли преломить от лениности кузьныи ссуд...* (Варс. крм.). Именовались словом *сѣсудѣ* и корабельные снасти: *Кормленици сѣсудѣ вѣсь корабленыи готовят* (Златостр. сл. 8). И, наконец, собирательное значение — 'пожитки', 'имущество' — выявляет И. Срезневский в слове *сѣсудѣ* в таких текстах: *Ияковѣ поя... все имение свое и вѣсь сѣсудѣ свои; И все рухло их и вѣсь сѣсудѣ ихъ и жены их пленише* (Быт. XXXI. 18, по сп. XIV в.; там же, XXXIV. 22; Сбор. Волог. XV в.). Ср. также: *Взяша и ссуды ихъ и все рухло ихъ* (в другом списке слова *рухло* и *ссуды* заменены одним словом *сѣпрятание* 'сбережение, пожитки'. См. Срезн.). В статье под словом *пленничьскыи* И. Срезневский приводит также слово *сѣсуды* в следующем контексте: *Сѣтвори себе сѣсуды пленническыи*. 1ез. XII. 3(Упыр.) (по сп. XV в., скопированному с рукописи XI в.). Этот текст в Церковном словаре Алексева П. 1773 г. трактуется так: «Сосуды пленничы, то есть всякой скарб дорожный, переселяющемуся в другое место человеку потребный, например: шапка, посох, сапоги, пира, то есть котомка, епанча, мешки, ларцы, колесница и проч.» В статье со словом *сосуды* П. Алексеев приводит и другой текст: *И сосуды его расхитити* (Мат. 12. 29. Псал. 7. 64 и 7. 22), объяснив его следующим образом: «то есть разграбить имущество домовое».

Слово *ссуды* фиксирует в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочин. По-видимому, здесь это слово также употреблено в значении 'имущество': *Наши же* (рать московского великого князя) *възвратишася* (из похода на Болгар), *всю свою волю вземше, а даригу и та-*

можники посадиша, а ссуды и села и зимници ('жилища' — Е. Б.) *пожгоша, а люди посекоша и отъидоша с победою* (ЛС 118, сп. 1377 г.). В других летописных списках на месте слова *ссуды* употреблена форма *суды*: *Суды их и села и зимници пожгоша* (см. Кочин).

На основании изложенного представляется возможным предположить, что исходным для слова *ссуда* и его вариантов могло быть значение 'посуда', 'утварь', 'имущество', одним словом, все 'вещное'. Суждение о развитии в слове *ссуда* общего, отвлеченного значения ('предоставление в долг') из 'вещного', конкретного значения ('посуда', 'утварь', 'имущество') основывается не только на материалах, извлеченных из памятников письменности, хотя и последних, на наш взгляд, достаточно. Интересный материал предоставляют в наше распоряжение живые народные говоры, содержащие в себе, как известно, реликты далекого прошлого. Приведем некоторые параллели.

В старорусской письменности зафиксировано несколько раз слово *посудье* 'посуда', 'утварь', 'снасти' (КДРС); чаще мы отмечаем это слово в смоленской деловой письменности XVII в.: *И в хоромех всякая посудя пожгли; и на дворех и на гумнах пожгли всякое подворенное посудя а всех животов наших взяли лошадей и коров и денег и платя и хлеба пожгли и всякого надворенного посудя на двесте и на трицат рублей* (Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. под ред. Ю. В. Готье. М., 1912 г., № 8. 1609 г.). В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово *посудье* засвидетельствовано (с пометой «олонецкое») в значении 'ссуда, одолжение; услуга, послуга, угождение' наряду с глагольными формами *посудить* 'ссудить', *посуждаться*, *посужаться*, *посудиться* (чем) 'давать займы или на поддержанье, ссужать, одождать других'. В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря 1858 года находим *посуд* 'ссуда'. Ср. также сербо-хорв. *посудити* 'ссудить, дать займы', а также сл. *posoda* 'ссуда', с. *посуда* 'ссуда' (см. Фасмер, Преображенский и др.).

И, наконец, выявляется еще одна параллель. В старорусской письменности изредка встречаются синонимичные приведенному выше слову *посудье* *посуда*, 'утварь' *спосуд* и *спосуда*. *И после смерти ксенза... каким костелным серебром завладел и в том серебре хто какую домовую спосуду делил ли про то мы ни про что не ведаем; смоленской шляхтич Кос-*

тентин Петров снѣ Люрский был я мал и костелные sprawy а спосуд из яфимковъ ево здела стакан болюи да лошку (Смол. а., 1. 1668 г.). Да на боярском же дворе в онбаре железной посуды: 2 котла пивных, один большой, другой маленький, котлик медной путной, ветх; крюки железные котельные; 4 гири весовых двухпудовых; иная мелкая домовая железная спосуда и снасти железные; а что какие спосуды и снастей, и тому всему имянные книги (КДРС — Хоз. Мороз., 223. 1667 г.). И взяли есми... на дворовое строенье, и на всякую мелкую животину, и на всякую дворовую спосуду 12 рублевъ денегъ (КДРС — А. тяг. I—II, 58. XVII в.). Слово *спосуда* в значении 'посуда' (с пометами «новгородское» и «тверское») находим у Даля. За словом *спосуда* в той же словарной статье следуют слова *спосужать*, -дить кого чем, нвг., *спосудать* нвг. 'ссудить, ссужать, дать займы или на подержанье' и др. *Спосудиться* кому чем, *спосудить* кого. Ср. также *спосудище* 'достать, занять' в современных полесских говорах (П. С. Лисенко. Словник поліських говорів, Київ, 1974).

Нам представляется, что приведенные параллели не могут быть случайными. По-видимому, в связи с территориальной ограниченностью слов *посудье*, *спосуд*, *спосуда* в памятниках письменности не нашло отражения промежуточное звено цепи *посудье*, *спосуд*, *спосуда* 'посуда', 'утварь' — *посудье*, *спосуд*, *спосуда* 'вещи, отданные на подержание' — *посудье*, *спосуд*, *спосуда* 'предоставление денег, вещей и пр. в долг'. Введение в оборот новых источников древнерусской и старорусской письменности, особенно региональных, возможно, и приведет к восстановлению утраченного звена, как это получилось с общерусским *ссуда*. В любом случае проведенные выше материалы, позволившие проследить историю развития семантики слова *ссуда* с его вариантами, вынуждают пересмотреть представленную в этимологических словарях этимологию слова *ссуда*, согласно которой слово *ссуда* возводится к корню, омонимичному тому, что лежит в основе исследуемого слова.

И. Г. Добродомов
ВОЗРАСТ СЛОВА И ЕГО ЭТИМОЛОГИЯ
(О слове *кисет*)

Точно установленное время появления слова в языке в значительной степени предрешает направление этимологических поисков, поскольку для определенных эпох более или менее ясны источники обогащения словаря, особенно в плане заимствований. Но если прямыми указаниями на время появления слова в языке исследователь не располагает, а косвенные свидетельства оказываются двусмысленными, то этимолог обязан их все тщательно взвесить и делать на этом основании более или менее достоверный вывод или даже альтернативные выводы.

Общее для русского, белорусского и украинского языка¹ название затягивающегося шнурком мешочка для хранения табака, спичек и трубки *кисет* этимологи (вслед за Ф. И. Рейфом)² давно и устойчиво сопоставляют с теперь устаревшим словом *киса* 'кожаный или суконный мешок, затягивающийся шнурами'. Однако словообразовательные отношения между первичным *киса* и производным от него *кисет* при этом подробно не рассматривались, как это сейчас сделано в «Этимологическом словаре русского языка» изд. МГУ: «Образовано с помощью суф. *-ет* на базе заимствованного из тюрк. яз. сущ. *киса*, сохранившегося в диалектах (Даль, 1880, II, 110), а также в укр. *киса* 'кисет', польск. *kiesa* 'кошелек', с.-х. *kesa* 'мешок,

---

¹ В связи с этим указание «Этимологического словаря русского языка» изд. МГУ (т. II, вып. 8. М., 1982, с. 136) на собственно русский характер слова *кисет* представляется ошибочным.

² Рейф Ф. И. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка, т. I. СПб., 1835, с. 393. Эта словарная фиксация слова *кисет* на 12 лет опережает указываемую в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (т. V. М.-Л., 1956, стб. 967) в качестве самой ранней фиксацию в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года, в связи с чем сведения семнадцатитомного словаря нуждаются в уточнении, как и их не критическое воспроизведение в других трудах. См., например: Юналева Р. А. Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982, с. 83, 111.

патронташ'»³. Здесь происхождение слова переносится на почву русского языка; последний действительно располагает некоторым количеством слов, где выделяется суффикс *-ет*. Это прежде всего слова для называния материалов (кожа и текстиль): *шеврет* (ср. *шевро*), *сатинет* (при *сатин*), *фланелет* (при *фланель*); впрочем, у некоторых из подобных названий с суффиксом *-ет* производящая основа не выделяется: *вельвет*, *маркизет*, *казинет*, *глазет*, *креп-жоржет*. Сюда же примыкают разные нарицательные наименования вокальных и инструментальных ансамблей по количеству участников (от двух до девяти): *дуэт*, *терцет*, *квартет*, *квинтет*, *секстет*, *септет*, *нонет*, где при невыделимости производящей основы четко выделяется «суффиксальная» часть *-ет*. Здесь же целая серия наименований лиц по разного рода признакам с разной степенью основательности выделения корневой и суффиксальной части: *поэт* (занимается *поэзией*), *экзегет* (филолог, занимающийся *экзегезой* — толкованием неясных мест в текстах, особенно религиозных), *аскет* (ср. *аскеза* 'образ жизни аскета'), *апологет* (кто выступает с *апологией* — заступничеством, защитой, часто предвзятыми), *масорет* (хранитель библейского текста, носитель филологической еврейской традиции — *масоры*), *баронет* (ср. *барон*). Сюда же оказалось примкнувшим название члена конституционно-демократической партии (конституционные демократы — сокращенно *к.-д.* или с обозначением конца слова *к.-д.-т*) в дореволюционной России *кадет*, которое окончательно оформилось по образцу ставшего ему омонимом названия воспитанников кадетских корпусов «военно-учебных заведений для мальчиков, готовящихся к офицерской службе», которые именовались *кадетами*, хотя название членов конституционно-демократической партии *кадеты* фактически образовано на основе аббревиатуры.

Можно привести также еще целый ряд слов на *-ет*, соотносимых с однокоренными словами, благодаря чему конечный элемент может квалифицироваться в качестве суффикса, хотя

³ Этимологический словарь русского языка, т. II, вып. 8. М., 1982, с. 136. Попутно стоит заметить, что наличие польск. *kiesza* хорошо объясняет происхождение белорусского диалектного *кёска* «кошелек, торбочка», которое в «Словаре балтизмов в славянских языках» Лаучюте Ю. А. (Л., 1982, с. 113), насильственно выводится из латыш. *keskis* 'деревянные носилки для сена' (=литов. *kestis* 'деревянные или плетеные носилки') или *keska* 'тряпки, лохмотья', несмотря на семантические и фонетические трудности.

степень выделяемости этого суффикса у семантически пестрых разных слов этого ряда неодинакова: *балет* (ср. *балерина*), *этикет* (ср. *этика*), *корсет* (ср. *корсаж*), *пиетет* (ср. *пиетизм*), *баллонет* (ср. *баллон*), *пакет* (ср. *паковать*), *лорнет* (ср. *лорнировать*), *кабинет* (ср. *кабина*), *мотоциклет* (мотоцикл), *дублет* (*дубль*), *дууплет* (*дубль*), сюда же *триплет* без соотносительного слова. Аналогичным же образом к «суффиксальному» *пистолет* (ср. *пистоль*, *пистоля*) примыкают старинные оружейные термины *мушкет*, *фальконет* и, возможно, *стилет*, где условий для такого четкого выделения конечной части *-ет* в качестве суффикса нет из-за отсутствия в русском языке менее сложных или хотя бы одинаково сложных по составу слов с другими суффиксами, но здесь какие-то основания для осознания конечного *-ет* в качестве суффикса дает их семантическое единство (все четыре последних слова относятся к названиями оружия).

Итак, в русском языке имеется достаточно большое число производных слов с суффиксом *-ет* разной степени его вычленяемости⁴. Однако важно учитывать, что все рассмотренные здесь существительные на *-ет* образованы не на почве русского языка и, являясь в этом языке заимствованными, лишь вторично выделяют на русской почве суффикс *-ет* при наличии однокоренных заимствований менее сложной (в таком случае менее сложное по структуре слово выступает в роли псевдопроизводящей мотивирующей основы) или сходной структуры (в этом случае заимствованные слова с разными суффиксами обнаруживают связанность основы)⁵. Иноязычный характер суффикса *-ет* и его непродуктивность на русской почве, вероятно, препятствуют выводить слово *кисет* в качестве образования на русской почве.

В связи с этим оказываются вполне оправданными поиски источника для слова *кисет* за пределами русского языка. Здесь особенно популярной оказывается попытка искать этимоло-

---

⁴ В связи с этим категорическое указание экспериментально-академической «Русской грамматики» (т. I. М., 1980, с. 199) о том, что суффикс *-ет* представлен лишь в единичном образовании *апологет* — *апология* (с общей семантикой 'носитель предметного признака' и значением 'лицо!'), следует считать неточным и ошибочным.

⁵ Добродомов И. Г. Проблемы заимствования морфем. — Актуальные проблемы русского словообразования, I. Самарканд, 1972, с. 259—266; Пастушенков Г. А. Структура слова (единицы структурно-функционального плана). Калинин, 1978, с. 77.

логию на тюркской (татарской) почве⁶, причем сторонники этого объяснения все-таки задают себе остающийся без какого бы то ни было ответа трудный вопрос: «Однако остается неясным, откуда взялось конечное *т?*»⁷. Действительно, конечный согласный *-т* не объясняется на тюркской почве, ибо мало популярный уже на древнетюркской почве показатель множественного числа *-т* считается там эпизодическим заимствованным элементом согдийского (или, что менее вероятно, монгольского или тунгусо-маньчжурского) происхождения, не получившим четкого осмысления и широкого распространения у тюрков и даже часто сопровождавшимся обычным активным тюркским показателем множественного числа *-лар (-лер)*⁸. Он никак не мог присоединяться к относительно поздно проникшему на тюркскую почву персидскому *kuse, kese*, которое через арамейское посредство восходит к древнему ассирийскому *kisu*. Дело в том, что сильное персидское влияние на тюркские языки началось после принятия некоторыми тюрками мусульманства, а это произошло после омертвления показателя множественного числа *-т* уже на древнетюркской почве.

При этимологизации любого слова представляется чрезвычайно важным учет хронологии слова на почве этого языка. Поздняя фиксация слова в русских словарях и текстах (XIX в.), конечно, говорит в пользу позднего характера слова, но здесь нужно вспомнить, что существительным *кисет* в отличие от слова *киса* обозначается слишком мелкий по значимости предмет, который просто не заслуживал упоминания в документах или других письменных источниках. Отсутствие слова в старых источниках в связи с этим не может рассматриваться в качестве конструктивного элемента.

Зато некоторой опорой в поисках хронологии слова и его этимологии может быть признано географическое распространение слова: слова более старые отражаются как более распространенные территориально. Из этого факта, что наименование маленького мешочка для курительных принадлежностей *кисет* известно всем трем восточнославянским языкам

---

⁶ Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915, с. 33.

⁷ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 33.

⁸ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 147; Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977, с. 87—88.

(русскому, белорусскому, украинскому), можно предполагать, что оно было известно и их общему предку — древнерусскому языку, который начал распадаться на самостоятельные языки после XIV века. При этом важно обратить внимание на то, что гласный *е* во втором слоге не перешел в положение после мягкого согласного перед твердым под ударением в *'о* (орфографически *ё*), а в украинском языке в *і* в закрытом слоге, что имело бы место в случае наличия этого слова в древнерусском языке XII—XIII вв. Следовательно, проникновение слова *кисет* в восточнославянские языки на основании наличия его во всех этих языках и своеобразия его фонетики можно датировать XIV веком. Именно применительно к этим условиям и следует вести поиски предполагаемого источника. Но такая хронология заставляет отказываться от трактовки этого слова как изначально обозначающего мешочек для табака, поскольку появление табака в России относится к более позднему времени.

При этимологизации вовсе нет необходимости опираться на словарные формы слова, хотя чаще всего заимствуются именно они. В некоторых случаях заимствованные слова могут отражать какие-нибудь вторичные формы слова.

Правда, языковая ситуация XIV века нам известна лишь в общих чертах, а о языках того времени мы можем судить лишь на основании материала языков современных, в которые поневоле должны вносить исторические коррективы.

В качестве предполагаемого источника для русско-украинско-белорусского слова *кисет* может быть взят современный осетинский язык, который представляет собой конечный результат непрерывного развития старых иранских языков Восточной Европы — скифского, сарматского и — наконец — аланского, причем для наших целей будут существенными данные именно аланского языка, отдельные важные черты которого восстанавливаются на основании материала письменных памятников с опорой на осетинский материал. Для этимологизации русских слов особенно ценны факты аланского языка⁹.

В осетинском языке есть целый ряд близких по значению и форме слов: иронск. *k'isa*, *kyssa* (орфогр. *чысс* *ч* *е*), дигорск. *kisa* 'кошелек, мешочек, карман'; иронск. *k'assa*, дигорск. *k'isa*, *k'essa*, 'мешочек, кисет, кошелечек'; *k'assa* (орфогр. *къзес-*

---

⁹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949, с. 248—259.

са) 'кожаный мешок' — которые в конечном итоге вместе с большим количеством сходных слов в соседних языках восходят к персидскому *киса*¹⁰.

Но в основу слова *кисет* легли не эти исходные аланско-осетинские словарные формы, а регулярная аланская форма множественного числа типа *k'ysata*, *kisata*, образованная с помощью суффикса *-t-* и окончания *-a*. Основа множественного числа без окончания *k'ysât-*, *kisât-* как раз и могла дать нам столь привычное слово *кисет*, которое, конечно же, в XIV веке никак не могло обозначать мешочек для табака, а, скорее всего, обозначало совокупность мешочков для хранения элементов огнива (кремь, стальное огниво, трут), что и обусловило его употребление в форме множественного числа на аланской почве. Эта форма, видно, была воспринята русскими как единственное число из-за необычности такого суффикса множественного числа для русских.

Как показывает сравнительно-историческое изучение иранских языков, родственных осетинско-аланскому, суффикс множественного числа *-t-* был в этих языках очень давно (он представлен был уже в древнем согдийском, а также в более новом виде в хорезмийском языках, которые сейчас известны лишь по старинным памятникам письменности, выйдя в Средней Азии из живого употребления; есть он и в существующем сейчас потомке согдийского языка — языке ягнобском)¹¹.

Широкое распространение слова *кисет* в современных восточнославянских языках препятствует выведению этого слова из финно-угорских языков, где так же представлен показатель множественного числа *-t-*, особенно на почве мордовских языков — мокшанского и эрзянского¹². Дело в том, что финно-угорские заимствования в восточнославянских языках ограничиваются распространением лишь в соседних с финно-уграми диалектах, за весьма редкими исключениями. К тому же слово *киса* не смогло по-настоящему распространиться в финно-угорских языках. Слово *кисет* из русского языка проникло в

---

¹⁰ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с 613, 630, 634. Указанный здесь арабский источник (*кис*) не может быть принят во внимание ввиду его односложности, но он восходит к тому же старому ассирийскому источнику, что и персидское *киса*. Ср. Brünnow/Fischer. Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftstellern. Leipzig, 1960, S. 117.

¹¹ Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, с. 338—341.

мордовские языки и употребляется как в мокшанском, так и в эрзянском языках, сохраняя хорошо облик русского слова.

Можно думать, что наличие гармонии гласных (оба слога имеют гласные переднего ряда) и конечное ударение в слове *кисет* не исключают тюркского посредства в заимствовании этого слова, хотя о старых тюркских языках Восточной Европы мы знаем очень мало, поэтому подобные предположения должны высказываться осторожно.

Примеры заимствованных существительных в форме множественного числа довольно многочисленны: *серафим, херувим, магазин, магарыч, индус, зулус, эскимос, рельс, клапан, розан, лаборатория, привилегия* и т. п. Считается, что встречающийся в конце основы скифских племенных названий согласный -т- также должен рассматриваться в качестве показателя множественного числа. Такого же происхождения и конечный согласный в старинном названии одежды *кабат*, которое сопоставлено с бродячим словом *каба* арабско-иранского происхождения с тем же значением, но проникло в русский и западнославянский языки из аланского источника¹³. Можно также назвать аланизмом и древнерусское название вида одежды *ягатъ*, которое М. Р. Фасмер считает «темным словом», но оно вполне соотносится со своим этимологическим диалектным дублетом *яга* 'шуба из козьих шкур мехом наружу' тюркского происхождения (Ф, IV, 543). Заслуживает также упоминания не вполне ясный украинский диалектизм *барват* 'кожух', соотносимый с другим семантическим диалектизмом *барва* 'форменная одежда, ливрея'¹⁴. Обращает на себя внимание также наличие ряда наименований разного вида одежд и носильных вещей на -т типа *халат, бушлат, бешмет, жакет, жилет, корсет, берет, планшет, эпolet, браслет, амулет, лорнет* и т. п., впрочем с довольно слабой выделяемостью конечной части.

---

¹² Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, с. 221—223. Известное в мордовских языках русское заимствование *кисет* не выделяет никакого показателя в своем составе: это простое корневое слово, каковыми и являются в большинстве своем заимствованные слова на почве принявшего их языка.

¹³ По недоразумению слово *кабат* иногда считается тюркизмом. См.: Болонина Э. Н. Тюркизмы в восточнославянской письменности XV—XVI веков. — Советская тюркология, 1982, № 1, с. 22—24. В тюркских языках название одежды *кабат* неизвестно.

¹⁴ Етимологічний словник української мови, т. I, Київ, 1982, с. 141.

В датировке восточнославянского слова *кисет* XIV веком есть известная доля предположения, которое необходимо для обоснования аланского происхождения этого слова во всех трех языках — русском, белорусском, украинском. Однако нет полной уверенности в доказательности только одного географического критерия для категорического утверждения о том, что слово *кисет* было известно уже в XIV веке. Четырнадцатый век, выступает здесь как результат предположений, которые поддерживаются рядом фактов: слово не могло появиться в восточнославянских языках до XIV века, но это совсем не значит, что оно появилось именно в XIV веке. Оно могло появиться и позже, но тогда речь едва ли может идти об аланском происхождении этого слова.

Если же за исходную точку этимологических поисков брать показания старых словарей и считать, что слово появилось в русском языке в XIX веке (первая фиксация в 1835 году в словаре Ф. И. Рейфа), то от аланской этимологии придется решительно отказаться. В таком случае широкое географическое распространение слова *кисет* у белорусов и украинцев придется объяснять совсем недавним проникновением его из русского языка и относительно поздним его закреплением у белорусов и украинцев.

В таком случае первоисточником белорусского, украинского, мордовского *кисет* оказывается русский язык, и возникновение этого слова следует искать именно в нем, но одних русских ресурсов для этого оказывается недостаточно, поскольку при наличии производящей основы *киса* (сейчас это слово архаично) в русском языке, как уже было показано, нет активного суффикса *-ет*, который выделяется исключительно в составе заимствованных слов.

При этимологизации редких по своей структуре слов необходимо принимать во внимание, что они могут образоваться не по продуктивной модели словообразования, а в результате каламбурного приспособления слова под облик иностранного слова, как, например, шутливое слово *самкроше* 'курительный табак, самоделок, своей крошки', созданное в подражание французским словам (приведено В. И. Далем под словом *сам*).

Еще в начале века Д. К. Зеленин обратил внимание на слова семинарского, бурсацкого жаргона: *поведенция*, *луженция*, *изведенция*, *заведенция*, *потаканция* и т. п., которые образованы от равнозначных русских слов добавлением к их

усеченной и слегка трансформированной основе латинских суффиксов, благодаря чему слова приобрели ярко выраженный характер школьных жаргонизмов, которые широко распространились в просторечии и даже проникли в народные говоры. Подобные псевдолатинские слова обращали на себя внимание исследователей, которые смогли собрать значительный материал¹⁵.

Жаргонное словопроизводство нельзя обходить при анализе лексических процессов нового времени, факты подобного рода представляют несомненный интерес не только с точки зрения теории и практики русского словообразования, но и с точки зрения исторической лексикологии и истории русского литературного языка.

Подобного рода гибридные образования давал не только латинский язык, но и другие языки, словообразовательные и формообразовательные элементы которых могли насаиваться на русские слова. В этом отношении важно обратить внимание на результаты взаимодействия «французского с нижегородским», когда возникали своеобразные экспрессивные формы русских слов, которые использовались в художественной литературе. Это очень ярко продемонстрировано в комедии А. Н. Островского «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (картина I, явл. 6) в разговоре Павлы Петровны Бальзаминовой со своим сыном — мелким чиновником:

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю, — ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают — просто прелесть слушать.

Бальзамин. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу проминаж сделать!»

Бальзамин. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

---

¹⁵ Зеленин Д. К. Семинарские слова в русском языке. — Русский филологический вестник, т. 54. Варшава, 1905, № 3, с. 109—119; Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957, с. 288; Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике (Избранные труды). М., 1975, с. 205—206; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М.-Л., 1965, с. 267—269.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, — как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «Гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, — это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее, Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете! (Собр. соч., т. 2. М., 1959, с. 347).

Следует сразу же заметить, что недостаточность наших сведений о жаргонной лексике и правилах ее образования чрезвычайно затрудняет анализ слов такого рода. Когда-то акад. В. В. Виноградов обратил свое внимание на употребленное Бальзаминовой слово *гольтепа*: «Экспрессивность слова нередко выражается своеобразной комбинацией аффиксальных элементов или индивидуальными изменениями, «искажениями» аффиксов. В экспрессивно окрашенных словах иногда окаменевают, застывают исчезнувшие аффиксы или возникают новые, необычные морфологические образования; например, *гольтепа*. Бальзаминова недаром приняла это слово за французское...» Далее следует (в сокращенном виде) неточная цитата из комедии А. Н. Островского и мало проясняющее дело примечание: «Акад. А. И. Соболевский указал на то, что собирательное *гольтепа* произошло от *гольтай*, ср. старое великорусское *гольтяй*, современное украинское *гільтай* (ср. областное великорусское *культапа* — косолапый человек). «Прежде были вероятно более обычны слова на *-епъ*, судя по великорусским фамилиям *Кутепов*, *Резепов*, *Казепов*». Впрочем, А. И. Соболевский, ссылаясь на *культапка*, допускал возможность связывать *гольтепа*, *культепа* с некогда существовавшим суффиксом *-еп-* («Лингвистические и археологические наблюдения», 1912, вып. II, стр. 30)»¹⁶. Сбивчивость анализа ярко отражает скудость материала, который не позволяет определить нужный подход к нему.

---

¹⁶ Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 207. Аналогичные трудности см. в статье: Добродомов И. Г. Из заметок по лексике А. С. Пушкина (По следам разысканий о слове *шаматон* из «Капитанской дочки») — Основы лингвистического анализа и методики преподавания иностранных языков в высшей школе. Ярославль, 1978, с. 17—22.

Слово *кисет*, вероятно, в противоречии с первой гипотезой можно считать аналогичным же примером смещения «французского с нижегородским»: к русской основе *кис-а* был присоединен французский у м е н ь ш и т е л ь н ы й суффикс *-ет*, что весьма хорошо объясняет семантические различия слов *киса* и *кисет*. Правда, применительно к последнему приходится думать, что с выходом за пределы среды, где было «изобретено» это слово, оно скоро утратило внутреннюю форму и специфическую стилистическую окраску. Этому в какой-то степени, вероятно, способствовала утрата языком производящего слова *киса* при сохранении получившего популярность и стилистически очистившегося производного *кисет*.

Какую-то аналогию для слова *кисет* представляет русское название расхлябанного экипажа, повозки *драндулет*, которое получилось из польск. *dryndula*, *dryndulka* 'старый разбитый экипаж, повозка' с ориентацией на слова типа *кабриолет*¹⁷, а также *мотоциклет*.

Поскольку хронология появления слова *кисет* остается не вполне выясненной, приходится пока дать две возможные версии его происхождения. Изучение этого слова по письменным источникам и накопление текстового материала позволит в дальнейшем уточнить хронологию и этимологию, выбрав одну из двух — наиболее подходящую по времени.

---

¹⁷ Шанский Н. М. Как родилось слово *драндулет*? — Русский язык в школе, 1966, № 1, с. 107.

Е. Н. Полякова

О ДИАЛЕКТНОМ СЛОВЕ *ОТНОГА* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Перед исследователем лексики памятников письменности с лексикографическими целями стоит сложная задача точного установления значений слов. Стоит она и перед составителями словаря пермской деловой письменности XVI — начала XVIII в., причем для решения ее далеко не всегда оказывается достаточным анализа слова в контексте документов, написанных в Прикамье. Нередко для уточнения значений приходится

прибегать к различным материалам для сопоставления (непермским памятникам письменности, говорам, просторечию, профессиональным языкам), которые дают возможность не только уточнить значение слова в XVI—XVII вв., но и освещают определенные этапы его истории в русском языке.

Это касается прежде всего диалектных слов, которые никогда не входили в литературный русский язык, редко фиксируются в памятниках письменности и современных говорах и, как правило, употребляются в них с разными значениями. Примером может служить диалектизм *отнога*.

Географический термин — аппеллятив *отнога* изредка встречается в некоторых пермских деловых документах XVII в. при описании земельных владений. Так, в раздельной грамоте Строгановых 1629 г. читаем: «Ивану ж в вопчей земле в поскотине озерко Долгое и с *отного*у¹ и с истоком, а исток падет в Каму... Да Петру досталось в вопчей земле в поскотине озерко Лебяжье, кроме *отноги*, потому что *отнога* написана к Долгому озерку»².

Слово *отнога* в исторических словарях русского языка не зафиксировано и в использованных для сопоставления памятниках других территорий, близких к Прикамью, не встретилось. Например, в территориально соседних с пермскими вятских деловых памятниках XVII в. в близких конструкциях отсутствует слово *отнога* и употребляется в соответствии с ним аппеллятив *залив*: «Озерко Рычажное и с *залива*ми и с истоком»³.

Можно ли по подобным отрывкам из текста XVII в. предполагать, что слово *отнога* в пермских документах имеет то же значение, что и *залив* в вятских памятниках? Не дают ли современные говоры материал для исследования особенностей происхождения и функционирования слова *отнога*, для выявления его семантики в прошлые эпохи?

«Словарь современного русского литературного языка» квалифицирует слово *отнога* в современном языке как областное⁴. Оно отмечается на различных территориях бытования

¹ Здесь и далее в цитатах из текстов памятников и диалектологических записей разрядка наша. — Е. П.

² Шишонко В. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882, с. 298—299.

³ Писцовая книга Котельнича 1629 г. — В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909, вып. 2—3, с. 42.

⁴ Словарь современного русского литературного языка, т. 8. М.-Л., 1959, с. 1488.

русского языка в разных значениях. Объединяет все эти значения общая дефиниция — 'ответвление'. Выделяется три семантических центра этого слова: 1) 'ответвление растения: ветвь, побеги от корня, сучья, достигающие земли и вырастающие корнями в землю' (Д, II, с. 741; Ф, III, с. 172); 2) 'ответвление какого-либо предмета: палка, служащая подпоркой чего-либо'⁵; 3) 'ответвление какого-либо географического объекта'. В качестве географического термина апеллятив *отнога* с разными значениями отмечен в различных районах бытования русского языка, но фиксируется преимущественно словарями уральских и сибирских говоров. Им называют ответвление возвышенности — отрог хребта⁶, перешеек, полосу суши между озерами (Сл. Новосиб., с. 365), ответвление реки, оврага, ложбины, дороги, узкий залив озера. Так, на Урале *отнога* — ответвление дороги («Сойди на отного и иди по ей все прямо»), оврага, лога («Вот лог, из логу в другой лог переходит отногоа»⁷). В Сибири исследуемым словом называют ответвление реки, старое русло (старицу) — «От этой речки отходит течение воды, называется отногоа» (Сл. Новосиб., с. 365)); узкий залив озера, заводь озера — «У нас здесь на одном озере отногоа естъ» (там же), «Замор воды в озере Сартлан замечается только в заводях, именуемых здесь отногоами»⁸.

В современных говорах Прикамья нарицательное существительное *отнога* используется редко, оно принадлежит пассивному словарному запасу местных жителей, обычно отсутствует в спонтанной речи и выявляется только при прямом вопросе о нем. Оно обозначает в пермских говорах подпорку чего-либо («Ставят к столбику отногоу», «К зароду отногои ставим»). Изредка апеллятивом *отнога* в говорах Верхнего Прикамья называют ответвление, узкий залив озера («Озеро есть Красное, от его отногоа отходит»).

Вместе с тем в Верхнем Прикамье существуют топонимы, возникшие некогда на основе исследуемого апеллятива, называющие различные объекты: часть луга («Отногоа на лугах,

---

⁵ Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 3. Свердловск, 1981, с. 86.

⁶ Мурзасвы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959, с. 165.

⁷ Словарь русских говоров Среднего Урала., т. 3, с. 86.

⁸ Блинова О. И., Палагина В. В. «Сибирская советская энциклопедия» как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979, с. 108.

где косили, покос был»), болото («Болото Отнога, отседа километра два, в затопной зоне»). Название *Отнога* встречается и в краеведческой литературе XIX в. о Верхнем Прикамье: «Чашкино озеро... в разлив Камы оно имеет сбоку залив, называемый Отногою, по скате воды залив уничтожается и остается урочищем Отнога, изобилующее княженикой»⁹.

Исследование происхождения прикамских топонимов *Отнога*, возникших на базе апеллятива, дает возможность восстановить семантическую историю последнего. Все микротопонимы *Отнога* (название луга, болота) возникли по смежности на базе названия расположенного рядом залива озера или протоки в озеро, которые в живой речи именовались *Отногой*. Изучение самих объектов, именуемых *отногой*, показало, что таким апеллятивом называли в прошлом не любой залив озера, а лишь залив, возникший из рукава реки и, как правило, отходящий в сторону под углом к берегу озера.

Так, между городами Соликамском и Березниками на месте древнего русла Камы (а теперь в стороне от этой реки) расположено обширное Чашкино озеро, имеющее узкий и длинный залив, отходящий в сторону Камы, именуемый местными жителями и называемый в литературе *отногою*. Во время половодья вода в нем поднимается и как продолжение залива образуется узкая и длинная (более 4 километров) протока, соединяющая озеро с Камой. По-видимому, именно как ответвление реки, по которому поступала вода в Чашкино озеро, некогда эта протока получила название *отнога*. Впоследствии, когда она основательно заросла, так стали именовать сохранившуюся часть ее у озера, т. е. практически — залив озера.

О том, что протоки в озера могли в XVII в. именовать *отногами*, можно предполагать по тексту «Озерко Долгое и с отногою и с истоком»¹⁰, где, как и в других текстах Прикамья XVII в., исток — рукав, по которому вода вытекала из озера, а отного, — видимо, рукав, по которому вода поступала в озеро. Такие обычно узкие и длинные озера (ср. озеро Долгое) располагались в старицах рек, отноги могли быть протоками только весной в половодье, в другое время года они становились узкими заливами озера. Апеллятив — название прото-

---

⁹ Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период, часть 2. Пермь, 1887, с. 406.

¹⁰ Шишонко В. Пермская летопись. Второй период., с. 298.

ки в озеро (ответвление реки), затем залива озера — послужил базой для микротопонимов, именующих расположенные рядом или на месте бывшей протоки урочищ — болот и лугов.

Слово *отнога* в XVII в. принадлежало живой речи и крайне редко фиксировалось в деловых текстах. Так, в различных деловых памятниках Прикамья XVII в. упоминается залив и протока Чашкина озера, именуемые в настоящее время местным населением *отногой*. Судя по сохранности в настоящее время в этом районе известной в XVII в. лексики и топонимики, можно предполагать, что *отногой* в разговорной речи именовали этот объект и в прошлом. Однако в деловых документах XVII в. его называют не словом разговорной речи, а обычным для официальных документов того периода словом *прорыв*: «Межа... от верхнего конца Чашкина озера до чудского селища прорывом к Каме-реке» («Писцовая книга М. Кайсарова» 1623 г.¹¹, «Жалованная грамота Пыскорскому монастырю» 1674 г.¹²).

Стремление по возможности избежать слов разговорной речи, в частности диалектизмов, и в результате редактирование деловых документов было обычным явлением в делопроизводстве XVII в.¹³ Результаты редактирования пермских памятников можно использовать в настоящее время для установления принадлежности ряда слов в XVII в. разговорной речи, говорам Прикамья. Именно таким, как видим, являлся в прошлом и апеллятив *отнога*.

Слово *отнога* и его варианты *однога* и *віднога* известны в других восточнославянских языках в разных значениях: 1) 'каждая часть разветвления (дороги, древесного ствола)', 2) 'рукав реки', 3) 'отрог горы'¹⁴.

Употребляется слово *однога* в западнославянском, польском языке со значениями: 'ветвь', 'ответвление дороги', 'рукав реки', 'залив моря', 'отрог горной цепи'¹⁵. Однокоренное

¹¹ Шишонко В. Пермская летопись. Второй период., с. 162.

¹² Шишонко В. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884, с. 1030.

¹³ Полякова Е. Н. О редактировании пермских деловых документов XVII — начала XVIII в. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. З. Л., 1983, с. 89—97.

¹⁴ Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. I. Киев, 1907, с. 221; Булыка А. М. Даунія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 223.

¹⁵ Большой польско-русский словарь, т. I. М., Варшава, 1980, с. 599.

слово *odnoz* ('отросток, отводок, черенок', 'отрог горы') известно в чешском языке¹⁶.

Наличие слова *однога* в белорусском языке в такой же форме, как в польском языке, привело исследователей к мысли о том, что оно является заимствованием из польского¹⁷. Однако употребление слова *отнога* в говорах языка, и не только современных, но и в говорах прошлого, а также существование в других восточнославянских и западнославянских языках позволяет иначе взглянуть на историю этого слова.

Можно предположить, что оно имело общий источник (*otъpoga — 'ответвление') для различных говоров северной зоны праславянского языка и уже в глубокой древности употреблялось как географический термин, который сохранился в говорах различных славянских языков. Дальнейшая судьба его была различна в разных славянских языках. Так, это слово закрепилось в литературном польском языке, но не вошло в русский литературный язык и сохранилось лишь в части современных русских говоров. В каждом из языков и говоров его форма и семантика переживала свою историю, у него появились новые значения ('подпорка', 'заоводь озера'), оно давало в ряде случаев микротопонимы, но связь с древним его значением ('ответвление') хорошо прослеживается в современной лексике и топонимике.

Итак, результаты исследования слова *отнога* дают возможность истолковать его значение в пермских деловых документах XVII в. как 'залив озера, образовавшийся на месте существовавшего в прошлом рукава реки' и с тем позволяют взглянуть на него как на древний апеллятив в различных славянских языках, восходящий к одному источнику.

Г. В. Судаков

НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI—XVII вв.

В понятие «посуда» в русском языке XVI—XVII вв., судя по показаниям письменных источников, входили столовые сосуда, поваренная или кухонная посуда и посуда погребная, п

¹⁶ Чешско-русский словарь, т. I. М., Прага, 1976, с. 515.

¹⁷ Булыка А. М. Дауня запазычанн., с. 223.

которой хранили готовую пищу и столовые запасы. Знатные люди, как свидетельствуют описи имущества, пользовались посудой, разнообразной по внешнему виду и назначению. О посуде простолюдинов некоторое представление дает описание Московского государства в рукописи конца XVII — начала XVIII вв., см.: У простаго тамошнего народа домовная посуда зело мала есть, и мало у них бывает, болши немногих горшков да нескольких деревянных или глиняных блюд и сковород; олова же тамо мало употребляют, також и серебряных судов немного, кроме винных да медвяных чаръ (Срезн. Опис. рук. 461).

Названиям столовой посуды была посвящена работа Н. М. Ванюшина¹, названия поваренной посуды изучены меньше², в частности, на широком материале письменных памятников разных территорий России они не исследовались. Этим обстоятельством и определяется выбор темы данной статьи — названия русской «поваренной» или кухонной посуды XVI—XVII вв.

Кухонная посуда предназначалась для приготовления пищи. Она получала наименования по внешнему виду, материалу, содержанию и т. д. Рассмотрим эти названия в порядке, соответствующем степени их употребительности в речи и значимости в процессе приготовления пищи: посуда для приготовления первых блюд и напитков (горшки, котлы), посуда для приготовления вторых блюд (сковороды и под.), черпаки.

В старорусский период активно функционируют слова, входящие в корневое гнездо, связанное с праславянским *gъrnъ, от которого зависело формирование всей совокупности названий гончарной посуды. В русском языке XVI—XVII вв. основное название — *горшок* 'глиняный или металлический сосуд с широкими круглыми боками, для приготовления или хранения пищи и съестных припасов'. Слово *горшок* впервые отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., характеризуется

---

¹ Ванюшин Н. М. Лексико-семантическая группа наименований сосудов для черпания и питья жидкостей. (По памятникам письменности XVI—XVII вв.). — УЗ МГПИ, 1971, т. 451, ч. II, с. 310—345.

² Упоминания об употреблении отдельных слов находим, например, в работах: Борисова Е. Н. Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI—XVII вв. — УЗ Балашовского ПИ, 1957, т. 2; её же. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 45—66; Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970 и др.

общерусским распространением. См. примеры: Подельывал... горшок в поварню въ есьтовную да въ хлебню (Кострома, 1553 г. — Кн. расх. Ипат. м., 127); Делал горшек медяной, болшей (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Ник.-Корел. м., № 935, л. 33 — КДРС); Того же дни купили въ вотчину на семью шти варити горшокъ железной (Дорогобуж, 1589 г., кн. расх. Болд. м. — РИБ-37, 66). С XVI в. горшок включается в словари: Гаршок (Сл. 1586 г., 153); Судно въ чемъ каша варится — горшекъ, котликъ (Вейсман, 110).

Тексты XVI—XVII вв. содержат сведения о материале, из которого изготовлялись горшки, и их функциях. Их делали в основном из глины. В горшках готовили пищу, хранили молоко и масло, использовали в качестве покрышек к котлам и винным кубам, при иконописных работах и сооружении печных труб. Велика сфера употребления слова в русской письменности той поры: от пословиц до религиозных сочинений, например: Гневливъ з горшки не ездить (XVII в. — Симони. Посл. 91); Старець Феодосей горшковъ купил на кринки и на варъ на два алтна (Вологда, 1648 г., кн. пр. — расх. арх. — ВОКМ, № 2167, л. 248 об.); Сотвори члвека сиречь яко скуделникъ скуделу, просто молоть — горшешник горшок (1675 г., Снискание о божестве — Пустоз. сб. 102). Преимущественная сфера употребления анализируемой лексики — деловая письменность и связанная с нею демократическая литература.

Деминутив *горшочек* (*коршечек*) 'небольшой горшок, кухонный и столовый сосуд' наблюдается в письменности с последней четверти XVII в., см.: Старец Федорит... собе оставил в келье 2 коршечка медяные с покрышками да блюдцо икряное (Волоколамск, 1576 г., кн. пр.-расх. Иос.-Вол. м., № 1028, 27 об. — КДРС); Куплено стопа оловяная... да горшечикъ медяной съ покрышкою... а дано за стопу и за горшокъ полтина (Дорогобуж, 1600 г., кн. расх. Болд. м. — РИБ-37, 146); А каша была в двух горшечкахъ фарфоровыхъ на одномъ блюде (Москва, 1626 г., свадьба царя Мих. Фед. — Вивл. XIII, 171); Нет ли горшечка попарить кишечка (XVII в. — Симони. Посл. 11). *Горшечек* как эмоционально окрашенное слово употребляется в деловой письменности и фольклоре.

Слова более древнего происхождения *горнецъ*, *гърнецъ*, *грънецъ* (с 1073 г. — Срезн. 1, 616) и *горнъ*, *гърнъ*, *грънъ*, *горънъ* (с 1377 г. — Срезн. 1, 616) употребляются в старорусский период редко, особенно *горнъ*. Архаичный характер

этих лексем проявляется в том, что они отмечаются в текстах произведений богослужебного и проповеднического содержания. С этим связана и их предельно общая, неконкретная семантика 'котел, горшок, чаша, сосуд вообще', ср.: Горнецъ котлу приткнесь самъ и сокрушится (1 пол. XVII в. — Сказ. о самозван. 58); На столе стоять горны железные. А в нихъ ставить свечи (1678 г. — Спафарий. Китай, 220).

Одно из древних названий горшка *скудель* употреблялось в памятниках религиозной письменности с XI в. (Срезн. III, 396). В старорусский период встречается редко, исключительно в церковно-религиозных текстах, например: И сотвори человека, сиречь яко скудельник скуделу, еже есть горшешник горшок (1672 г. Списание и собрание о божестве — Ж. пр. Авв. 181).

Котел — общеславянское слово от праславянского *kotьlъ, восходящего к латинскому *catinus, catillas* «блюдо, миска» (ЭСРЯ, 8, 357—358). В русской письменности фиксируется с 1076 г. (Востоков I, 181), регулярно включается в словари, начиная с «Речи тонкословия греческого» (Речь тонк. греч. 29).

Котел — «металлический, кованный или литой, сосуд для варки, кипячения чего-либо, с ушками и дужкой для переноски и подвешивания». Функции котла подчеркнуты в определениях при этом слове: пивной — пивоварный, бражной, затирочный, винный, квасной, варчий — варевой, естовный, поваренный, штяной — штеварной, кашной — кашеварной. Были также котлы вошанные, в котлах варили смолу, селитру. В походы брали путные, то есть дорожные, котлы небольших размеров. Приведем несколько примеров: Благословляю его жену Анну Гарманову дочь... ей же котел меден пивной (1533 г., дух. гр. — Лих. II); Да им жь судов: оловяник, да кружка, да котел пивной, да котел виной... котел естовной (сер. XVI в., дух. гр. — АФЗХ П, 231); Купил... котел штеварной железной дан 3 рубли; куплен котел железной щаной (Волоколамск, 1576 г., кн. пр. — расх. Иос.-Вол. м., № 1028, л. 93 об.; № 6, л. 71 — КДРС).

Котел — общерусское слово, употреблявшееся преимущественно в деловых текстах. Оно имело несколько деминутивов, что объясняется широким употреблением слова в повседневной бытовой речи.

Котелец — *котлец* — древнерусское слово (с 1280 г. — Срезн. I, 1304), в XVI—XVII вв. употребляется редко, см.,

например: 24 зубила железных, котлец железной ветчан (Казань, 1568 г., — Кн. п. Казани, 2); Мережи и котелца и пешни велено розложить на два зимовя (Туруханск, 1636 г. — ЦГАДА, ф. 214, № 52, л. 149).

Котлы малого размера чаще называли *котлик* — это образование старорусского периода, наблюдается в текстах с 1550 г. (ср.: с 1598 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 382), см.: Котель большой квасной железной...да шесть котликовъ малыхъ (Двин. у., ок. 1550 г., оп. Коряжем. м. — АЮБ П, 640); Котликъ невеликъ медной, въ чемъ патоку греютъ на оладьи (Кириллов, 1601 г., оп. К.-Бел. м. — Ник. I, 228); 2 котлика, один въ полтора ведра, а другой въ ведро (Москва, XVII в. — Оп. им. кн. Мстисл., 3); Принесъ котликъ путной меднай, человекъ три будутъ изъ него сыти (Воронеж, 1677 г., суд. — Тр. Ворон. УАК У, 507).

Деминутивы *котлишко* (с 1559 г., ср.: с 1607 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 382) и *котелок* (с 1639 г., ср.: с 1672 г. — там же, 380) употребляются значительно реже, см. самые ранние фиксации: Делал горшек медяной болшей а пошло в него меди горшок старои медяной да пят котлишков малых медяных (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Корел. м., № 935, л. 33 — КДРС); Далъ вкладомъ колмогорецъ Игнатей Ивановъ сын... 5 рублевъ денег за себя да котелокъ весомъ 6 гривенокъ (Двин. у., 1639 г. — Кн. вклад. Ант.-Сийск. м., 36).

В последующие периоды степень употребительности рассмотренных образований изменилась в связи с изменением продуктивности отдельных формантов, сообщающих этим словам значение уменьшительности: *котлец* — *котелец* утратились, универсальной уменьшительной формой стало слово *котелок*, варианты *котлик* и *котлишко* встречаются эпизодически.

Разновидности котлов по размерам в Москве имели специальные названия: *тройчатка*, *четверник*, *пятерик*, см.: Явил романовец Еремей Федоров по романовской выписи котел железной мыльной петерик; Явил Углецкого уезду села Чанцова Тимофей Варфаломенив... 3 котла четвериковых, 4 котла тройчатков; Явил борисоглебец Алексей Яковлев по борисоглебской выписи котел железной четверник (Москва, 1694 г. — Сакович, кн. моск. там., 30, 40, 83). В других источниках подобные названия не обнаружены. Может быть, они носили локальный характер, к тому же являясь специальными терминами московских таможенников.

В зависимости от приготавливаемой в котлах пищи или напитков они могли приобретать названия: *кашник*, *квасник* и т. п.

Кашник 'котел для каши' отмечается в текстах с 1665 г., см.: Зделали котелники котел медной кашникъ весомъ два пуда (Вологод. у., 1665 г., кн. пр.-расх. С.-Прил. м. — ГАВО, ф. 512, № 59, л. 47); Ананья съ ящики, а жена ево с кашники (XVII в. — Симони. Посл. 77). В национальный период *кашник* 'горшок, в котором варят кашу' отмечается в значительной части русских говоров (СРНГ 13, 153).

Иногда в названии котла учитывается процесс приготовления крепких напитков, например, *седун* 'котел для производства крепких напитков' от *сидеть* 'курить, добывать перегонкою'. *Седун* отмечается с 1632 г., в исторических словарях не обнаружено. См. примеры: Да они же у меня с поварни взяли восемь котлов седунов да шесть кубов (В. Устюг, 1632 г., явка — АХУ Ш, 110); А поваренного заводу взято у него, Ивана, пять котловъ седуновъ по пятнатцати ведеръ (В. Устюг, 1641 г., розыск — А. посад. 267); Аггей Свиньинъ съ товарищи на твоей великого государя винокурной поварне на Лалскомъ погосте, на Шилнге построилъ вновь винокурныхъ судовъ котель, семь седуновъ, два куба (1669 г. — ДАИ У, 423).

Слово *седун* было, очевидно, севернорусским диалектизмом, характерным для северо-восточной зоны. Сведений о его употреблении в более позднее время нет.

С конца XVII в. фиксируется слово *казан* 'котел для винокурения' (тур., тат. *kazan* 'котел' — Фасмер П, 159). В настоящее время представлено также в украинском, белорусском, болгарском, македонском и сербохорватском языке (ЭСРЯ, 8, 16). В XVII веке имело местный характер, отмечается в деловой письменности юга России и Поволжья, например: Въ той же житнице II казановъ медныхъ болшихъ, къ темъ же козанамъ 20 трубъ (Кромы, 1689 г., сказка — Д. Шакл. П, 622); Семь казановъ медныхъ, котель пивной (Орел, 1699 г., чел. — Тр. Орл. УАК VI, 31); Вино курымъ на тритцеть казановъ да с нынешняго числа десет казанов убавили потому что хлеба купит не на што (Казан. у., 1698 г. — Гр-ки, 192); А вино, писал я, сидет на все кубы и казаны (Н. Новгород, около 1699 г. — Гр-ки, 241).

Позднее функции казана расширяются, увеличивается и территория употребления слова, ср.: *Казан* 'большой метал-

личный котел для варки пищи, нагревания воды и т. д., оренб., сарат., тамб., дон., ворон., терск., кубан., черномор., курск., орл., тул., брянск., ряз., моск., арх., свердл. и т. д. (СРНГ 12, 309).

При номинации типов котлов учитывается и такой важный признак, как материал для изготовления. Наиболее распространены были медные котлы, отсюда названия с корнем *мед-*: *медница* (с XV в.), *меденик* и *медяница* (с XVI в.), *медник* (около 1550 г.), *меденичек* (с XVII в.) и *медяник* (с 1663 г.; значение 'котел' историческими словарями не засвидетельствовано). Вариантность отдельных слов обусловлена фонетикодеривационными причинами. Между собой лексемы различались временем активного бытования в речи и сферой использования.

Медница и *медяница* функционировали в конфессиональной литературе, но редко; в других разновидностях письменности употреблялись окказионально, см., например: Единь держаше медяницу белу красну и дивну велми (XVI в., Ж. Андр. Юрод. — ВМЧ, окт. 1—3, 223); Въ питейной продажи медницы, кварты, кгарнцы чтобъ по всему государству нашему... были ровны (XVII в. — Лит. сб. 105). Внешний вид и функции этой посуды в текстах не конкретизируются, так как для авторов текстов важно было выразить только идею «медный (сосуд)».

Меде/и/никъ — *медяникъ*, *медникъ* — наиболее частые слова из отмеченных. Область их употребления — деловая письменность Севера, изредка московские акты. См. примеры: два медника въ хлебне (Двин. у., ок. 1550 г., оп. Коряжем. м. — АЮБ П, 640); 24 блюда оловяныхъ, 16 тарелокъ, 4 мединика (Москва, 1613 г. — А. Моск. 94); Пудъ меди в котлахъ и въ тазахъ и въ меденикахъ зеленой красной (Енисейск, 1687 г. — Росп. цен, 65); Медяникъ въ два ведра, четыре медяника по ведру (Вологда, 1663 г. — Оп. арх. 100); Отведено четыре котла варчих медных з дугами да меденик варчей весом всего пуд (Онега, 1688 г., арх. Он. Крест. м. — КДРС); А судов котель меденикъ съ кровлею (XVII в. — Дом. Свод., 185); И выпрося у него меденика курит вино (Верхотурье, 1695 г., А. Верхот. съез. избы, карт. 39 — КДРС).

Возможно, *медником* называли не только котлы, но и другие типы медной посуды, ср.: Банное судно, в котором теплою водою моются — медникъ (1731 г. — Вейсман, 64).

Деминутив *меденичек* обнаружен в хозяйственном руко-

водстве XVII в.: Положи ту кожуру в меденичекъ и налей ея виномъ добрымъ и поста/ви/ в печь (Указ о промысле, 2 — КДРС).

Медник, медяник 'медный или глиняный котел, горшок для воды, кваса и проч.' обнаруживаем в архангельских, тверских, кировских, вологодских, уральских и сибирских говорах (СРНГ 18, 70, 76).

Сковорода — 'металлическое или глиняное блюдо, предназначенное главным образом для приготовления первых и вторых блюд путем печенья или жаренья', это основное по употребительности слово в ряду однокоренных, см.: *сковрада* — с 1280 г., *сковорода* — 80 г. XI в. (ср.: с 1551 г. — Срезн. III, 376), *сковородка* — с 1559 г., *сковородочка* — с 1612 г., *сковороденко* — с 1670 г.; последние два слова историческими словарями не фиксируются.

Неполногласный вариант *сковрада* в XVI—XVII вв. употребляется в архаично-книжных текстах религиозного содержания, где чаще обозначает орудие пытки, чем кухонную утварь. Приведем несколько примеров: На сковраде испеченое нечто приносят (I четв. XVI в., Кормчая Балаш. 452 — КДРС); Куплено две сковрады новых (Двин. у., 1673 г., А. Он. Крест. м. — КДРС).

Сковорода впервые отмечено в берестяной грамоте, см.: Отъ Нежате вишне и вина и гароусъ. и моукоу, кожоухъ Иванъ и сковородоу (Бер. гр. № 586 — Археолог. откр. 1980. М., 1981, 37). Приведем несколько примеров, позволяющих очертить семантический объем слова и круг текстов, где оно чаще используется; 3 лососи, сковорода рукоятная да топоръ (Новгород. у., 1500 г. — Кн. пер. Водск. пят. III, 502); Две сковороды блинных да шесть понев (Яросл. у., 1543 г., правая гр. — Лих. 196); А в сковородах рыба свежая по 2 звена на брата, а сковорода четверем братом, с перцом (Моск. у., XVI в., обиходник Волоцкого м. — Тих. Мон. вотч., 136); За столомъ у государя патриарха ели в крестовой... 3 сковороды штей съ снятками (Москва, 1623—24 гг. — Стол. п. Филарета, 73).

С конца XVI в. слово попадает в словари: Скаварада (Сл. 1586 г., 153); Сковорода (Вейсман, 108).

Слово *сковородка* было распространено не меньше, чем *сковорода*, и, по-видимому, лексикализировалось, употребляясь без оттенка уменьшительности в значении. Ср.: Две сковород-

ки медяные обе стороны лужены (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Корел. м., № 935, л. 34 об — КДРС); А послано к нему есты всякие на 32 блюдох и в сковородках серебряных (Москва, 1604 г., прием послов — Рус.-кавк., 409); Да сковородка медная кисель варят (Кириллов, 1601 г., кн. переп. К. — Бел. м. — ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л. 363); Вологодские стрельцы явили продать... 10 сковородок глиняных (В. Устюг, 1651 г. — ТК П, 55).

Тексты показывают, что сковорода, сковородка была не только металлической, но и глиняной посудой, в ней не только жарили и пекли, но и варили жидкую пищу, использовали в качестве кухонной утвари, а также в составе столового прибора. Разнообразие функций, выполняемых сковородами, требовало разнообразия их внешнего вида: по размерам, по высоте боковых стенок, по качеству отделки внутренней поверхности. Одна из разновидностей сковород получила особое название *блинная сковорода*, см.: Купиль сковороду блинную нову на домашней обиходъ (Дорогобуж, 1589 г., кн. расх. Болд. м., 76 — КДРС). Оно употреблялось довольно часто. Другие сочетания: *сковорода естовная*, *яцкая* — носят окказиональный характер. Глубокие сковородки типа плошек использовались, например, в Белозерске в качестве питейных сосудов: Да целовалник Костя Яшкин в роспросе сказал: сидить де онъ у гсдва питья в сковородошной, продает вино в сковородки... взял де вина полсковородки (Белозерск, 1633 г., суд. запись — ЛОИИ, ф. 194, карт. 5, № 21).

Уменьшительные образования *сковородочка* и *сковороденка* редки в текстах, см. их первые употребления: 2 сковородки черныхъ болшихъ, да сковорода луженая, да 2 сковородочки малыхъ (1612 г. — АИ II, 406); Две сковороденки железные цена два алтна (Белозерск, 1670 г., А. Белоз. съезж. избы, — к. № 13 — КДРС).

Некоторое время *сковорода* могла испытывать конкуренцию со стороны западнославянского слова *панев* 'металлическая сковорода, котел', зафиксированного в житийных текстах XV в. (Срезн. II, 876; ср. чеш. *paneč* «сковорода, противень», польск. *panew* «сковорода»). В конце XVII в. это слово снова наблюдается в русском языке как местное (тихвинское) в форме *панна* (может быть, под влиянием *канна*, функционировавшего во второй половине XVII в.), см., например: Явил тихфинец Иван Онтонов из-за свейского рубежа товару 21 круг меди волоченой зеленой да панна новая с

накрышкой и с трубами красной меди (Тихвин, 1688 г., кн. там. Тихв. м. — Рус.-швед. экон. отн. 480); панна оловянная двадцать пять фунтов (Тихвин, 1699 г., кн. там. Тихв. м., № 1175, л. 33 об. — КДРС); Да панна медная перозжая весом 10 пуд (Тихвин, 1699 г., кн. там. Тихв. м. — Рус.-швед. экон. отн., 537). Продолжения в истории русского языка слово *панна*, кажется, не имело.

Функционально близка к сковородке латка. Но латки делали исключительно из глины. В отличие от общерусского *сковорода* слово *латка* было новгородским по месту первоначального бытования и распространилось на путях новгородской колонизации Севера: Валдай, Онега, Подвинье, Устюг. Латка — общеславянская лексема, от праславянского **laty* (Фасмер II, 465). В текстах XIV—XVI вв. отмечаются однокоренные *латы*, *латъвь* 'горшок' (Срезн. II, 12), *латва* (Сл. РЯ XI—XVII вв. 8, 178), например: Оуху вълъя въ латъвь (Суд. XVI в. — Востоков I, 197). Вообще же эти слова для письменности XVI—XVII вв. нехарактерны.

Латка впервые отмечено в литературно-художественных и религиозных сочинениях XIV в. (Срезн. II, 12) в значении 'столовая и поваренная посуда'. Как столовая посуда латки употреблялись в крестьянском быту, в основном же они служили для приготовления и хранения пищи. См. примеры: Купил в колачню 60 ладок глиняных (Кириллов, 1568 г., кн. расх. К.-Бел. м., № 2 — КДРС); Куплена муравая латка дана алтын (Валдай, 1668 г., кн. расх. Ивер. м., № 53, л. 123 — КДРС); Куплено святому владыке семянного масла 3 фунта с четвертью у Ивана Гаврилова, зырянина, дано за масло и с латкою 3 алт. (В. Устюг, 1682 г., кн. пр.-расх. арх. — АХУ II, 1044). В целом количество фиксаций слова *латка* в текстах XVI—XVII вв. невелико. Вероятно, ранее оно употреблялось чаще, поскольку проникло в тексты художественного и богословского содержания. В связи с появлением новых типов сосудов, особенно металлических и стеклянных, под влиянием конкуренции со стороны новых слов *латка* преращается в регионализм разговорного характера.

В современных севернорусских говорах *латка* 'посуда для жарения; миска, плошка и т. п.' сохраняется до сих пор (СРНГ 16, 288—289). Известно оно было и в XVIII в.: Латка — плошка, черепен (I пол. XVII в. — Рук. лекс. 162).

Слово *плошка* (с 1577 г., в исторических словарях не приводится) имело общее значение 'глиняная широкая посуда с

невысокими краями', которое конкретизировалось в зависимости от функции реалии. Так, в севернорусских актах это 'кухонная посуда для приготовления жареного и печеного, тип невысокой ладки', см., например: Купил... пят гривенок масла дал четыре алтны четыре денги да плошек короваинных да горшков (Волог. у., 1577 г., кн. прих.-расх. Корн.-Комел. м., оп. Барсова, № 100, л. 12 — КДРС); Куплено в обиходную поварню пять плошекъ болших мясо жарит дано три алтна (Вологда, 1668 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 43, л. 42 об.). Вероятно, в этом значении слово *плошка* было вологодским диалектизмом.

Плошка 'низкий широкий питейный сосуд, чаще глиняный' представлено в западной части среднерусской и южнорусской территории, а также в Поволжье (Дедилов, Ст. Оскол, Калязин, Владимир, Симбирск, Саранск), см., например: Да плошекъ и чарок по кабакомъ изошло на рубль (Ст. Оскол, 1652 г., кн. там. — Южн. там., 259); Да на нагорномъ кабаке... 840 плошекъ, 106 ковшовъ малои руки (Симбирск, 1667 г. — Кн. пр.-расх. Синб. приказн. избы, 166); В Саранску на кружечнай двор для питухов куплено тысеца плошак глиненные да пятьсот чарак деревяных (Саранск, 1692 г. — Саранск. ТК, 34).

Плошка 'питейный сосуд и посуда для ремесленных нужд' наблюдается в московских актах, см.: Куплено великому государю вверхъ въ переднюю къ стенному письму десять плошакъ мурамленыхъ (Москва, 1666 г., кн. расх. — Успен. Цар. икон. III, 318); Смотреть накрепко, чтобъ на отдаточномъ дворе и по фартеннымъ избамъ и въ водочныхъ палатахъ никто съ кувшинами и съ плошками и съ ковшиками не ходили (Москва, 1698 г., указ царя — ПСЗ III, 472); Крылосские люди живут не богато, нажитку не имеют, только у нас плошки да ложки (Калязин, конец XVII в., Калязинская челобитная — Рус. архив, 1873, № 9, 1782).

Позднее *плошка* становится общерусским словом (Даль III, 130).

Веко — 'металлическая большая емкость, круглая или продолговатая, типа блюда или подноса, с невысокими краями, для хранения и приготовления пищи, с крышкой и ручками', является общеславянским словом (ЭСРЯ 3, 39). В русских письменных источниках употребляется с 1553 г. Указанное выше значение выявлено по контекстам. Предполагаемое значение 'лукошко, лубяная коробка для продуктов' (Сл. РЯ XI—XVII вв.,

2,55) источниками не подтверждается. В старорусский период это преимущественно кухонная посуда, см. ее функции и описание внешнего вида: Подельывал века повареново железново дано от него мастеру и за железо алтын (Кострома, ок. 1553 г. — Кн. расх. Ипат. м., 131); Купил веко медное ново лужено (Кириллов, 1567 г., кн. расх. К.-Бел. м. — Ник. 2, 15); Въ поварне в естовной суды... два противня да веко пирожное медяное (Весьегонск, 1575 г. Оп. Краснохолм. м., 54); В столе и в веке въ хлебномъ и по полицамъ, и по чюланомъ, и по залавкам крохи и остатки... ключник доброй все то обирает (н. XVII в. — Дом. К., 42); 2 века, одно долгое другое круглое (Москва, 1608 г. — Оп. им. Тат., 22); Починивал медной мастер большое хлебное веко что греют воду на хлебы (Вологда, 1640 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 19, л. 227); Веко медное..., а то веко живетъ у архиепископа вверху: в летнее время держать въ немъ квась во льду (Вологда, 1663 г. — Оп. им. арх. 104); Въ хлебне медной посуды... 16 векъ пряжелных болших и малыхъ (Москва, 1677 г. — Оп. аптек. 62); 16 векъ круглыхъ и четверугольныхъ луженыхъ... те все века посланы въ Путивль и въ Севескъ для ковардащного дела (Москва, 1683 г., цар. наказ — ДТП I 794).

В XVI—XVII вв. *веко* 'вид поваренной посуды' было употребительным словом. Позднее оно приобретает узкодиалектный характер: *Веко* 'чашка, в которой валяют хлеб перед выпечкой', твер., арх. (СРНГ 4, 101). Это можно объяснить усилением роли слов *противень*, *сковорода*. Одновременно в говорах наблюдается возрастание лексемы *веко* 'лукошко'; 'крышка лукошка' (СРНГ 4, 101), которая в исторических текстах в явном виде не обнаружена, хотя *веко хлебное* или *веко дорожное*, служащее для перевозки посуды, известные по текстам XVII в., могли иметь вид лукошка (см. вышеприведенные примеры).

Известно также использование века как подноса, лотка, см., например: 3 тарелки серебряныхъ чеканныхъ веко серебряное прорезное, а несены на техъ торелкахъ запана да двои часы, а на веки рукавицы и чюлки (Москва, 1675 г. — ПДС V, 183); Торговые люди ныне торгуютъ... поставя шалаши и скамьи, рундуки, и на веках всякими разными товары (Москва, 1676 г., указ царя — ПСЗ II, 76); Торгуеть де онъ противъ овощного ряду на векахъ всякимъ щепеньемъ (Москва, 1711 г., — Док. нем. шк. 165 — КДРС). Значение

'лоток, ящик для продаваемых товаров' известно позднее в вологодских говорах (СРНГ 4, 101).

Деминутив *вечко* обозначал поднос малых размеров, см.: Пять блюдецъ малыхъ икорныхъ, судки столовые на вечке (1638 г. — Арх. Стр. II, 968).

Веко и *вечко* наблюдаются в письменности Севера, Средней Руси, Рязани.

По фонетико-морфологическим соображениям деминутив (вторичный) от *вечко* выглядит как *векошник* 'небольшая мерная кухонная чашка' (с 1613 г.), это редкое слово, отмечено только в московских актах, см.: Въ рыбной день подастся государю въ столъ... векошникъ снятковъ, на блюдо векошникъ ягодъ (Москва, 1613 г., роспись цар. кушаньям — АИ II, 429). *Векошник* в данном значении в говорах не отмечается.

Противень — 'большой металлический четверугольный поднос для приготовления горячей пищи'. От сковороды отличался формой и более крупными размерами. В отличие от века имел более низкие края. Слово *противень* заимствовано из немецкого языка (*Bratpfanne*), затем подверглось фонетическому переоформлению под влиянием слова *против* (КЭСРЯ, 273). В письменных источниках наблюдается с 1576 г., в исторических словарях отсутствует. См. примеры: Ключнику Фетче дал от поделки от горшка да от противня 3 алтына (Волоколамск, 1576 г., кн. пр.-расх. Иос.-Вол. м., № 1028, л. 69—69 об. — КДРС); Починивальъ противень, скобу и рукоядь приделываль; зделалъ две покрышки медныхъ въ поварню на противни (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник., 53); Взял с поварни поваренных судов: три противня по ведру (Вологда, 1658 г., роспись — ОВС XI, 67); Да медныхъ судовъ, въ чемъ сахаръ льють: 8 противней (Москва, 1676 г., аптек. двор — ДТП I, 213). Позднее размеры противня уменьшились.

В современном русском языке наблюдается иное семантическое отношение между рассмотренными словами. Вместо старорусского разграничения по объему (от большего к меньшему): *противень* — *веко* — *сковорода* — сложилось противопоставление по объему и форме: *противень* 'большая четырехугольная емкость' — *сковорода* 'небольшая круглая емкость'. *Веко* утратило значение 'металлическая посуда для приготовления горячей пищи' и выпало из этого ряда.

Каравайник 'круглая сковорода для выпечки каравая' — редкое в старорусской письменности слово. Отмечается с 1676 г. (ср.: с 1689 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 334), например: Веко пирожное, коровайникъ (Белозер. у., 1676 г. — Д. патр. Никона, 388); Въ винной полате... 2 горшечка да 5 покрышекъ медныхъ да 3 каравайника (Москва, 1689 г., оп. им. Голицыных — Д. Шакл. IV, 115). *Каравайник* — посуда узкого назначения, такого рода утварь встречается только в описях имущества богатых людей. Позднее слово *каравайник* отмечается на севере и востоке России, а также в Твери (СРНГ 13, 66).

Решетки (во мн. ч.) — 'кухонная утварь из решеток для горячего приготовления рыбы', это специфическое севернорусское слово. К первым его фиксациям следует отнести запись в парижском словаре московитов 1586 г., написанном на основе двинского говора, см.: Une grille Rosoqua, то есть рес'отка (Сл. 1586 г., 164). Здесь слово находится в группе кухонной посуды между лексемами *скаварада* и *упаловник*. По мнению издателя Б. А. Ларина, *решетка* выделяется тематически из этой группы, поскольку обозначает 'часть изгороди, ворот и т. п.'. Однако французское *gril* имеет среди прочих значение 'решетка для жаренья, жаровня', ср.: *grille* 'поджаренный', *grille* 'решетка в топке' (Французско-русский словарь. Сост. К. А. Геншина. М., 1957, 402). Упоминается решетка в «Домострое», что лишний раз свидетельствует о создании этого памятника на севернорусской территории, см.: Таганы и решотки и чюмичи и корцы все было чисто (н. XVII в. — Дом. К., 47). См. еще примеры: Решетки железные на чемъ рыбу пекутъ (Кириллов, 1601 г., кн. переп. К -Бел. м. — ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л. 373); Две решетки, на чемъ рыбу жарятъ (Кириллов, 1676 г., росп. им. Никона — Д. патр. Никона, 389). О функционировании слова *решетки* в указанном значении в более позднее время нам не известно.

В быту знати употреблялась иноземная кухонная посуда, с которой связаны редкие экзотические слова. К таким относится *роскеп* 'металлическая посуда типа глубокой сковородки для жарения рыбы', ср. нем. *rösten* 'жарить, поджаривать', *Kiepe* 'короб, корзина' (Немецко-русский словарь. Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1964, 693, 489). Пока известно два примера употребления слова *роскеп*: Сковаль изъ своего железа три роскепа въ чемъ рыбу жарятъ (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник. 49); Въ поварне жъ... 14

роскеповъ, что рыбу жарять (Москва, 1676 г., оп. аптек. двора — ДТП I, 211). Позднее в говорах *роскеп* не обнаружено.

Конобъ 'металлический котел для нагревания пищи и воды, а также для хранения и переноски' употребляется в текстах с XI в. (Срезн. I, 1269). Происхождение его признано неясным (Фасмер II, 311), хотя еще И. И. Срезневский обратил внимание на связь с латинским *сапава* 'корчма, шинок' (там же). В древнерусский период слово активно употреблялось в церковно-религиозных текстах, отсюда попало в первые лексиконы, см.: *Конобъ* — водонос (XIII в. — Новг. сл. 121); *Конобъ* водонос (др. сп.: коновъ); *Конобъ* водоносъ или котль (к. XIV в. — Речь жид. 404, 414); *Конобъ* — котел (Зиз. 177); *Конобъ*: медяный горнецъ, котель (Бер. 54, 253). См. другие примеры: И прихожаше отрокъ иереевъ дондеже сварятся мяса и мясная оудица трезубна в руку его и влагая ю в конопъ меденый (Хр. 1512 г., 102). А Манасию татаровя в коноб всадили, самово изжарить хотели... А в котле том узнал Авраамова бога (к. XVII в., кн. толкований — Ж. пр. Авв., 156). Из последнего примера явствует, что *конобъ* было синонимично слову *котель*.

Коновъ 'сосуд, подобный конобу', по мнению М. Фасмера, восходит к средне-верхненемецкому *Kanne* 'кувшин, сосуд' (Фасмер II, 311). Конов мог быть металлическим или глиняным сосудом. Слово употребляется не только в богословских текстах, но и в деловой письменности, хотя чрезвычайно редко, см.: Повеле црь принести конов и воляти вон масло и подгнетити зело и вложить вон мчнка Георгии (XVI в. — Пам. отр. лит. II, 106); 2 конови цыновыхъ яндовочка медяная (1612 г. — АИ II, 406). *Конобъ* и *коновъ* можно отнести к фактам общерусского значения. *Коновъ* наблюдается в старорусском и старобелорусском языках³.

Уменьшительная форма *коновка* отмечена один раз в грамотке, написанной русским из Львова: До вечера ждалъ турковъ, которые в тайник по воду выходят ежедней; и как вышло их человек с шестьдесят с ведры, с коновки и с иными водяными сосудами (1684 г. — ДАИ XI, 11).

Сохраняются рассмотренные слова в говорах: *конобъ* 'кринка, кувшин, умывальник' — тамбовское; *конобъ* 'жбан, деревянная кружка' — западное (Даль II, 151); *коновъ*, *конов-*

---

³ Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края..., 52.

ка 'сосуд типа кружки' — в псковских, новгородских, тверских, владимирских, калужских, воронежских и курских говорах, известно на Дону и Урале (СРНГ 14, 261). Эти данные подтверждают реальность предметов, называемых анализируемыми словами в старорусский период, и свидетельствуют о переходе части лексем из общерусского фонда архаично-книжной лексики в диалектизм.

Особую группу наименований кухонной утвари составляют названия черпаков.

Поварница 'металлический или деревянный уполовник, разливательная ложка' образовано от *поварный*, употребляется с 1576 г., в исторических словарях не представлено. Отмечается в деловой письменности Севера: Псков, Вологда, Подвинье, В. Устюг, Тихвин, Онега, Чердынь, Енисейск, Иркутск, Якутск. См. иллюстрации: Купил 50 ковшей без дву, да 50 поварниц без одное (Волог. у., 1576 г., кн. расх. С.-Прил. м. — ВХК XV в., 297); Григорей выкрал три братыни красные подержанные да поварница поваренная долгостебелая (Устюг, 1632 г. — АХУ III, 116—117); 2 поварницы железны ветхи чем сокъ черпають (Чердынь, 1646 г., Собр. Гамеля, № 59 доп. сст. 7 — КДРС); Купил в поварню ественную поварницу железную; Купил поварницъ деревянных десятк (Волог. у., 1665 г., кн. пр.-расх. С.-Прил. м. — ГАВО, ф. 512, № 59, л. 89 об., 90 об.). Ср.: поварница — чюмичь (1757 г. — Сл. В. Устюга, 4). *Поварница* зафиксировано в вологодских говорах (Даль III, 141).

Со второй половины XVII в. на той же территории появляется слово *поваренка* (с 1664 г.), также пока не зафиксированное исследователями. Это был вариант с уменьшительным значением, вскоре лексикализовавшийся и постепенно вытеснивший *поварницу*, см. примеры: Купил три поваренки в обиход (Вологда, 1664 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 39. л. 3); Поваренка железная, дано алтын 2 д. (В. Устюг, 1688 г. — АХУ II, 1237); Поваренокъ древяныхъ куплено на В де (Кириллов, 1683 г., кн. пр.-расх. в с. Антушево — ГАЛО, ф. 251, оп. 1, № 570, л. 3).

Позднее слово *поваренка* употребляется без территориальных ограничений (Даль III, 141).

Не сразу появился общерусский эквивалент к рассмотренным словам. С 1073 г. в письменности отмечается *упольник* 'уполовник, ковш на длинной рукоятке' (Срезн. III, 1242), не сохранившееся в старорусский период. Его продолжает ред-

кое в XVI—XVII вв. *уполоник*, *уполуник*, *аполоник* (с 1406 г.), характерное для южнорусских и смоленских источников, см., например: Ли оуполоником черпяя премерити море (1406 г. — Палея толк., 41); десят уполуников железных (Курск, 1624 г. — Южн. там. 130); Да куплено сковорода, два уполоника, рогачь (Рязань, 1687 г. — Кн. пр.-расх. Бог. м., 235). Смоленское *аполоник*, возникшее под влиянием белорусского языка, выявила Е. Н. Борисова⁴. С конца XVI в. письменность отражает форму с корневым наращением -ов-: *уполовник* (ср. *уполовить* 'разделить пополам, отбавить, взять половину' — Даль IV, 503). Первой фиксацией этого слова можно считать запись в словаре москвитов 1586 г., составленном французом в Николо-Корельском монастыре: Упаломник (Сл. 1586 г. 154). Заметим, что по фотографии с текста, приведенной в публикации словаря 1586 г., слово, прочитанное Б. А. Лариным как *Oupallomenicg*, можно читать и как *Oupallowenicg* (Сл. 1586 г., табл. 3). Первые употребления слова связаны с севернорусской территорией: Кириллов, Тотьма, Вологда. Во второй половине XVII в. *уполовник* отмечается в Валдае, Москве, Хлынове, Кашире, Олексине, Рязани. См. несколько примеров: Ковши, чем квас разливают, уполовник, корцы деревянные (Кириллов, 1601 г., оп. им. К.-Бел. — Ник. I, 269); Купили уполовникъ железной (Тотьма, 1607 г., кн. пр.-расх. сол. пр. — ГАВО, ф. 512, оп. I, № 6, л. 46 об.); Купил уполовникъ деревянной (Вологда, 1648 г., кн.-пр.-расх. арх. — ВОКМ, № 2167, л. 224); Ни моря уполовником вылияти, ни нашим иманием твоего дому истоштити (др. вариант: уполовнею, чашею — Моление Дан. Зат. Сл., 211). В конце XVII в. *уполовник* употребляется и как термин литейщиков: 5 уполовников железных больших, черпают ими ис плавильной печи чугуи и льют ядра (Олексин. у., 1690 г., кн. отказн. — КМР I, 134).

Ср. определения слова в словарях XVII—XVIII вв.: Мисюръ — чюмичь, еже есть уполовник (XVII в., Алф. 446, 141 — КДРС); Поварская ложка — уполовник (Вейсман, 339).

Вариант женского рода *уполовня* обнаружен в письменности Тихвина (всего 4 примера), см.: Яв/ил/ устюженецъ Павел Яковлев снъ. 4 уполовни (Тихвин, 1626 г., кн. там. Тихв. м., № 3, л. 149 об. — КДРС); Явилъ устюженец Иванъ

---

⁴ Там же.

Моисеевъ Р уполовен и корцов (Тихвин, 1668 г., кн. там. Тихв. м., № 317, л. 19 — КДРС).

Обнаружен в письменных источниках деминутив *уполовничекъ*, см. Цедилочька с воронкою да уполовничок внутри вызолочены (1677г. — Оп. им. Матв. 10).

Отражает письменность и редкий вариант *половник*, связанный с живой речью москвичей и смолян, см., например: Сковорода да половникъ железные (Москва, 1686 г., роспись — ДАИ XII, 214)⁵.

В XIX в. *уполовник* и *уполовня* 'поваренка, чумичка, ковш на долгой рукоятке, черпачок устряпух' употребляются без территориальных ограничений (Даль IV, 503).

Широко употребляются в старорусский период слова с корнем *чум-*: *чум*, *чюмокъ* (с 1328 г.), *чюмичь* (с 1563 г.), *чюмикъ* (с 1657 г.).

Чумъ, *чюмокъ* 'ковш с ручкой, для питья' — архаичное слово, в XVI—XVII вв. употребляется редко. См., например: (1250 г.): Присла вина чюмъ и рече: не обыкши пити молока или вино (XV в. — Ипат. лет., 807); Явилъ устюженец Мартинъ Июдинъ бадю меду пятдесят сковородок семдесят чюмов и корцовъ (Тихвин, 1664 г., кн. там. Тихвин. м., № 273, 17 об. — КДРС).

Чюмичь 'металлическая, реже деревянная поварская ложка с длинной ручкой' — самое употребительное слово среди однокоренных. Приведем несколько примеров, выявляющих его семантику: Починивал мастер пят котлов да чюмич железной (Двин. у., 1563 г., кн. расх. Корел. м., № 937, л. 46 об. — КДРС); Роспись царским кушаньям... 2 чюмича кислицы крошенные (Москва, 1613 г. — АИ II, 428); Купил повар Саврас на пустош Мохнино чюмич деревянной (Вологда, 1640 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 19, л. 317); Четыре чюмича, чем щи и молоко черпають (Онега, 1688 г., кн. пр.-расх. Он. Крест. м. — КДРС). Территория его употребления по письменным фиксациям: Подвинье, Кириллов, Вологда, Тихвин, Волоколамск, Москва, Дорогобуж, Псков, то есть севернорусская территория, западная часть средне-русской и крайний запад южнорусской.

Выявленные факты не дают четкого представления об отличии чюмича от уполовника, можно думать, что *чюмич*

---

⁵ См. смоленские примеры в кн.: Борисова Е. Н. Указ. соч., 52

чаще выступал как ковш для черпания жидкой пищи. Ср.: Чумичь — уполовниковъ сынъ (1741 г., — Посл. Богданова, 120 об. — КДРС).

В тихвинских таможенных книгах зарегистрировано 4 примера со словом *чюмик*, например: Явил... Н чюмиковъ (Тихвин, 1657 г., кн. там. Тихв. м., № 217, л. 14 об. — КДРС). Все примеры однообразны по содержанию.

В старорусский период еще не получило распространения слово *чюмичка*, см. единственный пример в «Домострое»; Решетки и чюмички и карци и все бы было чисто (XVI в. — Дом. 51, др. вариант: чюмичи). Впоследствии *чюмичка* 'большая разливательная ложка, поварешка' употребляется очень широко (Даль IV, 614).

Наблюдается в письменности деминутив *чюмичокъ*: Дано медному мастеру Мокею Вологжанину... два чумичка лудиль (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник. 47).

Большое корневое гнездо составляют слова с корнем *черп-*, отраженные в письменности XVI—XVII вв., но не зарегистрированные историческими словарями.

Черпало (1515 г.) в соответствии с семантикой словообразовательной модели (ср.: носило, опоясало, солило и т. п.) было родовым названием черпаков, но употреблялось редко, см.: Князь великий Василей Иванович всеа Руси послал к тебе... ковш серебрян да черпало серебряно (Москва, 1515 г. — Крым. д. II, 193). В лексиконах XVII—XVIII вв. находим: Чръпало: почръпало, ведро (Бер. 156); Почерпало... черпало (Поликарп. 506, 712).

Деминутив *черпальце* обнаруживаем в деловых документах начала XVI в.: Ты бы ныне ко мне серебряну чару прислал, в которую бы два ведра вмещались, да и с черпалцом серебряным (Москва, 1509 г., ст. список — Крым. д. II, 25).

В языке XIX в. *черпало*, *черпальце* употребляются без ограничения (Даль IV, 596).

Черпня 'металлический столовый сосуд для черпанья' зарегистрировано одним примером: Да въ трапезе... 10 братин медяных же да черпня медяная ж (Весьегонск, 1575 г. — Оп. Краснохолм. м., 52). Ср.: Черпня, вят. Колодезная бадья (Даль IV, 596).

Во второй половине XVII в. в московских актах фиксируются слова *черпашка* и *черпалка*: Винокурня... 2 кадки сосновых, 7 черпашек, 6 ковшей (Моск. у., 1676 г. — ДТП I,

239); У всякаго источника сделаны черпалки медныя на железныхъ чепяхъ (1698 г. — Дн. Толстого 2, 255).

В словарях XVII в. упоминаются *вареха* и *мисюръ* (Сл. РЯ XI—XVII вв. 2, 20; 9, 179), пока не обнаруженные в текстах.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы:

1. Наибольшей активностью в языке XVI—XVII вв. отличаются слова древнего происхождения, уходящие корнями в праславянскую эпоху и имеющие соответствия в других славянских языках. Прежде всего из числа этих слов складываются общерусские наименования. Образование рассмотренных лексем происходило на основе следующих принципов номинации: по материалу или способу изготовления, по содержанию. Названия иноязычного происхождения в целом встречаются реже, чем русские или славянские.

2. В составе предметно-бытовой лексики XVI—XVII вв. можно выделить четыре группы слов: лексемы активного употребления общерусского распространения, книжно-архаичные слова, диалектизмы, экзотические иноязычные заимствования. Наблюдается контекстуальная закреплённость книжно-архаичных слов, их употребление в словесных рядах строго определенной жанрово-стилистической структуры, представленной преимущественно в сфере церковно-религиозной литературы.

3. Динамические процессы в анализируемой лексике в значительной степени зависели от экстралингвистических причин и прежде всего от появления новых типов посуды, но конкретное протекание этих процессов определялось составом лексико-семантических групп, сферой распространения слов и т. п., например, *латка*, *плошка* и др. В других случаях влияние экстралингвистического фактора не столь очевидно, но заметнее давление лексической системы, это проявилось, например, в изменении семантических отношений между словами *сковорода* — *противень* после выпадения из общерусского литературного употребления слова *веко* 'разновидность кухонной посуды', см. также борьбу вариантов *поварница* и *поваренка* и т. д.

4. В формировании фонда лексем общерусского характера имело место преодоление некоторых фонетико-словообразовательных ограничений и конкуренции со стороны лексем

регионального характера, показательной в этом отношении является судьба слова *уполовник*.

5. Наблюдается естественный для предметно-бытовой лексики процесс территориального распределения лексем или лексико-семантических вариантов, позволяющий вычленить лексемы узкорегionalного распространения, изоглоссы, известные целому ряду говоров, а также отдельные диалектные зоны. Так, противопоставление зоны севернорусских говоров зоне южнорусского наречия основано на следующих диалектных словах: **север**: *плошка* 'посуда для жарения', *решетки* 'приспособление для жарения и печения', *поварница* и *поваренка*; **юг**: *казан* 'котел для винокурения', *плошка* 'питьевой сосуд', *уполовник* 'разливательная ложка'. Наблюдается противопоставление лексем и на близко соседствующих территориях, так, на востоке севернорусской территории котел для винокурения носит название *седун*, а на востоке южнорусской территории и в Поволжье — *казан*. Первенствующая роль в формировании общерусской лексической нормы принадлежала говорам средней России, особенно московскому. Некоторые слова первоначально бытовали на севернорусской территории, а уже затем приобрели общерусский характер.

6. Широкое привлечение материалов, связанных с разными территориями России, позволило выявить несколько слов, ранее не изученных исследователями, а также уточнить время первой фиксации ряда слов, а иногда и их семантику.

7. Лучше отражают анализируемую лексику деловые тексты. Непосредственная связь деловой речи с практикой «повседневного глаголанья» способствовала проникновению в деловые тексты большого числа уменьшительных образований.

Список источников с сокращениями названий

А. Моск. — Акты времени междоуцарствия. Смутное время Московского государства. — ЧОИДР, 1915, кн. 4, отд. I, с. 1—200.

А. посад. — П а в л о в - С и л ь в а н с к и й Н. П. Акты о посадских людях-закладчиках. СПб., 1909.

АФХЗ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I—III. М., 1951—1961.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1—3. СПб., 1857—1884.

Бер. — Лексикон Славенороський Памвы Берынды. Киев, 1961.

Вейсман — В е й с м а н Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731.

- Вивл. — Древняя российская вивлиофика... изд. 2, ч. XII. М., 1790.
- ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собр. митр. Макарием. М.—СПб., 1868—1917.
- Востоков — Востоков А. Ф. Словарь церковнославянского языка, т. 1. СПб., 1858.
- ГАЛО — Гос. архив Ленинградской области.
- Гр-ки — Грамотки XVII — начала XVIII века. М.: Наука, 1969.
- ДАИ — Доп. к Актам истор., ..., т. 1—12. СПб., 1846—1875.
- Дн. Толстого — Путешествие стольника П. А. Толстого. 1697—1699. — Рус. архив, 1888, кн. 1—2.
- Дом. — Домострой по сп. ОИДР. — ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 1—165.
- Дом. К. — Домострой по Коншинскому списку и под. — ЧОИДР, 1908, кн. 2, с. 1—61.
- Дом. Свад. — Чины на свадьбе. Домострой по сп. ОИДР. — ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 166—202.
- Д. патр. Никона — Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
- ДТП — Дела Тайного приказа, кн. 1—4. СПб., — Л., 1907—1926 (РИБ, т. 21—23, 38).
- Д. Шакл. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 1—4. СПб., 1884—1893.
- Ж. пр. Авв. — Житие протопопы Аввакума, им самим написанное. М., 1960.
- Зиз. — Лексис сиречь речения, вкратце събранны и из словенского языка на простой русский диялектъ истолкованы (Лаврентий Зизаний, 1596 г.) — Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым, т. 2, кн. 5—8. СПб., 1849, с. 121—131.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. 2. М., 1962.
- КМР — Крепостная мануфактура в России, ч. 1—3. Л., 1930—1932.
- Кн. вклад. Ант.-Сийск. — Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1576—1694 гг. — ЧОИДР, 1917, кн. 2, отд. I, с. 1—79.
- Кн. пер. Водск. пят. III. — Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины, продолж. — ВОИДР, кн. 12, 1852.
- Кн. п. Казани — Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932.
- Кн. пр.-расх. Бог. м. — Приходо-расходные книги Богословского мон. — Тр. Рязан. уч. арх. комиссии за 1903 г., т. 18, вып. 1—2; за 1904 г., т. 19, вып. 1.
- Кн. пр.-расх. Синб. приказн. избы — Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы) 1665—1667 гг. Симбирск, 1896.
- Кн. расх. Ипат. м. — Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря, ок. 1553 г. — Сб. Археолог. ин-та, кн. 6. СПб., 1898, отд. 2, с. 127—137.
- Кн. расх. митр. Ник. — Расходная книга новгородского митрополита Никона. — ВОИДР, кн. 13, 1852, с. 1—62.
- Крым. д. II — Памятники дипломатических сношений Московского гос-ва с Крымом, нагаями и Турцией, т. 2, — Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895.

КЭСРЯ — Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Лит. сб. — Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.

Лих. — Лихачев Н. П. Сборник актов, собр. в архивах и библиотеках, вып. 1—2. СПб., 1895.

Новг. сл. — Новгородский словарь XIII века. (По сп. Московской синодальной кормчей 1282 г.). — Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым, т. 2. СПб., 1849, с. 120—121.

Оп. аптек. — Опись Аптекарскому и иным дворам.... 1677 г. — Зап. отд. рус. и слав. археологии Русского археолог. об-ва, т. 2. М., 1861, с. 44—125.

Оп. им. арх. — Опись имущества вологодского архиерейского дома в половине XVII в. — Изв. Археолог. об-ва, т. 5, вып. 2. СПб., 1865, с. 96—114.

Оп. им. кн. Мстисл. — Опись имущества старицы княжны Ирины Ив. Мстиславской. — ЧОИДР, 1915, кн. 3, смесь, с. 1—6.

Оп. им. Матв. — Опись имущества боярина А. С. Матвеева. — ЧОИДР, 1900, кн. 2, смесь, с. 9—21.

Оп. им. Тат. — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения... М. Татищева. — ВОИДР, кн. 8, 1850, смесь, с. 1—40.

Оп. Краснохолм. м. — Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Антониева монастыря. — Древности, т. 8, 1880, с. 1—95.

Палея толк. — Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892.

Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской литературы, т. 1—2. СПб., 1863.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1—8. СПб., 1856—1867.

Поликарп. — Лексикон трехязычный... Ф. Поликарпова. М., 1704.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, т. 1—3. СПб., 1830.

Пустоз. сб. — Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Реч жид. — Речь жиловского языка. — Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. Л., 1963, с. 398—399, 418—421.

Речь тонк. греч. — Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры конца XV—начала XVI вв. М.: 1896.

Росп. цен — Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по г. Енисейску XVII в. (1649 и 1687 гг.). — ЧОИДР, 1900, кн. 2.

Рук. лекс. — Рукописный лексикон первой половины XVIII в., подг. к печати А. П. Аверьяновой. Л., 1964.

Рус.-кавказ. — Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889.

Рус.-швед. экон. отн. — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М. — Л., 1960.

Сакович — Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1956 (Тр. ГИМ, вып. 30. Книга записная мелочных товаров Московской большой таможни 1964 г.).

Саранск ТК — Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951.

Симони. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собр. и приготовил к печати П. Симони, т. 1—2. СПб., 1899 (Сб. ОРЯС, т. 66, № 7—8).

Сказ. о самозван. — Иное сказание о самозванцах. — ВОИДР, кн. 16. М., 1853.

Сл. В. Устюга — Симоны П. К. Материалы для истории старинной русской лексикографии. Вып. 2. Два старинных областных словаря XVIII столетия. СПб., 1899.

Сл. 1586 г. — Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига, 1948.

Спафарий.. Китай — Арсеньев Ю. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай 1675—78 гг. — Вестн. археологии и истории, вып. 17. СПб., 1906, отд. 2, с. 162—339.

Срезн. Опис. рук. — Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собр. для имп. АН в Олонецком крае. СПб., 1913.

Стол. п. Филарета — Столовая книга патриарха Филарета, вып. 1—2, СПб., 1906—1909 (Старина и новизна. Ист. сборник, кн. 11, 13).

Тих. Мон. вотч. — Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. — В кн.: Русское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973, с. 120—154.

Тр. Ворон. УАК — Тр. Воронежской уч. архив. комиссии, вып. 5, 1914.

Тр. Орл. УАК — Тр. Орловской уч. архив. комиссии, вып. 6, 1889.

Успен. Цар. икон. — Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в., т. 1—4 СПб., 1906—1916 (Зап. Моск. Археолог. ин-та, т. 10, 17, 32, 39).

Хр. 1512 г. — Хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911.
Южн. там. — Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М.: Наука, 1982.

Л. П. Михайлова

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ

Подсечно-огневое земледелие на Севере, в частности в Карелии, на территории бывшей Олонецкой губернии, с его выработавшейся веками сложной системой обработки лесных участков, превращения их в пахотную землю, существовало вплоть до XX в. «Против очевидного факта существования подсеки на Севере до самой коллективизации возражать нельзя... Даже в первые годы коллективизации, когда еще колхозы были мелкими, расширение пашни средством подсеки велось по такой же технологии, как и в старину» — пишет П. А. Колесников¹. Не останавливаясь на изысканиях исто-

---

¹ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976, с. 189.

риков в этой области², приведем лишь свидетельство И. Гомилевского: «Повсюду в губерниях Олонецкой и Архангельской ведутся два крайне различных вида сельского хозяйства: 1) *подсечное*, иначе — *лядинное*, *нивное*, *огнищное*, *кулижное*, *чищное*, 2) *трехпольное хозяйство*»³. Весь цикл подсечно-огневого земледелия, начиная с выбора лесного участка, который можно использовать в качестве подсеки, и заканчивая пашней, полем с какой-либо культурой на нем, истощением этого участка, забрасыванием его на 10—15 лет, представлял собой своеобразный «оборот подсечного хозяйства»⁴. Разные этапы указанного вида землеобработки, от начального до конечного, превратившегося в свою противоположность, (конец → начало), нашли отражение в лексике подсечно-огневого земледелия русских говоров Севера.

Земледельческая терминология русских говоров Севера неоднократно подвергалась исследованию. Привлекая данные памятников письменности XIV—нач. XVII вв. севернорусской территории, Н. С. Бондарчук выделяет конкретные лингво-географические зоны функционирования диалектизмов в донациональный период на материале лексики, обозначающей участки землевладения и землепользования⁵. Подробный анализ лексики подсечно-огневого и парового земледелия в говорах Белозерья, с использованием методов лингвистической географии, проделан Ю. И. Чайкиной⁶. Этим же автором описана лексика памятников письменности Устюжского края⁷. В некоторой степени подверглась анализу терминология под-

---

² См. обзор исследований по истории систем земледелия на Севере в указанном соч. П. А. Колесникова, с. 185—202.

³ Гомилевский И. С. крайнего Севера России. — «Сельское хозяйство и лесоводство». СПб., май, 1878, с. 29.

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Бондарчук Н. С. 1) Проблемы исторической региональной лексикологии. Калинин, 1978, с. 83; 2) Семантическое поле «Земля по способу подготовки для сельскохозяйственного использования» в географической проекции (На материале письменных памятников XV—XVII в.). — В кн.: Лексико-грамматические исследования по русскому языку. Калинин, 1977, с. 3—22.

⁶ Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья. — В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975, с. 46—136.

⁷ Чайкина Ю. И. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского у. XVI—XVII вв. — В кн.: Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980, с. 83—94.

сечно-огневого земледелия каргопольских говоров⁸, русских говоров Карелии⁹.

Заметим, что данная группа слов, представленная в русских говорах Карелии, изучена еще недостаточно как в плане ее формирования, так и современного состояния ЛСГ. В имеющихся работах пока имеем описание лишь части терминов земледелия в русских говорах Карелии, преимущественно в историческом плане: *страдамая земля, пристрад, страдная земля, подсекирная земля, подтопорная земля, ораница, ора-мая земля, нива, суки, подсека, репище, пал, новина, деревня*¹⁰. Между тем в лексике русских говоров Карелии обнаруживаем до 40 слов, отражающих в своей семантике различные периоды обработки лесоучастка под пашню: 1) с подсеканием и валкой леса связываются названия *подсека, валеница, виранда, воранда, дрань, суки*; 2) с выжиганием леса — *жгань, жганица, жиганица, огнище, огорельиш, гарь, пал, паль, пальник, паленина*; 3) с возникновением нового пахотного участка — *новина, новинка, нива, нивище, репище, репник, ленник, поляна*; 4) участок леса, используемый под пашню, носит наименования — *ляда, лядина, кедовина, китовина, нива, нивище, суки, раега, разага, сельга*. Глаголы, обозначающие подготовку угодья к использованию под пашню, — *валить, драть, жечь, катить, палить, прятать*.

Выделенная группа слов имеет значительное сходство в своем составе с лексикой соседних территорий (*подсека, нива, лядина, репище, гарь, поляна* и др.). Однако обнаруживается ряд слов, которые до настоящего времени оставались неописанными или описанными в незначительной степени. Именно такие термины, известные русским говорам Карелии, мы и попытаемся описать в данной работе.

---

⁸ Дружинина Г. А. К истории терминов подсечно-огневого земледелия в каргопольских говорах. — В кн.: Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1983, с. 151—152.

⁹ Михайлова Л. П.: 1) Термины подсечно-огневого земледелия в русских говорах Карелии и местных памятниках письменности. — В кн.: Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1981, с. 47—50; 2) Из истории русской земледельческой терминологии на территории Карелии. — В кн.: Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1983, с. 164—165.

¹⁰ Михайлова Л. П. Указ. соч.

Мы используем данные картотек; СРГК, СРНГ, Сл РЯ XI—XVII вв.¹¹.

Валеница, валяница — 'участок леса, выжигаемый для посева' — отмечено в современных медвежьегорских и пудожских говорах Карелии: Бывало, ниву сжигали под репу, да под рожь, сожженное уже *валеница* называли (Медв., Фомино); Ниву сжигали, чтоб на тот год родила лучше, таки нивы *валяницы* назывались (Пуд., Киково); Лен тоже в лесах на *валяницах* рос, где валят лес, жгут, *жганицами* еще называли (Медв., Харлово). Слово известно каргопольским и вытегорским говорам: Пахали раньше на *валяницах*, в поле не пустят; малёг вырубят, сожгут, круками запашут и лен сеют (Карг., Лядины). Г. Куликовский приводит *валеница* 'место, выжигаемое для посева льна' как вытегорское.

Слово *валеница* имеет и второе значение — 'срубленные деревья на участке, предназначенном под пашню' — в пудожских, каргопольских и лодейнопольских говорах. *Валеница* — бревна такие, чтоб ниву-то выжгать. Лес подгорит, дак бревно отодвинешь, крюком отодвигали. Лес вырубленный двигали по ниве, чтоб сторел (Пуд., Черново). СРНГ приводит *валеница* в двух значениях: 1) 'участок леса, выжигаемый под посев льна' — вытегор. 2) 'срубленные деревья на участке леса, предназначенном для расчистки' — лодейноп. (СРНГ, IV, с. 24). В прионежских говорах во втором значении зафиксировано *валья* (мн. ч.): Валят деревья, деревья катали, *валья* их называли. Дерево зажгут и по сучьям катают, а место это выжженное палом называют (Прион., Суйсарь). В пудожских говорах однокорневое *валенички* обозначает 'вырубки' (Карт. СРГК).

В кирилловских говорах поле, разделанное на выжженном лесном участке, называется словом *повал* (Кленово); в бабевских говорах отмечено *повалиха* — 'куча срубленных деревьев и сучьев на подсеке': Осенью лес срубим, *повалих* надеваем, а весной поджигаем (Баб., Верхний Конец).

Словарь русского языка XI—XVII вв. приводит *вал* 'угоды с лесом, предназначенным для вырубки(?)', отмеченное

---

¹¹ Приводим также данные памятников письменности, относящихся к Карелии: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941 (далее — Гейман); Карелия в XVII веке. Сборник документов. Составлен Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948 (далее — Мюллер).

в писцовых книгах Рязанского края XVII в., 1629 г. (Сл. XI—XVII вв., в. 2, с. 12—13). Близким по семантике к анализируемому *валеница* является *валище* 'вырубка, место, где валили лес', зафиксированное актами Велико-Устюженского м-ря XVI в., 1525 г. (Сл. XI—XVII вв., в. 2, с. 13). Слово *валеница* не отмечено.

Процесс расчистки и сжигания леса под пашню обозначается чаще всего глаголом *валить* — *вывалить*. В современных пудожских, кондопожских, прионежских, медвежьегорских говорах активен глагол *валить* — *вывалить* в значении 'выжечь лес на освобожденном под пашню участке': *Валить* в лес ходили, суки рубить; *валить* — это жгать лес, а по-досюльному *валить*, а не жгать. Лес валили, бывало, репища *валили*, дак и репа росла (Медв., Типиницы); Лес-то вырубишь и *валишь* под лён, и жгёшь огонь (Медв., Черкасы); *Валеница* — лес высекёшь весной, на другу весну *вывалишь*, Таки маленьки сохи на *валеницы* (Пуд., Кукасово). Когда под репу *валили*, дак где не выжгут, говорили, ишь челизней наделали, наоставили (Конд., Кулмукса); Весна настанет, дак *вальев* назаготовят, место выжигают; на ету жгань и сеяли, ниву, говорят, *вывалить* надо (Прион., Суйсарь). На сопредельных территориях *валить* отмечено в указанном значении в каргопольских, лодейнопольских, подпорожских, тихвинских, бокситогорских, пестовских говорах (Карт. СРГК), *валить* 'жечь мелкую подсеку под лен, репу или ячмень' — в вытегорских говорах (СРНГ, в. 4, с. 27). СРНГ приводит также *валять* 'выжигать лес под пашню' как олонецкое (по Бурнашеву) — там же. Типичными являются сочетания *валить лес*, *валить в лесу*, *валить суки*, *валить пал*, *валить валяницу*, *валить нивья*, *валить репище*, *валить сучья*, *валить под лен*, *под репу*.

Дрань 'место, освобожденное от леса под посев' известно в пудожских говорах: Кладают хворост в кучу, а ето место *дранью* называют (Пуд., Корбозеро); Под овес *дрань* (Пуд., Погост). В плесецких говорах Архангельской области слово *дрань* противопоставлено лексеме *пал*. Первое обозначает 'участок, подготовленный для пашни путем освобождения от леса без сжигания, выдираньем корней, пней', второе — 'участок, выжженный для посева': *Пал* — *палом*, а *дрань* — *дранью*; *пал* — все сгорит, а у *драни* пенья маленьки, они выдираются, а *пал* — матерый лес секут (Плес., Майлахта); Было четыре *драни* подряд, *дрань* — это (лес), который в

костры карзают (Плес., Зехново); *Дрань драли* нову, выка-
рзают леса да жито сеют (Плес., Майлахта). Однако в слу-
чаях необходимости использовалось и сжигание леса при
подготовке драни: Мы до колхоза три *драни выдрали*. *Дрань* —
очистят полосу леса, *сожгут*, и *раздирают* мужики сохами
(Плес., Майлахта). В бабаевских говорах Вологодской обл.
дрань — 'участок, освобожденный из-под леса под пашню
путем вырубки и сжигания его': Когда *дрань* делали, *повали-*
ли не гнали по всей полосе, а *сжигали* на месте, но урожай
все равно хороший был (Баб., Верхний Конец).

СРНГ приводит *дрань* 'вспаханная целина' с пометой
«пенз.», *драни* надрать 'вспахать целину' в онежских былинах
Гильфердинга (СРНГ, в. 8, с. 174), *дрань* 'вспашка целины
сохой' отмечено в пензенских и вятских говорах (там же).

В Словаре русского языка XI—XVII вв. слово *дрань* от-
сутствует, нет его и в материалах Срезневского и Кочина.
Одной из грамот XV в. отмечено *дрянь*: И положиша проме-
жи себя межу роскладную: ...на ели посередь Василева ре-
пища да в дуб во горелой, из дуба *дрянь* и мостища, из
мостища *дрянь* на валища да во Твеку реку (XV в. — Раз-
дельная Василья и брата его Маковея на земли отца их
Прокопия — Гейман, 122). Ср. данные Словаря XI—XVII вв.:
Дрянь ¹. Росчисть. А ободъ тои земли от усть Хмелева ручья...
по Хмелевому ручью вверхъ по пути ино от того пути черезъ
наволоки *дрянь* тысяча сажень до гряницъ, что Ондрьи
гряницы проложил. Гр. Новг. и Псков., XV в. (Сл. XI—
XVII вв., в. 4, с. 367).

Процесс подготовки драни обозначается глаголом *драть*:
Лес сожгут, а потом на лошадях пал *дерут*; *дерут*, а потом
становится пахотна земля (Выт., Мегра). Здесь речь идет о
выкорчевывании пней и корней. В чудовских говорах Новго-
родской обл. *драть* — 'обрабатывать плугом трудно подда-
ющуюся вспашке землю', в кирилловских и тихвинских
драть — 'распахивать целину или место с выкорчеванными
деревьями', в волховских — 'пахать' (Карт. СРГК). По дан-
ным СРНГ, *драть* 'пахать целину' отмечено в ряде сибирских
говоров, с XIX в. известно тверским и калужским говорам в
сочетании *драть целину*; «пахать лесную новину, росчисть»
в вост. говорах, по Далю (СРНГ, в. 8, с. 175).

В новг. II летописи *драти* 'вырывать, выкорчевывать':
Бурею *драло* сады многии и хоромы, да бурею же весь лесъ

и — Славна выдрало, прибило къ великому мосту в Новогоро-
ди (Сл. XI—XVII вв., в. 4, с. 350).

Исходя из сказанного, слово *дрань* в его специфическом
значении 'участок мелкого леса, приготовленный для посева'
можно считать северным, оно имеет островной ареал — пу-
дожские, бабаевские, плесецкие говоры. Несколько более
широко в пределах северных говоров представлено *драть*
'очищать от леса для посева'.

Ср. в вологодских и ярославских говорах *драки, драка*
'вновь расчищенное место из-под леса, подсека', в ярослав-
ских *драка* — 'мелкий кустарник', в костромских *драка* — 'се-
нокосная поляна в лесу' (СРНГ, в. 8, с. 170). Однокорневое
дор в указанном или близком значении известно северо-
восточным и среднерусским говорам русского языка, по дан-
ным Ю. И. Чайкиной¹².

Жгань, жганина, жганица 'выжженный под пашню уча-
сток леса', по имеющимся данным, известно только в русских
говорах Карелии. СРНГ отмечает *жганица* 'выжженное ме-
сто' как пуд. олон. со ссылкой на Слов. Акад. 1897 г. (СРНГ,
в. 9, с. 92); то же у Куликовского (Кулик., с. 23). Ср. данные
картотеки СРГК по медвежьегорским говорам: Лен тоже в
лесах на валяницах рос, где валят лес, жгут, *жганицами* еще
называли (Медв., Харлово); Весной прут обирали да жгали
прут, пожни чистили, на *жганице* много малиныросло
(Медв., Белохино); *Жганицей*, лес когда сожгут, поле назы-
вается в лесу (Медв., Ламбасручей). Здесь *жгáница, жганí-*
ца — 'участок, освобожденный от леса или кустарника путем
его сжигания для пашни или сенокоса'. В этих же говорах
известно *жганица* 'зола': Потом, когда репу посеют, рипище
сожгут, и эту *жганицу* на грядья посыпят (Медв., Тявзия).
В беломорских говорах *жганица* — 'выгоревший лес' (Вирма).
Выжженное для посева место в лесу в беломорских говорах
обозначается словом *жганина*: Вырубят етот лес, сожгут, на
етих *жганинах* лучше растет (Белом., Ендогуба). В прионеж-
ских говорах *жгань* 'выжженный под посев участок земли'
(карт. СРГК).

Отсутствие слов *жгань, жганина, жганица* в письменных
памятниках дает основания полагать, что они в указанном
значении возникли относительно недавно. Включение их в
систему лексики подсечно-огневого земледелия могло про-

¹² Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья, с. 81.

изойти за счет семантики глагола *жгать* 'жечь', известного говорам. Сжигание — один из важных этапов обработки лесоучастка, поэтому в соответствующую ЛСГ могут включаться все слова, связанные с этим процессом: *гореть, гарь, жар, огонь, огнище*. Например, слово *гарь* в русских говорах Карелии довольно широко употребляется в значении 'выгоревший участок леса', а в значении 'место в лесу, выжженное под пашню' известно на сопредельных территориях (карт. СРГК) ¹³.

Слово *огнище* в русских говорах Карелии (заонежских, пудожских, олонекских) еще в XIX в. имело значение 'выжженное для посева хлеба место в лесу' (Кулик., с. 69). в настоящее же время оно отмечено лишь в значении 'место, где горел костер, пепелище' (пудожские говоры — карт. СРГК). Ср. в плесецких говорах: Карзали, суцьки обрубали, чтоб ровно гладенько, суцьки в куцю, когда сгорит — место *огнище* (Плес., Зехново). *Огнище* 'лес, вырубленный и сожженный под пашню', 'вспаханная новь' известно вологодским, олонекским, архангельским, псковским, новгородским, ярославским, сибирским говорам (Ф. П. Филин) ¹⁴.

Ср. также *жар* 'участок леса, выжженный под пашню', зафиксированное памятниками письменности XV—XVI вв. на новгородской территории (Сл. XI—XVII вв., в. 5, с. 75), но отсутствующее в современных говорах.

Более употребительным оказывается слово *пал*. В современных говорах Карелии *пал* 'место, выжженное и очищенное от леса для посева' широко известно в пудожских говорах, медвежьегорских, прионежских и кондопожских: *Палы* прятать, весной снег сойдё, прутья секут, до Петрова *палы* прятали, до сенокоса, лес уберут, сожгут (Пуд., Корбозеро). С пометой «олон». Г. Куликовский приводит *пал прятать* 'собирать обгорелый лес на местах, расчищенных под пашню, и сжигать в стоячих кострах'; «*Пал* (Пт., Пд., Пв.), *паль* 'место, выжженное в лесу ради посева ржи, репы и т. п.; собранные с этого места обгоревшие стволы и пни зовутся равно и поляна, расчищенная таким способом, зовется *паловое поле*» (Вт., Крг.) — Кулик., с. 77.

Пал в указанном значении известно каргопольским, плесецким, няндомским, красноторским, устьянским говорам

¹³ См.: Бондарчук Н. С. Семантическое поле., с. 8, 18—19.

¹⁴ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 586.

Архангельской обл., вытегорским и кадуйским Вологодской обл., лодейнопольским и подпорожским Ленинградской обл. (карт. СРГК). Даль приводит *пал* с этой же семантикой с пометами «сев.» и «вост». *Пал* 'выжженное место в лесу или на лугу' имеет место в некоторых калининских говорах — бежецких, краснохолмских, нелидовских (Кал. ОС, с. 171). По данным картотеки СРНГ, *пал* как термин подсечно-огневого земледелия известен пошехоно-володарским, угличским, некоторым сибирским говорам, *пала* 'выжигание подсек' — пермским.

Пал 'участок выжженного леса для использования под посев' отмечено на узкой территории документами Свирского м-ря, в книгах расходных за 1615—1631 гг.: Мсца июля в 1 дн в Мандрогах *пал прятали* издержали наиму рубль и 27 алтынъ (№ 160, л. 41); въ 12 дн дано двум наймом *пал орали* да судамой 11 алтынъ (№ 160, л. 129 об.); Въ 2 дн. дано от сланя навозу и от воженя и от полотна и от *прятаня палу* рубль 8 алтын (№ 160, л. 54 об, 54^а) — картотека ДРС. В последней четверти XVII в. *пал* отмечено на территории Двинской земли: Орамой земли полоска на *палу* с нижнего конца 35 сажан а поперек 13 (Вер. кн. 1677 г., л. 213 — карт. ДРС.) Значительно раньше, в п. п. XVI в., известен топоним *Палъ* — название деревни: Две Тереботинские трети, деревня *Палъ* (Арх. Строева 1, 242, 1536 г. — карт. ДРС). В этот же период в составе топонима отмечено производное от *пал* прилагательное, в документах Палеостровского м-ря (Заонежье): есмя ставился на пень на Марнаволоку, а бревна имал на Лухтоострове на *Паловой нивы*, 1538—1539 гг. — Правая грамота судей Третьяка Кривякина и Спиридона Михайлова Палеостровскому м-рю (Гейман, 136). Данные памятников письменности позволяют сделать вывод о бытовании термина *пал* с XVI в. на территории Карелии и Двинской земли.

Возникновение слова *пал* как термина подсечно-огневого земледелия, вероятно, связано с влиянием прибалтийско-финских языков, ср. в вепсском *рало* — 'огнище, сожженная подсека'¹⁵, в финском языке *pala* 'гореть, сгорать'¹⁶. Не

¹⁵ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972, с. 398.

¹⁶ Финско-русский словарь. Составили И. Вахрос и А. Щербаков. Под ред. В. Оллыкяйнен и И. Сало. Изд. 2-е. М., 1977, с. 438.

случайно в карельской микротопонимии содержится значительное количество названий, начинающихся с *palo*. Н. Н. Мамонтова выделяет такую группу микротопонимов на территории Олонецкого р-на¹⁷.

В севернорусских говорах представлен ряд однокорневых слов. В вашкиных говорах Вологодской обл. бытует *паль* 'выжженное для посева место' (карт. СРГК). В череповецких говорах *палько* 'засеваемое из года в год место в лесу или среди кустарников' (Харламовское). *Пальник* 'сожженный лес' отмечено в беломорских, онежских, каргопольских, терских, устюжских, череповецких говорах; у Куликовского *пальничок* 'маленькая поженька' с пометой Пт. *Паленина* 'выжженный под пашню участок леса' известно в некоторых новгородских, ленинградских, вологодских и архангельских говорах (карт. СРГК).

Характерной приметой ЛСГ подсечно-огневого земледелия является наличие в ней слов субстратного происхождения. В русских говорах Карелии *сельга* не только 'покрытый лесом горный хребет', но и 'поляна, расчищенная под пашню (новина)'. Особенности рельефа местности отразились на составе отдельных ЛСГ. Отсутствие равнинных участков, преобладание в ряде мест сельговых массивов заставляло олончанина использовать возвышенности, покрытые лесом, для своих хозяйственных нужд, «на таких возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название сельга иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба» (Кулик., с. 106). Отсюда и значение 'большой, предназначенный для вырубki участок леса, посека, росчисть, огнище, чищоба, кулига' (Кулик., с. 106). В «Опыте» 1852 г. *сельга* — 'высокое пахотное место в лесу' с пометой «олон». Ср. топоним *Каско сельга*, отмеченный в списках населенных мест за 1905 г.¹⁸: *kasko* < *kaski* 'поджог, выжиг под пашню'. У Фасмера *сельга* 'лесистый кряж, раскорчеванное место' из олон. *selgü* (**se-lgä-*), фин. *selkä* 'спина, кряж,' (Ф., III с. 597).

В медвежьегорских говорах *сельга* 'поле на возвышенном месте, предназначенное для посева ржи, овса и т. п.': *Сельга* в лесу стоит, там рожь да овёс сеяли (Медв., Космозеро);

¹⁷ Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского арсала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982, с. 63.

¹⁸ Списки населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907.

в пудожских говорах *сельга* 'сенокосный участок', 'пастбище' (карт. СРГК). Следовательно, *сельга* развивает и другие значения, в связи с тем что географический объект используется с различными хозяйственными целями. Больше связь с терминологией подсечно-огневого земледелия сохраняет *сельга* в медвежьегорских говорах.

В некоторых случаях происходило, вероятно, прямое заимствование лексики подсечно-огневого земледелия, без изменения семантики. Так, *раега*, *раека*, отмеченное Куликовским в значении 'подсека, поросшая молодым лесом, небольшой частый лесок' в вытегорских и коштутских говорах (Кулик., с. 98), возникло из олонецк. *гајакко* 'раскорчеванный участок' (Ф., III, с. 432). *Разаги* 'подсечка из тонкого и редкого леса, заросшая травой и не сожженная года 2—3' (Кулик., с. 98) пришло также из прибалтийско-финских языков: карельск. *gazi*, олонецк. *gazi*, фин. *gasi* 'лес, срубленный при корчевании и оставшийся несожженным' (Ф., III, с. 433).

Ср. также *кедовина* 'раскорчеванный участок с новой порослью' олонецк. (Кулик.) — из фин. *kedo*, род. п. *kedon* 'травянистая почва' (Ф., II, с. 220). В прионежских говорах КАССР *кедовина* активно употребляется в значении 'участок леса, вырубленный для посева или сенокоса' (Прион., Суйсарь). Ср. *китовина* 'подсека, засеваемая во второй раз' олонецк. (Кулик.), по Фасмеру, возможно из фин. *kyto* 'площадь, очищенная от леса' (Ф., II, с. 241).

В анализируемую группу слов может быть включено и *виранда* 'сложенный в кучу хворост на подсеке, сенокосе, предназначенный для сожжения', известное медвежьегорским, каргопольским, онежским говорам: Обрубали весной лес, складывали в кучи, а осенью эти кучи, *виранды*, жгли. Дыму много в лесу, *виранды*, наверно, пни выкорчевывали, сжечь надо (Онеж., Хачела). *Виранды* 'нарубленный сухой хворост', по Фасмеру, пришло из карельск. люд. *vegand* 'куча хвороста в поле' (Ф., I с. 319).

Таким образом, лексика подсечно-огневого земледелия русских говоров Карелии совмещает славяно-русские и прибалтийско-финские по происхождению слова. Среди рассмотренных наименований имеют место слова широкого северного ареала (*пал*), а также более узкого (*валеница*, *дрань*). Некоторые же из них известны лишь на территории Карелии (*жгань*, *жганина*, *жганица*).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКОЙ И ФИННО-УГОРСКОЙ
ЛЕКСИКИ В СИСТЕМЕ РЫБОЛОВЕЦКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЛОЗЕРЬЯ

(На материале местных письменных памятников
XVI—XVII вв. и современных говоров)

Как известно, своеобразие севернорусских говоров во многом определяется наличием субстратной лексики и заимствованиями из живых финно-угорских языков. Финно-угорская речь на севере Русского государства напоминала, по словам Д. В. Бубриха, «отчасти волну, распространившуюся вместе с определенными формами охотничье-рыболовной культуры»¹. Не случайно многие исследователи вслед за Я. Калима отмечают среди субстратных лексических элементов значительное количество рыболовецких терминов².

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в памятниках деловой письменности Белозерья XVI—XVII вв. почти не получили отражения финно-угорские по происхождению термины рыболовства, несмотря на то, что в XVI в. вепсский язык «был живым языком для значительной части населения «Белоозера»³. В актовых материалах Белозерья XVI—XVII вв. находим следующие рыболовецкие термины, восходящие к финно-угорским языкам: *тагасъ*, *кереводъ*, *кережка*, *харва* (гарва), *карбасъ* и, возможно, *хамла* (*хамгла*)⁴.

Первая фиксация слова *тагасъ* 'большой частоячейный невод для ловли снетка' (ср. вепс. *tagas* 'большой частый невод

¹ Бубрих Д. В. Советское финно-угорское языкознание. — УЗ ЛГУ, сер. востоковедческих наук, вып. 2, 1947, № 105.

² J. Kalima. Die ostfinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915; Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — УЗ Урал. гос. ун-та, вып. 32, Свердловск, 1959; Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. АКД, М., 1966; Востриков О. В. Обозначение некачественной древесины в русских говорах Волго-Двинского междуречья. — Сб. Лексика и фразеология севернорусских говоров, Вологда, 1980; Михайлова Л. П. К истории лексики русских говоров Карелии (по данным деловой письменности XV—XVII вв.), там же.

³ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв., «Наука», М., 1973, с. 10.

⁴ В настоящей статье не рассматриваются финно-угорские названия рыб.

для зимней ловли' — СВЯ, 556) датируется XVI в.: «70 ме-
реж и тагасов, дали 5 рублей 10 алтынъ без денги» (кн. расх.
Кир.-Б. мон., 1567—1568, Ник., О. XXXV). В картотеке Древ-
нерусского словаря лексема *тагасъ* представлена примерами
из белозерских памятников XVI—XVII вв. Отсутствие указан-
ного слова в документах иной территориальной принадлеж-
ности позволяет считать *тагасъ* субстратным по происхожде-
нию термином. В других старорусских говорах для обозначения
данного понятия использовались описательные термины: *неводъ
частикъ* (Вкл. Ант. XVII в., 38; Кн. расх. Корел. м.,
937, л. 65, 1560—61, КДРС⁵; Акты Астрах. 1672—73, ДАИ VI,
с. 257), *частой невод*' (Отп. сп. Никол. Корел. мон., 1551, Арх.
Стр. 1, № 186; Двин. писц. кн., 1683, ДАИ X, с. 305), *частико-
вой неводъ* (Кн. прих.-расх. Синб. 1665—67, 41, КДРС). Судя
по данным КСРНГ, *тагасъ* в дальнейшем продолжало сохра-
нять свой локальный характер, не выходя за пределы бело-
зерских говоров.

Наименованием иной разновидности невода в белозерских
говорах XVI—XVII вв. служило также финно-угорское слово
кереводъ 'невод без мотни, с незначительным карманом у од-
ного из крыльев' (ср. вепс. *kerekod* «сеть для ловли ряпуш-
ки» — СВЯ, 196; фин. *kiergenuotta* «вытаскивание невода» —
Kalima, 112): «...на вешней ловле на Беле озере ловили рыбу
белозерцы посацкие люди охочие ловцы *кереводы*, и бродни-
ки, и переметы (Ез. кн. Кир.-Б. мон., 1585, л. 1609 об. —
1610). В XV—XVII вв. *кереводъ*, (*керегодъ*, *кереодъ*) фикси-
руется в памятниках Северо-Запада и Центра⁶. Учитывая то,
что содержание московских документов связано с рыбным
промыслом на оз. Селигер, Белом озере, центром инновации
лексемы *кереводъ*, вероятно, следует считать древненовгород-
ские говоры, длительный период находившиеся в контакте с
финно-угорскими языками. Об этом косвенно свидетельствуют
и данные современных диалектов, *керевод* известно северно-
русским говорам: онежским, медвежьегорским КАССР, оло-
нецким, вытегорским (СРНГ, XIII, 184—185; КСБГ).

⁵ Здесь и далее сокращения даются по кн. «Словарь русского языка
XI—XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных на-
званий», сост. С. Ф. Геккер, М., 1975.

⁶ А. Ивер. м., сст. 1—3, 1665, КДРС; НЛК I, 1495, 651; Кн. рыб. л.
оз. Селигер, 165й, АФЗХ П № 268; Кн. п. Торонец, 306, 1541; Грам. При-
каза Больш. Дворца, 1673, ДАИ VI, № 71; Жал. гр. в. кн. Вас. Ив., 1515,
АФЗХ II, № 63; Цар. жал. гр. 1662, АИ IV, № 166; Грам. ц. Ал. Мих.
Кир. мон., 1663, КДРС.

В актовых материалах Белозерья XVI—XVII вв. фиксируется также многозначный термин *кережка*: 1). «зимнее орудие лова, состоящее из ряда соединенных вместе ставных сетей»; 2). «зимнее орудие лова, состоящее из бечевы с подвешенными к ней крючками». Как правило, *кережка* употребляется в белозерских документах XVI—XVII вв. с определителями-конкретизаторами: *переметная, крючная*: «...съ первые полевные ставки до февраля по 2 число рыбные охочие ловцы ловят рыбу налима, в' Бѣлозерѣ *керешками крючными и переметными*». (Белоз. писц. кн., 1674, АЮ, № 231). Я. Калима, помещая *кережка* в одну словарную статью с *кереводъ*, относит его к словам с ненадежной этимологией. (Kalima, 112—113). Обращает на себя внимание тот факт, что лексема *кережка* обозначает два совершенно различных орудия лова, используемых в зимний период, и если значение слова 'зимнее орудие лова, состоящее из ряда соединенных сетей' как-то может быть соотнесено с семантикой слова *кереводъ*, то этого нельзя сказать о втором значении *кережка* — 'зимнее крючковое орудие лова'. Необходимо отметить, что в период летней ловли те же самые рыболовецкие орудия в белозерских говорах XVI—XVII вв. имели наименования *мережной переметъ* и *удной переметъ*. Видимо, прав историк В. Яковлев, который сопоставлял *кережка* с другим финно-угорским по происхождению словом — *кережа* «зимние сани, повозка»⁷. В словарях XIX века наряду с *кережа* приводится и *кережка* 'особенного рода экипаж для перевозки негромоздких товаров и кладей разного рода', слово имеет помету арх., олон. (Бурнашев, 1, 275, Д. 1, 105). По-видимому, значение рыболовецкого термина *кережка* развивается за счет семантического перехода 'вид транспорта, на котором доставляется рыболовецкое орудие к месту лова' → 'рыболовецкое орудие'. Отсутствие рыболовецкого термина *кережка* в старорусских памятниках других регионов позволяет считать центром инновации лексемы *кережка* в значении 'рыболовное орудие' белозерские говоры⁸.

Слово *харва (гарва)* «рыболовная сеть с крупной ячейей» (ср. вепс. *harv* «крупноячейная сеть (невод)» — Kalima, 91, а также фин. *harva* «редкий, не частый, неплотный» — СФЯ,

⁷ Яковлев В. Зимние промыслы в Белом озере в XVII столетии, СПб, 1901, с. 68.

⁸ Заметим, что в отличие от Я. Калима, И. В. Сало считает *кережа* в значении «вид транспорта» не прибалтийско-финским заимствованием, а саамским. (И. В. Сало. Указ. соч., с. 12).

66, вепс. *harv* «редкий» — СВЯ, 108) обычно употребляется в белозерских документах, когда речь идет о морских ловлях Кирилло-Белозерского монастыря⁹: «рыбная ловля ловить на усть Унбы рьки ...четырма неводы и поъздами и гарвами». (Поряд. с Кир.-Б. мон., 1577, АЮ, № 179). *Харва (гарва)* фиксируется также в писцовых книгах Обонежской пятины, источниках Кольского Печенгского монастыря, Онежского Крестного монастыря, двинских грамотах¹⁰. Можно предполагать, что *харва (гарва)* было заимствовано белозерскими говорами XVI в. из соседних беломорских диалектов. Это подтверждают и данные современных говоров: слово гарва в «Словаре русских народных говоров» имеет помету Олон., Кем., Кольск., Карелия, Арх., Беломор. (СРНГ, VI, 138—139).

В письменности Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. отмечена лексема *карбас'* 'рыболовное судно' (ср. вепс. *kardaz*, фин. *karvas* — *Kalima*, 105). Употребление этого слова в документах Кирилло-Белозерского монастыря связано с вкладами беломорских жителей: «сътеи морскихъ 150 сажень и съ тятивами и съ матицею да и *карбасъ* неводной» (Дан. Кир.-Б. мон., 1568, Ник., с. 114), «далъ поморянинъ Василен Потапьевъ ...*карбасъ* неводной» (Вкл. и Корм. кн. Кир.-Б. мон., 1618—40, 245, ф. 351 К—Б 78/1317). В средне-русский период *карбасъ* активно бытует в беломорских, двинских, сибирских говорах¹¹. Единичные случаи употребления *карбасъ* в памятниках Центра¹², как правило, связаны с описанием северных или иноземных судов: «В карбусъ съедим въ Венеции, въ монастырь святыя Марии... приплыхомъ» (Х. Рад., 16, 1628, КДРС). Фиксация слова *карбасъ* в белозерских источниках XVI—XVII вв., по-видимому, является результатом влияния беломорских говоров. *Карбас (карбаз)* 'боль-

⁹ В 1570 г. происходит присоединение к владениям Кирилло-Белозерского монастыря «мест на побережье Белого моря, Умбские (или Умские) ловли». Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство., СПб, 1910. т. I, вып. 2.

¹⁰ Кн. п. Обон. пят. 1496—1563, с. 75, 1563, с. 135, КДРС; Жалов. гр. Кольск. Печен. мон., 1675, ДАИ VI № 131; Арх. Он. пр.-расх. кн. 1673, КДРС; Откуп. гр., 1582, Арх. Стр. I, № 294.

¹¹ Вкл. Ант., 55, 1665; Кн. прих. Корел. м., № 941, II, 1575, КДРС; расх. кн. Унскогo пром., 1597—98, ВХК I, с. 150; А. Холмогор. там. избы № 208, 1673, КДРС; Грам. Холмог. архиеп., 1668, АИ V, № 276; Дело о челоб., Арх., 1684, ДАИ XI, № 59; Отп. Илим. воев., 1682, ДАИ X, № 14; Росп. Алаз. зим., 1677, ДАИ VII, № 57.

¹² Жал. гр. ц. Вас. Ив. Никол. Вяжиц. мон., 1606, Арх. СТР. II, № 52; Арх. бум. Петра I, 352, 1688, КДРС.

шая высокобортная лодка или гребное судно с парусом, предназначенное для перевозки грузов' известно современным севернорусским по происхождению диалектам: олонекским, мурманским, беломорским, архангельским, печорским, вологодским, костромским, ветлужским, вятским, говорам Урала, Сибири, Восточного Казахстана (СРНГ, XIII, с. 75—76).

Предполагаем, что к рыболовецким терминам финно-угорского происхождения можно отнести и слово *хамла* (*хамгла*)¹³ 'рыболовецкий кожаный фартук' (ср. фин. *hame* «юбка, платье» — СФЯ, 62): «двѣ хамглы кожаные ловецкие большие» (кн. переп. Кир.-Нов. мон., 1650, ЛОИИ, ф. 115, № 663, л. 204 об): «восмь *хамлѣ* кожаных ловецких». (Оп. Белоз. рыбн. дв., 1683, ЛОИИ, к. 2, № 14, л. 3 об). Указанное слово фиксируется только в документах деловой письменности Белозерья XVII в. В материалах КСРНГ *хамла* в отмеченном значении отсутствует, между тем это слово сохранили современные белозерские говоры: [На матишнике *хамла* (фартук непромокаемый надет) раньше *хамла* ис кожи теленка делали] (Белоз. Устье). Приведенные факты свидетельствуют о том, что *хамла* является узко локализованным, субстратным термином.

В отдельных случаях нам удалось обнаружить в памятниках деловой письменности Белозерья XVII в. лишь производные от финно-угорских слов рыболовецкие термины. Это тем не менее служит убедительным доказательством того, что и сами финно-угорские по происхождению лексемы были известны белозерским говорам в указанный период. Так, например, в белозерских документах XVII в. зафиксировано словосочетание *мережа мардяная* 'сетное полотно для изготовления марды: «тритцат четыре *мережи мардяные*, четыре мережи кереводные вѣтхые, издержаны у рыбной Киснемские ловли» (Он. Белоз. рыб. дв., 1683, л. 27 об., ЛОИИ, к. 2, № 14). Очевидно, белозерские говоры XVII в. знали и слово *марда* 'конусообразный рыболовный снаряд из сетного полотна' (ср. фин. *merta*, кар. *merda*, вепс. *merd*, эст. *mõrd* — Kalima, 164—166).

Во вкладных книгах Кирилло-Новозерского монастыря содержится составной термин *мережа торбальная* 'сеть, в которую рыба загоняется ударами торбала по воде': «да двенадцать *мережъ торбальныхъ* и переметовъ» (Вкл. кн. Кир.-Новозер.

---

¹³ В опубликованной «Описи Белозерского рыбного двора» данное слово дается в ошибочном написании: *хайло* (ДАИ XI, № 23).

м., н. XVIII в.). Это дает возможность предположить, что в среднерусский период в белозерских говорах было употребительно слово *торбало* 'рыбацкий шест, ударами которого по воде загоняют в сети рыбу', в свою очередь, *торбало*, как считает А. Л. Погодин, было образовано в русских диалектах от заимствованного из финно-угорских языков глагола *торбать* (ср. фин. *togroa*, кар. *tarbo* 'загонять рыбу шестом в сеть', 'стучать, плескать шестом в воде', фин. *tagra* 'тяжелая палка, рыбацкий шест', кар. олон., вепс. *tarba* — Погодин. 61).

Таким образом, финно-угорские по происхождению термины рыболовства весьма поздно (не ранее XVI в.) проникают на страницы белозерских памятников. Показательны и данные «Частотного словаря русского языка 2-й половины XVI—начала XVII в.» А. А. Грузберга: *керевод* — частота употребления — 1, *гарва* — 1, *карбас*, *тагас*, *кережка* не отмечено, *невод* — 7, *сеть* — 24, *лодка* — 2 (Грузберг, с. с. 192, 130, 238, 210). Очевидно, уже в эпоху складывания и функционирования языка великорусской народности субстратные термины осознавались как специфически местные лексические явления и функционировали, в основном, в устной речи.

Полагаем, что вследствие этого данные современных говоров Белозерья помогут более полно представить финно-угорские по происхождению термины рыболовства и сделать некоторые выводы о взаимодействии славянских и финно-угорских слов в составе рыболовецкой терминологии Белозерья. Некоторые из вышерассмотренных нами слов (*гарва*, *кережка*) не отмечены в современных белозерских говорах, несмотря на это, количество финно-угорских по происхождению терминов рыболовства значительно. Нами исследовано около 400 рыболовецких терминов в составе современных говоров Белозерья, с уверенностью можно говорить о финно-угорском происхождении 25 из них. Перечислим субстратные и заимствованные из других русских говоров финно-угорские лексемы, не зафиксированные памятниками деловой письменности, но сохранившиеся в составе живых белозерских говоров. *Букля* 'залив' Андозеро (ср. вепс. *bukl* «водоворот» — СВЯ, 50), *курбас* 'плавающий знак, указывающий местонахождения выставленных рыболовных снастей' Белоз., д. д. Куность, Устье (ср. вепс. *kubaz* 'буй, кубас' — СВЯ, 236; люд. *kubas*, карельск. *kubas*, фин. *kuvas*, р. п. *кураан* — Kalima, 134), *курма* 'конусообразный рыболовный снаряд из сети, натянутой на прутьяной каркас' (ср. фин. *kuigma* 'надрез, разрыв', эст. *kurm* 'за-

лив, угол'. — Фасмер II, 426—427), *марда* Белоз., д. Роща, *морда* Белоз., д. д. Куность, Устье 'конусообразный рыболовный снаряд из сети', *мендра* 'конусообразный рыболовный снаряд из веток' Кад., д. Ворон (ср. фин. *merda*, кар. *merda*, вепс. *merd*, эст. *mõrd Kalima*, 164—166), *мурда* 'грязь, пачкающая снасти' (ср. вепс. *murd* «сор, мусор» — СВЯ, 337), *няв* 'ершовая слизь' Бел. оз. (ср. вепс. *päim*, *pälo* 'слизь' — СВЯ, 372, фин. *паука*, род. п. *pauvan* 'рыбный клей' — *Kalima*, 174), *повья* 'подобие матицы, карман у керевода' Чаронд. оз. (ср. вепс. *rovī* «пазуха» — СВЯ, 433), *пула*, *пулка* — 'поплавок невода, сети в виде деревянной дощечки', *пулье* собир. 'поплавок невода, сети' (ср. кар. *pullo*, вепс. *pulo*, эст. *pull* — *Kalima*, 189), *рюсь* Белоз., д. д. Гора, Куность, Маэкса, Устье; Вашк., д. Тарсьево, *русь* Вашк., д. д. Липин Бор, Сидорово, Паршино, Дерягино, Белоз., д. Маэкса, Шексн., д. д. Камешник, Каликино, Задняя, Горка 'конусообразный рыболовный снаряд из сетного полотна' (ср. кар. *guza*, фин. *gysä*, эст. *guza* «верша» — *Kalima*, 208), *сельг* 'первая длинная прорубь, в которую опускают жердь с привязанной к ней сетью' Белоз., д. д. Маэкса, Куность, Вашк., д. д. Сидорово, Тарасьево (ср. вепс. *selg* 'тетива рыболовной снасти' — СВЯ, 504; возможно, к фин. *selkä*, *selkäri* 'поперечная жердь в рыболовной запруде' — *Kalima*, 215), I *сога* 'рыболовное орудие в виде раздвоенного на конце шеста, которым передвигают жердь с сетью, неводом подо льдом' (ср. вепс. *saга*: 1. 'развилка (раздвоенный ствол или сук, разветвление' 2. 'развилье сохи' — СВЯ, 497; фин. *sorkka*, *sorkkan* 'двупалое копыто' — СФЯ, 466), II *сога* 'каждая из веревок, привязанных к сетям для соединения их вместе' (ср. кар. *sogane*, род. *sogozen* 'веревка, которой связываются концы сетей', фин. *soga* «передняя часть рыболовной сети» — *Kalima*, 220), *тукач* 'укладка сетей' (ср. вепс. *tuk*: 1. 'ком, кусок', 2. 'вязанка, охалка (сена, соломы, веников)', 3. 'узел, затянутая петля' — СВЯ, 582, кар. *tukku* 'куча, грудa', фин. *tukku* род. *tukun* 'грудa, вязанка, ноша, пакет' — *Kalima*, 227), *турашка* 'поплавок в виде трубочки, свернутой из бересты' (ср. вепс. *turusk* 'рулон, трубочка чего-либо' — СВЯ, 585)¹⁴, *чуна* 1. 'узкий задний конец конусообразных рыболовных снарядов', 2. 'узкая часть мотни невода, бредня'

¹⁴ Я. Калима и М. Фасмер не отрицают возможности и описательного образования аналогичных слов, напр. *турутушки* мн. «поплавки из бересты у невода» (олонец.), *турушечка* «лыковая катушка» (олонец.), *тертюшки* «поплавок на сети» (олонец.), *Kalima*, 228—229, Фасмер IV, 125.

(ср. вепс. сир 1. «угол, тупик», 2. 'мотня, матица невода, бредня' — СВЯ, 65, кар. t'suppi «угол», люд. tsupp 'конец верши' — Kalima, 242), *шуга, шуг* 'мелкий плавучий лед в проруби или в воде перед замерзанием озера' (ср. фин. sohja, sohjo 'ледяное крошево', а также suhjo 'смесь' — Kalima, 248), *ямок* 'шов, соединяющий сетевое полотно рюсей' (ср. кар. jame, фин. jama, jamo, jame 'соединение, связь', эст. jama 'место соединения' кар. jatiuo 'сшивать сети', фин. jamoа, эст. jamata тоже — Kalima, 251, Фасмер I, 556).

В целом, рассматривая взаимодействие славянских и финно-угорских по происхождению слов в составе рыболовецкой терминологии Белозерья, можно сделать некоторые общие замечания. Далеко не все финно-угорские по происхождению термины были непосредственно заимствованы говорами Белозерья из финно-угорских языков. Некоторые из этих слов имеют широкое распространение в севернорусских по происхождению диалектах (напр., *букля* 'залив' олон., карел., арх., волог., волж. — СРНГ, III, 256—266, *морда* — олон., арх., сольвычегод., волог., вят., костр., урал., сибир., вост.-казах. — СРНГ, XVIII, 258). Очевидно, ряд этих терминов (например, *керевод*) восходит к материнским говорам, таковыми для диалектов Белозерья являются древненовгородские говоры, длительный период находившиеся в контакте с финно-угорскими языками. Отдельные слова финно-угорского происхождения (например, *гарва, карбас*) проникают в белозерские говоры в результате взаимодействия с соседними беломорскими диалектами. Наряду с этим некоторые лексемы, зафиксированные только в белозерских говорах (*кережка, тагас, мурда, повея, сора, турашка, тукач, ямок*) можно рассматривать в качестве субстратных явлений.

Как отмечает ряд исследователей¹⁵, финно-угорские слова, попадая в русские говоры в качестве дублетов, нередко сужают, конкретизируют свое значение. Это наблюдается и в рыболовецкой лексике белозерских говоров. Многие финно-угорские по происхождению слова, включенные в состав рыболовецкой терминологии Белозерья, не были изначально тер-

¹⁵ Матвеев А. К. Указ. соч., 94; Сало И. В. АКД, 17; Сенкевич-Гудкова В. В. Прибалтийско-финские заимствования-синонимы в русских говорах Карелии (на материале говоров Заонежья и Пудожя). — Материалы конференции сев. зон. объединения кафедр русского языка пединститутов, Л., 1965. Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах. — Сб. Диалектная лексика. 1969, «Наука», Л., 1971.

минами, в процессе заимствования они подверглись специализации, сфера их употребления в белозерских говорах сузилась. Так образовались термины *курма, тукач, турашка, ямок* и другие. Наряду с этим из финно-угорских языков говорами Белозерья заимствовались термины рыболовства, служащие и в языке-источнике обозначением видовых понятий. Таким образом, между славянскими и финно-угорскими по происхождению лексемами в системе рыболовецких терминов Белозерья устанавливаются родо-видовые отношения. Как правило, для обозначения родовых понятий рыболовства в белозерских говорах используется слово, восходящее к эпохе праславянского единства: *невод, мережа, сеть, ловец, рыболов*, в то время как рыболовные орудия, имеющие какие-либо конструктивные особенности, имеют финно-угорские названия: *керевод, тагас, гарва*. Термины, восходящие к финно-угорским языкам, используются в белозерских говорах и в качестве наименований деталей рыболовных орудий (*сора* 'веревка, которой связываются концы сетей', *повья, пуло, ямок*) или вспомогательных орудий лова (*торбало*).

В результате сложного взаимодействия между разноязычными этническими группами на территории Белозерья наблюдается параллельное употребление в белозерских говорах как славянских, так и финно-угорских терминов для обозначения одних и тех же реалий, например, 'ершовая слизь' — праславянское *глев* (ЭССЯ, VI, 121) и финно-угорское *няв*; 'узкий задний конец конусообразных рыболовных снарядов' — *гузно, хвост, хвостовик* и *чупа*. В отдельных случаях это приводит к существованию синонимов-дублетов в одном говоре, что не характерно для промысловой терминологии: 'орудие в виде шеста, раздвоенного на конце, которым передвигают жердь с сетью, неводом при подледном лове' — *расцен* и *сора* (д. Дерягино Вашкин. р-н).

По-видимому, заимствованиями из разных финно-угорских языков можно объяснить наличие в белозерских говорах омонимов финно-угорского происхождения: 1). *сора* 'раздвоенный на конце шест, которым передвигают жердь с неводом подо льдом' заимствовано, по всей вероятности, из вепсского языка (ср. вепс. *saга* 'развилина'¹⁶, 2). *сора* 'веревка, которой

---

¹⁶ По мнению Погодина А. Л., при усвоении финно-угорских заимствований нередко происходит мена гласных а-о. См. Погодин А. Л. Указ. соч., с. 61.

связываются концы сетей' восходит, видимо, к финскому языку (ср. фин. *soga* «передняя часть рыболовной сети»).

Можно полагать, что в отдельных случаях мы имеем дело и с семантическими кальками. Сравним названия прорубей при подледном лове. В белозерских говорах широко распространены термины *матица*, *матка* для обозначения проруби, из которой вытаскивают или в которую опускают невод, в этих же говорах *матица*, *матка* имеет значение 'средняя мешкообразная часть невода, мотня'. В вепсском же языке употребительно слово *ета*, среди его многочисленных значений находим 'мотня невода', 'прорубь, из которой вытаскивают невод при подледной ловле рыбы' (СВЯ, 78). Интересно, что в белозерских говорах существует и иной принцип номинации прорубей при подледном лове, а именно: по способу действия (*вынемка*, *выемка*, *ронилка*), указанный способ наименования прорубей распространен и в других русских говорах, напр., *вытяжка*, *изволока* в речи селигерских рыбаков¹⁷. Обозначение мотни невода и прорубей одним и тем же термином (*матка*, *матица*) характерно для русских говоров, бывших в контакте с финно-угорскими языками: олонечских, медвежьегорских КАССР, говоров Прикамья (СРНГ, XVIII, 30, 31).

В заключение отметим, что финно-угорские слова в процессе их заимствования подверглись активному воздействию со стороны русских говоров, ряд этих слов имеет в настоящее время русские суффиксы (*повья*, *ямок*, *турашка*, *пулье* и др.). О полной адаптации финно-угорских лексических элементов говорит и факт образования от них новых рыболовецких терминов: от *сора* — *сорочка* 'деталь рыболовного снаряда в виде небольшой вилки', от *тагас* — *тагасок* 'сетное полотно невода с очень мелкой ячейей', от *марда* — *мардяные дерава* 'деревянный каркас марды' и т. д., а также наличие уменьшительных форм: *курмя* — *курмяшка*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археогр. комиссией, СПб, 1839.

Бурнашев — Б у р н а ш е в В. Опыт терминологического словаря сель-

---

¹⁷ Меркулов Н. Ю. Названия прорубей в речи рыбаков озера Селигер. — Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Науч. доклады II межкафедрального семинара аспирантов-языковедов, Л., 1973.

ского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, СПб т. I, 1843, т. 2, 1844.

Грузберг — Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка 2-й половины XVI—начала XVII в., Пермь, 1974.

Ез. кн. Кир.-Б. мон. — Езовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1585, ГПБ, ф. С-Петербургской Духовной Академии, № А 1—16, л. 1505—1644.

Погодин — Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финских языков. — Варшавские известия, 1904, IV.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка, изд. «Наука», Л, 1972.

СФЯ — Финно-русский словарь, под ред. О. В. Кукконен, Х. И. Лехмус, И. А. Линдрос, изд. 2, М., 1965.

---

3. И. Слыхова

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, НАЗЫВАЮЩИЕ ВОЗРАСТ И ВНЕШНИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕТОПИСНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

В летописях человек не был объектом специального описания, хотя в основе своего повествования средневековая литература — летопись или житие — всегда имела исторические личности¹. Для представителей различных социальных групп, охарактеризованных летописцами (князь, его приближенные и родные, служители церкви, враги) были выработаны свой идеал, свой трафарет изображения².

В летописях мы не находим портрета как такового. В двух разновидностях характеристик человека: прижизненной и некрологической — летописец мог отмечать возраст, отдельные черты внешности этого человека, его нравственные качества, причем описание внешности давалось только лицам недуховного звания: князю, его родным, приближенным: боярину, воину — или врагу.

Вопрос о лексических средствах характеристики человека, представленных в памятниках древнерусской литературы, мало изучен в исторической лексикологии, поэтому актуальность его очевидна.

---

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 29.

² Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 26.

В настоящей статье ставим своей задачей: 1) показать, какие языковые средства использовал летописец для характеристики возраста человека и описания его внешности; 2) определить особенности их функционирования. Объектом исследования явился текст Ипатьевской летописи³. Предметом нашего анализа послужили имена прилагательные, называющие возраст человека и его внешние особенности.

Остановимся на тех приемах и лексических средствах выражения возраста, которые представлены в летописном повествовании. Нами отмечены два способа характеристики возраста: конкретная характеристика, выраженная числами, и приблизительная, выраженная именной или местоименной формой прилагательных. Конкретная характеристика возраста, как нам кажется, вызвана экстремальностью ситуации, воссоздаваемой летописцем:

...отда Верхоуславоу дщерь свою великий кнзь Всеволодъ... и плакася по ней ѿць и мти занеже бѣ мила има и млада соущи ѿсми лѣтъ (658, 1187) —
или желанием конкретизировать какое-либо событие:

...Ярославъ же сѣде в Кыевѣ на столѣ ѿтнѣ бѣ же тогда Ярославъ лѣтъ ·йї· (129, 1016).

...и тоу преставися добрый старецъ Петръ Ильичъ иже бѣ ѿца его моужь бо ѿ старости не можаше ни на конь всѣсти бѣ емоу лѣтъ ·ч· (3406, 1147).

С точки зрения количественного употребления гораздо чаще встречается приблизительная характеристика возраста. Главные возрастные категории (детство, юность, зрелость, старость) в летописи определяются следующими именами прилагательными: *малъ*, *младъ* (*молодъ*), *дѣтскъ* (детство, юность), *бородатъ* (зрелость), *старъ* (старость). Названные прилагательные, образуя особую лексико-семантическую группу, вступают между собой в синонимические и антонимические отношения. Так, прилагательные *малъ*, *младъ* (*молодъ*) и *дѣтскъ*, близкие по семантическому значению, являются синонимами:

³ Полное собрание русских летописей, т. 2, Ипатьевская летопись. М., 1962. (Примеры даются с указанием столбца и года летописи).

⁴ Дѣтскыи — прилаг. от дѣтя; малолѣтний; молодой (Срезн., I, 797).

...суну копьемъ Сѣславъ на Деревляны и копье летѣвъ сквози оуши коневѣ бѣ бо велми дѣтъскѣ (46, 946),

...князь бо Переяславскыи Володимѣрь Глѣбовичъ в то время бяшетъ малъ яко Ѡвѣ лѣтъ (555, 1172),

...Володимера же не пусти кормилецъ его зане молодъ бѣ в то время (431, 1151).

Прилагательные *младъ* (*молодъ*) и *старъ* явно употребляются как противоположные по своему значению:

...Симонъ же вольхвъ иже вѣлѣшествомъ творяше повелѣхъ псомъ члѣвкы глѣти и самъ премѣняшеться ѡво *старъ* ѡво *младъ* ѡво ли иного пременяше вѣ иного ѡбразъ (170, 1071).

Прилагательные *малъ*, *дѣтъскѣ*, являясь синонимами с *младъ* (*молодъ*), также вступают в антонимические отношения с прилагательным *старъ*.

Как нам кажется, прилагательные *малъ*, *дѣтъскѣ*, *младъ* (*молодъ*), с одной стороны, и *бородатъ*, с другой, в летописном повествовании связаны контекстуальными антонимическими отношениями, так как прилагательное *бородатъ* имеет в данном случае не только значение «обросший бородой», но и указывает на зрелый возраст человека:

...да се язъ тебе старѣи есмь не маломъ но многомъ азъ оуже *бородатъ* а ты ся еси родилъ (430, 1151).

В таких словосочетаниях, характеризующих возраст, как:

...преставися Янь старецъ добрыи живѣ лѣтъ Ѡвѣ въ *старости маститъ* (267, 1106),

...многа видѣния провидяше старецъ и почи в *старости добръ* в монастырѣ семь (182, 1074),

...преставися великыи князь Краковскыи Болеславъ... во *старости добръ* ѡтиде ко Госу (880, 1279) —

присутствует, на наш взгляд, положительная коннотация. В приведенных примерах летописец не просто констатирует преклонный возраст человека, но и присоединяет момент положительной оценки старости для придания большего уважения, авторитетности лицу, о котором он повествует.

Проследив функционирование прилагательных, определяющих возраст человека приблизительно, отмечаем, что антонимически связанные между собой *младъ* (*молодъ*) и *старъ* наиболее часты в летописи. Употребляются они, как правило, только в прижизненных характеристиках. Наряду с прилага-

тельным *старъ* нередко используется форма сравнительной степени *старѣи*:

...и рече Володимерь брате ты еси *старѣи* почни глати ка-ко быхъш промыслили ѿ Русьскыи земли (265, 1111).

Языковые средства, используемые в летописном повествовании для характеристики внешности человека, подчинены описанию следующих параметров: рост, фигура (тело, плечи, редко — ноги, руки), лицо, волосы (указание на качество волос отмечено нами только один раз). Человек мог описываться со всех сторон; как правило, подобная характеристика давалась после его смерти:

...Сии же блгвѣрнии князь Володимѣрь въ возрастѣмъ бѣ *высокъ* плечима *великъ* лицемъ *красенъ* волосы имѣя *желты коудрявы*... роуки же имѣя *красны* и *ногы* (920, 1289), —

или могла указываться одна из особенностей внешности человека. Например, говоря о теле, фигуре, летописец обращал внимание на величину, дородство:

...бѣ бо *великъ* и *тяжекъ* Болеславъ (1306, 1018),

...Стѣславъ же олговичъ бѣ *тяжекъ* тѣломъ и трудился бѣ бѣжа (440, 1151).

Замечания о росте человека встречаются только в некрологических характеристиках. Летописцем используются такие прилагательные, как *высокъ*, *среднии*, *лѣпъ*. Так, прилагательное *высокъ* в летописи было зафиксировано дважды:

...сии же блгвѣрнии кнзъ Романъ бѣ въ возрастѣмъ *высокъ* (217, 1180),

Сии же блговѣрнии князь Володимѣрь въ возрастѣмъ бѣ *высокъ* (304, 1289).

Употребление прилагательного *среднии* наблюдается в летописных статьях 1178, 1196 и 1248 гг.:

Сии же блгвѣрнии кнзъ Мьстиславъ снѣ Ростиславль въ возрастѣмъ *среднии* бѣ и лицемъ *лѣпъ* (215, 1178).

Особое место в лексико-семантической группе прилагательных, характеризующих рост человека, занимает прилагательное *лѣпъ*, отмеченное только один раз. Указывая на красоту, на соразмерность роста князя, летописец явно привносил в свое определение положительную коннотацию⁵:

⁵ Лѣпыи — красивый, хороший; прекрасный (Срезн., II, 74).

...бѣ же Ростиславъ мужъ добрѣ на рать въ зр а с т о м же *лѣнѣ* и красенѣ лицомъ (155, 1066).

Иногда летописец ограничивался лишь общим замечанием о внешности человека, обычно это была положительная коннотация:

...се же бл̑гвѣрныи кн̑зь Дв̑дъ возрастомъ бѣ середнии ѿ б р а з о м ѣ *лѣнѣ* (703, 1196),

...и бѣ оу него снѣ *красен* лицомъ и д̑шею (69, 983).

...тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену *красну велии* (284, 1116).

Конкретно чаще всего назывались какие-либо отклонения от правильного физического развития или увечия. Нами отмечено, что на физические недостатки человека указывалось только в прижизненных характеристиках, но летописец сообщал об этом не только ради самого факта, а объяснял те или иные события, о которых шла речь:

...и то ему помянуть мужи рекуще ему ѿцѣ твои бѣше *слѣнѣ* а язѣ ѿтцю твоему досыти послужилѣ своим копиемъ (450, 1152),

...и ѿдин Володимѣръ ѿстася зане быс̑ *хромѣ* (888, 1282).

Характеристики, данные в летописном повествовании русскому воину и его противнику, резко контрастны между собой:

...и выпустиша Печенѣзѣ мужъ свои и бѣ *превеликѣ зѣло* и *страшенѣ* (108, 993), —

а русский воин, вышедший на бой с этим печенегом, вызывает смех у врага: «...бѣ бо *среднии тѣломъ*» (108, 993). Враг в летописи «*оужасенѣ*» (651, 1185). На наш взгляд, гиперболизация негативных черт внешности неприятеля служит для усиления эмоционального восприятия битвы, большей значимости победы русских воинов над их врагами.

Отмечаем, что характеристики внешности человека чаще всего выражены именной, чем местоименной формой прилагательных:

...бѣ же Глѣбѣ в з о р о м *красен* (190—191, 1078),

...бѣ же Мьстиславъ *дебелѣ тѣломъ* (138, 1034),

...и бѣ Акунѣ *слѣнѣ* (135, 1024).

Отмечено лишь несколько случаев употребления полных прилагательных, в одном из которых использовано относительное прилагательное в значении качественного:

...аще бо быхѣ видилѣ лице твое *англское* оумерлѣ быхѣ с тобою (122, 1015), —

так летописец передал плач Глеба о Борисе. Другой пример употребления полного прилагательного также связан с передачей чужой речи:

И нача Буды оукарятѣ Болеслава гла да что ти пропорежь трескою чрево твое *толѣстое* (1306, 1018).

Местоименная форма прилагательного встретилась и в некрологической характеристике:

...бѣ же Мьстиславъ *дебелъ* теломъ *черьномъ* лицемъ *великома* ѿ чима (138, 1034).

Для характеристики внешности человека летописцем использовались сочетания именной формы прилагательного со словами *велики*, *зѣло*. Отмечено лишь два подобных сочетания:

...приведе собѣ жену *красну велики* (284, 1116),

...бѣ *превеликъ зѣло* (108, 993).

Также зафиксированы два случая употребления *composita*, которые служат для описания внешних особенностей человека:

...оставилъ бо бѣ у него засадоу Мокѣя великаго *слѣпошкого* (717, 1202);

...а Мьстиславъ посла со своею ратью Володѣслава *Ломоносаго* ходивше же и взяша Злину (870, 1273) —

это единственный пример имени собственного, отмеченный в летописи, который содержит оценку внешности. Оба слова русского происхождения, образованы соединением двух корней, один из которых имеет значение отличительного признака: *слѣп-* (*слѣпошкого*) и *лом-* (*Ломоносаго*). Эти прилагательные представлены в прижизненных характеристиках.

Частое использование именной формы прилагательных при описании внешних особенностей человека, на наш взгляд, объясняется тем, что внешность в летописном повествовании констатировалась как факт, существующий для данного момента. Этим, наверно, можно объяснить то несовпадение в описании внешности одного из князей, которое мы зафиксировали в ходе работы. Если в прижизненной характеристике отмечалось, что князь «*хром ногою*» (888, 1282), то в некрологической сообщается, что он «*роуки же имѣя красны и ноги*» (920, 1289). Хотя это может быть истолковано и другими причинами: например, нерезкой противопоставленностью момента отрицательной и положительной коннотации в описании князя, когда после смерти указывались только положи-

тельные качества, а отрицательные моменты редуцировались. Все это предстоит нам еще выяснить в дальнейшей работе.

Проанализированный материал позволил пока только выявить имена прилагательные, использованные в летописном повествовании для характеристики возраста и внешности человека, попытаться определить особенности их функционирования, установить существующие системные отношения между этими прилагательными.

О. И. Быстрыкова

МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVI—XVIII вв.

Метрологическая лексика XVI—XVIII вв. по объему довольно многочисленна, поэтому ее изучение расширяет наши представления о лексическом составе древнерусского и старорусского языков, позволяет уточнить семантику некоторых слов. В данной группе лексики наблюдаются значительные диалектные различия, обусловленные тесной связью метрологии с экономикой, бытом Русского государства.

В деловых документах Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVIII вв. богато представлена разнообразная метрология той эпохи как официальная, так и народная. В настоящей работе мы остановимся на проблеме классификации метрологической лексики, покажем характер системных отношений в данной терминологической группе и рассмотрим некоторые локальные единицы измерения, поскольку общерусские термины уже нашли отражение в работах историков и лингвистов¹.

Классификация метрологических терминов представляет определенную сложность. Не отвергая полностью традиционное деление по тематическим группам, основанное на специфике измеряемых реальных (названия единиц измерения сыпу-

---

¹ См., например: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965; Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975 и т. д.

чих тел, жидкостей, штучных мер, мер длины, поверхности и т. п.), отметим все же существенный недостаток этой классификации. Большинство единиц измерения можно назвать универсальными: в полуварях измеряли соль и дрова, возами считали уголь, сено, дрова, рыбу; кадь первоначально была единицей измерения сыпучих тел, а в XVII—XVIII вв. использовалась и для измерения рыбы, смолы, масла, молока, дегтя; четвериками считали сыпучие тела, земельные площади, дрова и т. д.

Думается, что более удачной будет классификация метрологических терминов на чисто лингвистической основе. При таком подходе всю метрологическую лексику можно разделить на две большие группы: 1) генуинные термины, т. е. слова, являющиеся мерами с самого своего возникновения, специально создававшиеся с целью обозначения единиц измерения; 2) статуальные, т. е. слова, у которых значение меры вторично, сформировалось на основе существовавшей уже до этого в русском языке лексемы².

Исследование показывает, что генуинные термины в основном созданы за счет словообразовательных средств русского языка как «взаимодействие особо выбранной корневой морфемы и уникального словообразовательного и семасиологического акта»³: *четверть, осьмина, четверик, четвертка, полушка, помытка, сажень*. При образовании статуальных терминов наибольшее распространение получили следующие семантические переходы:

а) «сосуд» — «мера»: *бадеика, берестень, бочка, бурак, бутылъ, ведро, извара, кадь, кринка, лагун, мера, пестерь, судно, тчан, ушат, череп*;

б) «вместилище» — «мера»: *воз, клетка, колодка, короб, коробка, куль, мех, овин, решето, рогожа, телега*;

в) «куча, горсть, множество» — «мера»: *кипа, кербь, пучок, пяток, сугреб*;

г) «укладка» — «мера»: *копна, косяк, круг, плот, стог, творило*;

д) «тело или часть тела животного» — «мера»: *полоть, стяг, туша*;

---

² Данная классификация предложена О. Н. Трубачевым применительно к ремесленной терминологии в кн.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 416.

³ Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 140.

е) «название штучного товара» — «мера»: *полица, крица, кряж*.

Анализ внутренних связей и отношений между рассматриваемыми метрологическими терминами позволяет отметить и некоторые вторичные семантические переходы, из которых главными представляются следующие:

а) «мера сыпучих тел» — «мера земельных площадей» (*четверть, осьмина, четверик, пуз*);

б) «мера сыпучих тел» — «мера жидкостей» (*четверть, осьмина, кадь*);

в) «мера соли» — «мера дров» (*полуваря, сугреб*).

В ходе анализа установлено, что статуальные термины составляют большую часть метрологической лексики. Прослеживается определенная закономерность: официальные термины в основном генуинные (исключение — *кадь* (до XVI в.), *ведро*), народные же названия мер могут быть генуинными, но чаще они статуальные. Действием этой закономерности можно объяснить, например, выход слова *кадь* из государственной метрической системы в XVI в., ибо этот статуальный термин оказался неприемлемым для официальной метрологии централизованного Московского государства, нуждающейся в точности и однозначности.

Рассмотрим подробнее некоторые местные названия единиц измерения.

В документах Спасо-Прилуцкого монастыря по Тотемскому промыслу в значении меры лука отмечен термин *полушка*: Купил луку *полушку* дал 5 алт. денег. (Расх. кн. Тот. пр., 1582—83 гг. — ВХК, с. 19); Купили... луку *полушку*, да луку ж саженцу *полушку* (там же, с. 28); Купили луку *полушку*, дали 5 алт. (там же, с. 29). *Полушка* как название меры чеснока и репы встречается также и в других документах Спасо-Прилуцкого монастыря: Купил *полушку* репы, дал 4 ден. (Расх. кн. ст. Мисаила, 1600 г. — ВХК, с. 258); Купил *полушку* чесноку дал 20 алт. (Расх. кн. казн. Стахея, 1576—82 гг. — ВХК, с. 268).

В значении меры лука, чеснока, репы термин *полушка* в словарях не зафиксирован, что является косвенным доказательством его локального характера — принадлежности к метрологической лексике преимущественно Тотемского уезда.

В Русском государстве в XVI—XVIII вв. *полушка* была денежной единицей, половиной деньги. М. Фасмер, рассматривая этимологию этого слова, указывает, что *полушка* в зна-

чении 'самая мелкая монета' — предположительно, от полуха 'полмонеты', ср. пол «половина» (Ф., III, 319). Объем полушки как единицы измерения нам установить не удалось, но этимология свидетельствует о том, что данная мера была половиной какой-то более крупной единицы. По свидетельству А. Г. Манькова, в 1582 г. 1 четверть лука в Спасо-Прилуцком монастыре стоила 63 деньги⁴; в нашем примере 1582 года одна полушка лука стоит 5 алт., т. е. 30 денег. Можно полагать, что полушка — половина четверти.

В значении меры сыпучих тел в Тотемском уезде использовалось слово *помытка*: Купил пшеницы шесть *помыток*... Купил гороху пять *помыток*... Купил солоду четыре четверти три *помытки*... Купил ржи полторы четверти с *помыткою* ценой по два алтна по четыре днги четверикъ и того дал семнатцать алтнъ двѣ днги (Расх. кн. Тот. пр., 1695 г. — ДПВК, с. 69, 70). Подсчеты, проведенные по нашим примерам, показывают, что реальное содержание помытки равно 1 пуду. Следует отметить, что тотемский четверик в отличие от общерусского был четвертой частью четверти, а не восьмой, поэтому необходимость помытки как самой мелкой единицы в системе четверти оправдывается.

В словарях отмечается однокоренное слово *помытня* — 'хлебная мера величиной в 1 пуд' (Д., III, 227; ООБС, с. 169). Пометы волог., тотем. свидетельствуют о локальном характере этого термина. По-видимому, и слово *помытка* тоже узкоместное. В этимологических словарях *помытка* не фиксируется. Думается, что этот термин этимологически связан со словом *мыто* 'торговая пошлина'. Корень *-мыт-* встречается и в других словах, употребляемых в приходо-расходных книгах, напр.: Дано тамги со ржи с монастырские с 50 четвертей померу и *замытного* 5 алт. денег (Расх. кн. Тот. пр., 1583—85 гг. — ВХК, с. 44).

Е. Н. Этерлей указывает на то, что «в Вологодской губернии мера, равная четверику, имеет ряд различных наименований: *четверик, пудок, маленька*»⁵. Ю. И. Чайкина отмечает, что в Белозерье в XVII в. та же величина обозначалась сло-

---

⁴ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М. — Л., 1951, с. 151.

⁵ Этерлей Е. Н. Из истории русской метрологической лексики. Названия хлебных мер. — В сб.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 20.

вом *черпок*⁶. К этому следует добавить и слово *помытка* — название меры, бытовавшей в Тотемском уезде. Таким образом, если термин *четверик* в старорусском языке был названием общерусской меры, то *пудок, маленка, черпок, помытка* являлись его локальными дублетами.

А. П. Ларионова

**ПАМЯТНИКИ ЛОКАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
ГРУПП ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(На материале старовологодской письменности)**

В последние десятилетия усилился интерес исследователей к памятникам деловой письменности XVII—XVIII вв., большое количество которых сосредоточено в центральных и периферийных архивах.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО) предоставляет большие возможности для изучения памятников вологодской деловой письменности. В привлечении внимания лингвистов к вологодским рукописным материалам XVI, XVII, XVIII вв. много сделано Г. В. Судаковым¹. Этой же цели служат и публикации рукописных памятников русского Севера².

Богатство рукописного материала в архивах и большое значение его для исследований по истории русского языка диктуют расширять источниковедческую базу в работах по истории русского языка и исторической диалектологии. Это особенно важно в наше время, тем более, что вопрос о языковой основе русского национального литературного языка в отечественном языкознании еще не окончательно решен и число

---

⁶ Чайкина Ю. И. Метрологическая лексика в белозерских деловых документах XVI—XVII вв. — В кн.: Вопросы русской диалектологии. Л., 1976, с. 5

¹ См.: Судаков Г. В. Из наблюдений над палеографией скорописи второй половины XV в. (на материалах Государственного архива Вологодской области). — В кн.: Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М., 1974, с. 141—151; его же. Как учились грамоте в XVII веке. Рр, 1971, № 5, с. 122—128 и др. работы.

² Хрестоматия по истории вологодских говоров. Составитель Судаков Г. В. Вологда, 1975. Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. Составители Ларионова А. П., Судаков Г. В., Чайкина Ю. И. Отв. редактор Чайкина Ю. И. Вологда, 1979.

сторонников В. В. Виноградова, С. И. Коткова, Ф. П. Филина (означительной роли деловой письменности в формировании литературного языка в начальный период образования нации) увеличивается.

Слабая изученность словарного состава русского языка XVI—XVII вв. затрудняет изучение словаря русского литературного языка XVIII—XIX вв. Наибольший интерес, по мнению исследователей, представляет проблема обогащения словарного состава русского национального языка XVII в. за счет образований народно-разговорного языка, вошедших в литературный язык первоначально как разговорно-просторечный пласт, а затем нейтрализовавшихся или оставшихся на периферии литературного языка³.

На данном этапе развития исторической лексикологии из-за недостатка научных сведений еще нельзя говорить о регулярном употреблении в письменном языке XVII в. целого ряда слов, издавна бытовавших в живой разговорной речи. Поэтому последовательное обращение к материалам деловой письменности XVII в., близкой к народно-разговорной стихии, будет приближать исследователей к решению вопросов, связанных с проблемой изучения русского национального литературного языка в начальный период складывания его норм.

В данной статье сделана попытка показать возможности изучения лексико-грамматических групп имен существительных и прилагательных на материале рукописных памятников деловой письменности, созданных в условиях жизни носителей северновеликорусского наречия.

Ознакомление с памятниками вологодской деловой письменности⁴ позволяет говорить о том, что в создании разнообразных рукописей делового содержания участвовало много писцов — местных жителей. Это свидетельствует о распространенности грамотности среди людей Русского Севера, а также о большом объеме хозяйственно-административной деятельности местного городского и монастырского управления.

---

³ См.: Борисова Е. Н., Хитрова В. И. К проблеме лексических новообразований в русском языке XVI—XVII вв. — В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980, с. 84.

⁴ Языковой материал для статьи извлечен из 200 рукописей (270 л.), хранящихся в Коллекции рукописных свитков в ГАВО (ф. 1260, оп. еще нет). Это челобитные — 87, допросные речи — 70, поручные записи — 20; купчие — 7, сказки — 10, меновные — 3, отписки — 3. Используются данные и из выше упомянутых публикаций, а также из публикаций дореволюционного времени (ОСВ, вып. IX—XII, XIII).

Нам кажется, что определившийся список писцов (30) далеко не полный и что в процессе ознакомления с новыми источниками он значительно пополнится.

Из всех привлеченных материалов особенно показательны по своей лингвистической значимости допросные речи, сказки, челобитные, так как они в большей мере, чем другие источники, отражают особенности народно-разговорного языка.

Лексика скорописных памятников позволяет, в частности, обратить внимание на существительные со значением единичности, существительные с отвлеченным значением, а также на группы качественных, относительных и притяжательных прилагательных.

Для памятников старовологодской письменности употребление существительных со значением единичности, т. е. сингулятивов, весьма характерно.

Известно, что сингулятивные существительные по семантике и словообразованию связаны с вещественными и собирательными существительными, поскольку обозначают единичные предметы, выделенные из массы вещества или совокупности однородных предметов. Возможны такие существительные и от названий предметов, состоящих из парных частей. Почти все эти существительные образованы с помощью суффикса *-ин-*, который у отдельных имен может быть осложнен суффиксом *-к-* (*-инк-*).

Интерес исследователей к сингулятивам не ослабевает, что объясняется их недостаточной изученностью. Так, например, не решен вопрос об объеме данного лексико-грамматического разряда слов для современного состояния русского языка, не составлена их исчерпывающая семантическая и словообразовательная характеристика⁵.

Для истории русского языка актуальными являются вопросы лексического состава, степени продуктивности и регулярности сингулятивов в различные периоды развития языка, соотношения производной и производящей основы⁶.

С точки зрения развития значения сингулятивов, употребления их в живом языке деловая письменность XVII в. может нередко дать в руки исследователя нужный материал.

---

⁵ См.: Климкова Л. А. Существительные со значением единичности. ФН, 1979, № 5, с. 76—77.

⁶ См.: Азарх Ю. С. К истории сингулятивов в русском языке. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., «Наука», 1975, с. 65—91.

В старовологодской письменности этого периода наряду с древними образованиями наименования лица *боярин, вологжанин, москвитин (москвѣтин), крестьянин*, уже не принадлежащими к разряду сингулятивов, а являющимися соотносительными формами ед. ч. к формам мн. ч. *бояре, вологжане, москвитяне, крестьяне*, продолжает, по-видимому, сохранять значение единичности существительное *купчина*. Ср. примеры: того ж мсца августа въ 19 де *купчина* казначѣи староста Ипатѣи дал на селецкой на жнитвяной расход жнеям четыре рубли... (ДП, 1633, 41); *купчины* старца Иоасафа раздаточная кому что давано... платья и обую (ДП, 1675, 74). Значение определенности сингулятива подчеркнуто рядом стоящими существительными. Подобные факты отмечает Ю. С. Азарх, имея в виду древнерусский период⁷.

Продуктивными в языке деловой письменности Вологды были единичные существительные предметного значения, такие, как: *березина, лесина, тесина, тынина* и т. п.: ушибла ее *тыниною* в голову, Хр., 1635, 20; сѣл на ту *березину*, 1660, ф. 1260; а *тесину* взял себѣ, 1662, ф. 1260; *сенина* в глазу и застряла, 1690, ф. 1260. В современных вологодских говорах при собирательных существительных продолжают выступать подобные существительные-сингулятивы: *тес — тесьё — тесина, дерево — деревьё — деревина* и др.⁸

Особо следует сказать о существительном *скотина*. По наблюдениям Ю. С. Азарх, древнерусские одушевленные собирательные *животина, скотина* в качестве сингулятивов были возможны в народно-разговорном языке XVII в. и стали редки (лишь в сочетании с притяжательными местоимениями или родительным принадлежностью) — в современных говорах. Значение единичности у них вторично⁹. В наших материалах существительное *скотина* отмечено в разных контекстах (с собирательным и единичным значениями). Ср.: что наша *скотина* при сторонних людях в деревне Борискове загнана из сенных покосов дватцетъ двѣ *скотины* коров (в расписке крестьян д. Закобякино, 1699 г., ОСВ, XVII, 179); двѣ *скотины* со двора угнали (1681, ф. 1260); *скотина* моя совсем худа (1692,

⁷ Там же, с. 67, 77.

⁸ См.: Романовская Г. А. Собирательные существительные в говорах Тотемского района Вологодской области. — В кн.: Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию. УЗ МГПИ имени В. И. Ленина, т. 450. М., 1971, с. 141.

⁹ Азарх Ю. С. Указ. соч., с. 72, 85.

1260). Накопление подобных фактов может расширить наши представления о развитии значения у ряда сингулятивов в живом языке XVII века.

Небезынтересно изучение сингулятивов на фоне образований с суффиксом *-ин-* других лексико-грамматических групп (в плане развития многозначности и омонимии суффиксов). Ср. широко рассеянные в вологодских рукописях такие образования, как *уворотина*, *верхотина*, *паточина*; *крашенина*, *клетчатина*, *ряднина* и др.

Из отвлеченных существительных довольно употребительными в деловых текстах оказались имена существительные с суффиксом *-ни(е)/-ени(е)*. Таковы образования *владѣние*, *образование*, *радѣние*, *терпение*, *непослушание*, *нерадѣние* и т. п. Особенно привлекают наше внимание подобные образования, представленные в контекстах, широко отражающих народно-разговорную стихию, ср.: досмотрил Власева *горожения* изгороди около овинника (ДП, 46), платил коновалу от *чищенья* от насосовъ коней (ДП, 69), от *плетенья* (83), от *топанья* сукон (84), от *лехченья* жеребят (там же), дать на *пропитанье* (ф. 1260), от долгово *сидѣнья* и *лежанья* (там же), не дожидаячися того судного дѣла *вершенья* поговоря меж собою помирились (ОСВ, XII, 22), от его Тишкина маханья (ОСВ, IX, 138).

Эта словообразовательная модель имен существительных относится к числу древнейших и была известна уже общеславянскому языку¹⁰.

Не менее употребительны отвлеченные существительные, образованные от глагольных основ с помощью суффикса *-к(а)*: *додѣлка*, *наварка*, *подѣлка*, *поставка*, *посылка*, *починка*, *прибавка*, *сшибка*, *сѣчка*, *утайка* и т. п. Ср., например: а *додѣлки* у тѣх саней немного (ф. 1260), взята порушная запись в *поставке* жонки Матренки (ОСВ, IX, 4); и была у него Ивана *сшибка* с его Даниловыми людьми (ф. 1260), и стала та *недодѣлка* цркви за ними (ф. 1260), в *присылке* мнѣстрских коров (ф. 1260), посланы были в *починку* (ОСВ, XII, с. 178).

Заслуживают внимания те из существительных, которые оказываются параллельными образованиями на *-ние* (*-ение*).

¹⁰ См.: Винокур Т. Г. О семантике отглагольных образований существительных на *-ние*, *-тие* в древнерусском языке. — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969, с. 12.

Таковы, например, *сѣчка* и *сѣченье*, *чистка* и *чищенье*, *подвоска* и *воженье*, *подковка* и *кованье*, *подкованье*, ср.: дал от *подковки* коней (ДП, 69), да на Вологде от *поковки* тѣх драгунских лошадей взяли шестнадцать алтнѣ четыре денги (ф. 1260), саника карева подковали ногу дали от *кованья*... (ДП, 46). Накопление такого материала позволит говорить как о широком употреблении в живой речи в этот период тех и других образований¹¹, так и о достаточно высокой уже продуктивности имен с суффиксом *-к-(а)*.

О существительных на *-ка* сложилось мнение, что они представляют собой достаточно новое явление в языке, что в древнерусском языке они были редки и что лишь в XV—XVII вв. число их возросло¹². Материалы локальной деловой письменности, в частности воронежской и смоленской, позволили исследователям уточнить ранее сделанные наблюдения, а именно позволили сказать, что продуктивность существительных на *-ка* в XVII в. была выше, чем предполагалось до сих пор¹³. Наши наблюдения над отвлеченными существительными с суффиксом *-к-(а)* еще не закончены, словарь продолжает пополняться новыми лексемами, и вполне возможно, что количество их увеличится значительно.

Отдельные имена существительные со значением отвлеченного действия, вероятно, в XVII в. утратили продуктивность, свойственную им в прошлом. К таким именам в наших материалах можно отнести лексемы *взяча*, *драча*: Мишку она вдова Анна взяла поить и кормить к себѣ в дом а у *взячи* были отец их духовной пречистенской поп Аѳонасеи да вологжанин посацкой члвкъ Назаръ Дементьев сынъ Рыбник

¹¹ Эту мысль сформулировал и высказал Л. Ф. Копосов в ст. «Монастырские прихода-расходные книги как источник исторической лексикологии (на материале рукописей вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря)», опубликованной в кн. «Проблемы диахронного анализа грамматического строя русского языка». Сборник трудов каф. р. яз. МОПИ имени Н. К. Крупской. Вып. 10. М., 1977, с. 22.

Обращают на себя внимание парные имена на *-ние* и *-ка* в современном русском языке, при помощи которых происходит дифференциация лексических значений соответствующих глаголов. См.: Булин П. В. Словообразовательные модели и структура отглагольных парных имен на *-ние*, *-ка*. — В кн.: Теория и методика преподавания русского языка. УЗ ЛГПИ имени А. И. Герцена, т. 293. Л., 1968, с. 12.

¹² См. раздел «Словообразование существительных со значением отвлеченного действия» в кн.: Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., Наука, 1974, с. 173.

¹³ См.: Борисова Е. Н., Хитрова В. И. Указ. соч., с. 86.

(1682, 65); а у нас с ним была *драча* (1656, ф. 1260); *драчи* мы не видѣли (ОСВ, XI, 38); видел *драчу* (ОСВ, IX, 138). По-видимому, существительные *взяча* и *драча* были уже территориально ограниченными по употреблению: в СРЯ XI—XVII вв. первое приведено (с конкретным значением) из книги Солов. Вотч. креп., XVI в., второе отмечено в Переп. Хован. 1682 г. (Сл. РЯ XI—XVII вв., II, с. 171; IV, с. 351).

Имена существительные со значением качества представлены именами, образованными с помощью суффиксов *-ость* и *-ство*. Как отмечают исследователи, в течение всей истории русского языка обнаруживается постепенный рост активности суффикса *-ость*, а начиная с XVII в. происходит утверждение данной словообразовательной модели в качестве единственно продуктивной¹⁴. В то же время исследователи обращают внимание на два положения: 1) активизация имен существительных с суффиксом *-ость* в старорусской письменности представляет собой сложный и длительный процесс; 2) широкий круг образований с этим суффиксом находит распространение прежде всего в таких памятниках, для которых характерна живая связь с церковнославянской стихией¹⁵.

Слабая изученность этих образований в языке локальной деловой письменности не позволяет сопоставить наши наблюдения с другими. Пока можно констатировать следующее: в старовологодской письменности регулярной употребительностью характеризовалась небольшая группа имен существительных: *бѣдность*, *дряхлость*, *милость*, *светлость*, *скудость*, *старость*, *сытость*, *хитрость*, *ярость*. Ср. примеры: за ту нашу *бѣдность*, ф. 1260; чтобы гсдрѣ пожаловалъ за твою *старость*, ОСВ, XI, 4; взяты на время за их *скудостью* крестьянскою, ДП, 45; по *дряхлости* моеи и *старости*, ф. 1260; и описка бывает не *хитростью*, ОСВ, II, 32. Существительные *светлость* и *милость* выступают в определенном контексте: а ко мнѣ нищему было твое ваша *светлость* благословение и *милость*, ОСВ, XVII, 26.

Ограниченность употребления существительных на *-ость*, вероятно, объясняется деловым содержанием памятников, не позволяющим широко использовать слова с качественной оценкой, образованные от прилагательных.

¹⁴ См.: Прокопович Е. Н., Хохлачева В. Н., Шелихова Н. Т. Указ соч., с. 114, 130.

¹⁵ Там же, с. 126.

Образования с суффиксом *-ств(о)*, *-еств(о)* более широко употребительны, вероятно, потому, что обозначают не только качество, но и состояние. Это: *воровство, безчинство, колдовство, кумовство, насильство, неистовство, озорничество, плотничество, плутовство, пьянство, родство, убийство* и т. п. Ср.: жена для блудного *воровства* збежала, ОСВ, XII, 73; замечен в *колдовстве*, ОСВ, XI, 14; ни за каким *плутовством* не ходит, ОСВ, XVII, 147; за то *мастерство* плотническое, ф. 1260; подрядилъ онъ Семен меня мастерски *плотничеством* своим починить и кровлею покрыть (церковь А. Л.), ф. 1260; у жены ево род их вес згорѣл в *расколстве*, 1691, ф. 1260; платил кузнишному молотнику Ѳеодору Шишову за пять дней за *молотничество* три алтна двѣ денги, ДП, 70; об ево *озорничесве* в селѣ знают, ф. 1260. Приведенные выше и подобные им имена показывают, что в исследуемый период продуктивными уже были образования от основ имен существительных, а продуктивность от основ прилагательных и глаголов сократилась.

Кроме того, следует упомянуть о параллельном употреблении слов на *-ство* и слов на *-ние*, *-ье*. К примеру, *умирительство* и *умирение*, *насильство* и *насилие*: к сему *умирительству* архиерея, ОСВ, XII, 142; по *умирению* наших людей, ф. 1260; от ево *насильства* погибамъ, ф. 1260; извѣстить о том *насилие* раняе тебе недоразумела, ОСВ, XII, 132. Обнаруживается, что деловые тексты свидетельствуют о целом ряде других синонимических образований (*совесть, совество, гульба* и *гульня; битье, бои* и др.) и что рассмотрение их по данным деловой письменности может стать предметом отдельного исследования.

В целом изучение отвлеченной лексики на материале локальной деловой письменности XVII в. представляется перспективным.

Имена прилагательные в деловой письменности, как известно, ограничены по своему количеству и по составу, но в отдельных разновидностях деловых памятников они употребительны. Так, в челобитных, по наблюдениям С. С. Волкова, прилагательные составляют 1/5 часть словника¹⁶. По нашим наблюдениям, они составляют значительную часть в межевых, приходо-расходных, раздаточных книгах. В этих книгах

---

¹⁶ См.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974, с. 122—123.

широк пласт предметной лексики, при назывании которой нередко обращается внимание на признаки предметов, включая и качественные характеристики. Ср., в межевой книге 1628 г.: шол тотъ межник возлѣ пашни... по уворотину... а с тое ели на столбъ а от столба на пень еловой а со пня на пень же а у пня яма, а в яме изгарь желѣзной, ДП, 37; на болшой ели крюк на ручью камень болшой против ивы виловатой а против ивы яма старая а от ямы на березу по старому осеку, там же, 38.

Отражением специфики народно-разговорного языка следует назвать употребление имен прилагательных в постпозиции по отношению к определяемому слову. Причем качественное прилагательное следует за относительным: покрали ожерелье *женское жемчужное, большое* одиннадцать пугвиц *серебряных болших* двадцать пять пугвиц *серебряных ж мѣлких*, 1652, ф. 1260 (в челобитной о краже). Сначала челобитчик называет относительный признак, затем характеризует предмет с качественной стороны. Современные говоры по сравнению с литературным языком еще сохраняют постпозицию согласованных определений как особенность, характерную для более раннего исторического периода развития языка¹⁷.

Попытка определить лексический состав качественных прилагательных в полной форме привела к обнаружению узкого круга этих прилагательных, правда, при заметной частоте их употребления. Это прилагательные: *большой, ветхий, мелкий, новый, старинный, старый*, а также прилагательные со значением цвета *бѣлый, красный, синий, черный*. Напротив, круг существительных, с которыми сочетаются эти прилагательные, достаточно широк. Например, прилагательное *большой* сочетается с рядом одушевленных и неодушевленных существительных (*лошадь, овца, овчина, мельница, ель, место, дощаник* и др.): продал лошадь болшую, купил овцы болшие и малые, от семи овчинъ упалых болших, лѣс на болшую мельницу, на болшую ель, четыре ручки болших да ушат новои, кожу сыромятную болшую, трои жернова болшие, ф. 1260. Возможно, такое употребление все еще связано с нерасчлененностью значения, с недостаточно развитой синонимией качественных прилагательных.

---

¹⁷ См.: Русская диалектология. Под ред. Мещерского Н. А. М., 1972, с. 240.

Шире, чем полные формы качественных прилагательных, в памятниках деловой письменности представлены краткие формы; они, с одной стороны, еще сохраняют атрибутивную функцию, с другой, довольно активно выступают в предикативной функции. Примеры: обидел меня вдовицу *бѣдну*, сорвал с меня шапку *нову*, ф. 1260¹⁸ (в роли определения); та наметка кожаная *ветха*, 1690, ф. 1260; то полукаѲтанье камчатое *ветхо*, 1699, ф. 1260; и как тот лѣс у них будет поставлен додѣлыват я сирота *готов*, 1688, ф. 1260; и на соль цена стала *мала*, 1682, ф. 1260; а все *ветхи* в поле житенка, ДП, 57.

Обращают на себя внимание краткие формы в соседстве с глаголом-сказуемым (стоящие до или после глагола), они оказываются втянутыми в сферу предикативных отношений, ср.: а он *прост* ходит, 1675, ф. 1260; приехал с Вологды *пьян*, 1677, ф. 1260; от раны лежит едва *жив*, там же; лошадь стоит *потна*, 1692, ф. 1260. В этих примерах краткие прилагательные осознаются не только как обозначающие признаки, выражающие состояние человека, животного, но и как признаки, выражающие вещественное, качественное значение сказуемого. А. М. Пешковский о подобных конструкциях в русском языке писал: «...мы имеем огромный синтаксический сдвиг: прилагательное покидает свою нормальную точку опоры — существительное — и сцепляется с глаголом... Именно при краткости формы оно имеет морфологический признак предикативности»¹⁹. Думается, развитие семантики качественных прилагательных шло в процессе развития языка с опорой на синтаксическую функцию в большей мере, чем представлялось исследователям до сих пор. Памятники деловой письменности, отражающие в данном случае особенности живой речи, показательны в этом отношении.

Таким образом, качественные прилагательные как лексико-грамматический разряд (в совокупности кратких и полных форм) отграничиваются от относительных прилагательных с

---

¹⁸ Подобные случаи употребления обнаружены Копосовым Л. Ф. — купил сермягу *нову*, в огороде ворота *новы* — (второй пример не совсем убедителен в таком контексте). См.: Копосов Л. Ф. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным местной деловой письменности (Фонетика и морфология). Канд. дис. М., 1971, с. 188.

¹⁹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 241.

синтаксической стороны (в процессе развития предикативной функции качественными прилагательными).

Относительные прилагательные, в отличие от качественных, более употребительны в текстах делового содержания, и не только в приходе-расходных книгах, где они особенно уместны, но и в челобитных, допросных речах, сказках.

И. В. Власова

ТОПОНИМИЯ УСТЮЖСКОГО КРАЯ И ТИПЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XVIII—XX вв.

Одной из проблем изучения истории отдельных регионов является проблема заселения территорий, проблема их хозяйственного освоения. Для ее решения может быть использован топонимический материал, сопоставленный и проверенный показаниями других источников. Топонимия довольно наглядно отражает развитие и судьбы территорий в связи с их заселением. Особенно точно топонимический материал показывает процесс сложения сельского расселения, поскольку он непосредственно связан с хозяйственной деятельностью населения и, кроме того, топонимия позволяет выявить этапы, постепенность формирования расселения.

Динамика расселения может быть прослежена при наблюдении изменений, которые претерпевают с течением времени типы сельских поселений. Под ними в исторической науке понимаются разновидности, отличающиеся в социально-экономическом отношении. Эти отличия связаны с разнородным составом населения и различной его хозяйственной деятельностью, что обуславливает определенные функции селений. В названиях селений нередко отражается их тип. Сопоставление таких типов топонимов за длительное время может показать, какие изменения претерпевает тот или иной тип поселения в процессе исторического развития.

Для примера проведем анализ топонимии (названий селений) одной из территорий Европейского Севера СССР — бывшего Устюжского уезда. Он проводился по материалам ревизий XVIII—первой половины XIX в. и переписей населения

конца XIX—первой четверти XX в. Устюжский уезд в то время занимал бассейн верховьев Северной Двины, ее притоки (среднюю и нижнюю Сухону, Юг, нижнюю Вычегду) и водораздел Северной Двины с реками Волжского бассейна — Вохмой и Моломой. Проведены подсчеты топонимов, которые содержат указания на тип сельского поселения, по шести периодам, соответствующим времени ревизий и переписей: I ревизии 1719 г., II ревизии 1747 г., III ревизии 1762 г., X ревизии 1859 г., переписи населения 1897 г. и 1926 г.

Данные I ревизии по Устюжскому краю отразили соотношение типов сельских поселений, что позволяет выявить картину расселения к началу XVIII в. Преобладающим типом селений в то время оказывается деревня, составившая более 90% всех селений Устюжского уезда. Это не первоначальный тип селений здесь. Деревням предшествовали селения в виде одиночных заимок, разросшихся с течением времени до однодворных-трехдворных деревень. О существовании начальной стадии таких селений (заимок, займищ, селищ, печищ) остались свидетельства в топонимах, зафиксированных I ревизией: *д. Державино, а Семеново Займище тож, д. Вахромеево Печище при реке Пичуге*¹. Селений с таким названием в Устюге по I ревизии насчитывалось 12, а всего в уезде в то время было 1939 селений.

Умножение населения к XVIII в. привело к увеличению размеров первоначальных деревень. Этому способствовали разделы большесемейных коллективов и вступление северной деревни в стадию развития так называемого «долевого земледелия», когда деревни превращались в совладение собственников-складников, совместно ведущих хозяйство². Такое развитие деревни отразилось в появлении названий, образованных от имен двух-трех совладельцев: *д. Тихоновская, а Барановская тож*.

Многовековое развитие деревень привело их к тому виду, какой отразили источники XVIII в. Устюжские деревни в то время различались: деревни черносошных крестьян, монастырские и церковные деревни, деревни, принадлежавшие царскому двору, и деревни, где были владения городского населения — посадских людей. I ревизия называет: *д. Царева, а*

¹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 4606-а, л. 257; № 4606, л. 435.

² Ефименко А. Я. История народной жизни, вып. I. М., 1884, с. 219; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 97.

Гора тож, д. Монастыриха и т. п.³. В деревнях Европейского Севера сельское население, работавшее на монастыри, церкви, иногда на черносошных крестьян, называлось половниками (работали на хозяев за половину урожая). Половнические отношения прослеживаются по топонимии: *д. Богородишская, с. Половниково тож*⁴ (в названиях 8 деревень).

Кроме указания на категорию населения в сословном отношении к XVIII в., ревизия сохраняет память о более древнем землевладении в крае, нежели государственное — о существовании боярщинного землевладения, характерного для Севера в период до подчинения его Москве. Названия селений — центров боярских владений долгое время сохраняла местная топонимия: *д. Великий Двор, д. Большой Двор, д. Княгинино* и т. п.⁵. Такого типа названий в Устюжском уезде к началу XVIII в. было 15.

В I ревизии есть указания и на другие типы сельских поселений в Устюжском крае, кроме деревень. Разновидностью последних явились починки. Это — вновь возникающие селения, со временем разраставшиеся и превращавшиеся в деревни. Заселение Севера происходило путем образования починков. Особенно они характерны для начальных этапов заселения⁶. В дальнейшем причиной их появления становится естественный прирост населения, земельное утеснение. Надо заметить, что термин «починок» в источниках начала XVIII в. упоминается наряду с терминами «выставка», «выселок», «относный двор». Починки, как правило, возникали на неразработанной земле. Выставки, выселки, относные дворы — путем выделения части дворов из деревень и образования нового селения, но на земле, приписанной к старому селению. В XVIII в. различие починков и выставок иногда стиралось и становилось тождественным. I ревизия 1719 г. различает в Устюжском уезде такие разновидности сельских поселений: *д. Дороховская, а Максимовский Починок тож, д. Тарасовский Починок, д. Выставка из д. Алексеевской, Стефановская тож, д. Относная Ананьинского Великого Двора выставка*⁷. Таких топонимов насчитывается 154.

³ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 4606, л. 223, 217.

⁴ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 4606, л. 56 об.

⁵ Там же, № 4606-а, л. 266 об.

⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, с. 161.

⁷ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 4606-а, л. 267, 276, 276 об., 277 об.

Термин «починок» источники начала XVIII в. по Устюгу отмечают еще в значении названия округа — волости: *волость Ляменгские Починки, волость Луптюжские Починки*. Такие названия появляются в местах, где еще идет освоение земель.

О возникновении новых селений говорят и такие названия, где к прежнему наименованию селения добавляются слова: новый, старый, большой, малый, верхний, нижний, другой и т. п. (*д. Новый Починок*⁸). Таких топонимов по I ревизии насчитывается 73. Процесс образования новых селений отражен и названиями типа: *д. Пятринская Пустошь*⁹ (зброшенные пустоши вновь осваиваются и превращаются в деревни).

Деревни и починки — самые многочисленные селения в крае. Существовали и такие типы селений, известные с древнейших времен, как погосты, которые к началу XVIII в. сформировались на данной территории как центры волостей. Административными центрами округов-волостей и религиозными центрами на Европейском Севере, наряду с погостами, выступали села: *Устье Городищенское Богоявленское Сельцо, Воздвиженское село* и др.¹⁰.

Существовали в Устюге слободы. Они известны в двух значениях: в роли волости, и тогда ревизия называет их — *Никольская Слобода* (состояла из 28 деревень, 9 починков), и в значении отдельного селения, и такие селения-слободы в Устюжском крае не отличались от деревень по своим размерам и составу населения, были обычными земледельческими селениями (*д. Сергиевская Слобода*)¹¹.

В деревни превращались и такие древние типы поселений как городки (укрепленные селения периода славянского продвижения на Север) — *Городок Брусенка*¹² и неславянские городища — *д. Городище, а Красная Гора тож*¹³. Еще один тип поселения, существовавший в крае, — это ям. В источниках они названы: *Бобровский Ям, Ягрышский Ям, Устьевденецкий Ям*¹⁴. Это неземледельческие селения с населением — «ямскими охотниками», выполнявшими ямскую повинность.

Таким образом, топонимия по Устюжскому уезду в I ревизии

---

⁸ ЦГАДА, ф. 350, оп. 1. № 4606, л. 351 об.

⁹ Там же, № 4606-а, л. 124 об.

¹⁰ Там же, л. 259 об.

¹¹ Там же, л. 275 об.

¹² Там же, л. 274 об.

¹³ Там же, л. 253 об.

¹⁴ Там же, № 4606, л. 351 об.

зии 1719 г. свидетельствует, что господствующим типом селений в то время были деревни. Менее малочисленны починки, выставки, наличие и появление которых говорит о некотором освоении района, продолжавшемся в XVIII в.

Следующая II ревизия 1747 г. показала рост крестьянских селений — деревень к середине XVIII в. по сравнению с его началом. Это выразилось в увеличении числа названий, образованных от имен двух-трех владельцев. Выросло и число новых поселений — починков и выселков: *д. Новопоставленный Починок, д. Выставка на отъезжей Кременской пашне*¹⁵. В середине века процесс превращения ряда типов селений в деревни, наблюдавшийся ранее, продолжался. Деревнями становились бывшие починки, займища, печища, городки и слободы: *д. Починок Чюцкое, а Исачевское Печище тож, д. Васильевская Филимоновская под Сосновским Городком*¹⁶. Наряду с деревнями и их разновидностями, существуют села и погосты — центральные поселения волостей и приходов.

Материалы следующей III ревизии по Устюжскому краю относятся к 1762—1764 гг. Процессы, происходившие в первой половине века, продолжались и далее. Топонимические данные и этой ревизии говорят о ходе освоения земель в Устюжском уезде, о естественном росте населения, процессе укрупнения и возникновения новых селений, поглощении таким типом селений, как деревня, других исчезающих типов. По-прежнему преобладали в крае деревни с двойными-тройными названиями от имен владельцев (более 80%), названия со словами: новая, другая, вновь поселенная (число последних увеличилось по сравнению с предшествующим временем), продолжалось освоение заброшенных пустошей, займищ, появлялись «припаши», «кулиги», «гари» — лесные новоросчисты: *д. Бутова Кулига, д. вновь поселенные Гари*¹⁷.

Последующее описание Устюжского уезда с зафиксированной полной топонимией края сохранилось на время X ревизии 1859 г.¹⁸, спустя 90 лет после предшествующего описания. За это время в жизни северной деревни произошли существенные социально-экономические перемены, что отразила и топонимия. Очень подробно отмечены ревизией разновид-

¹⁵ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3. № 4605, л. 262 об., 630.

¹⁶ Там же, ф. 624 об., 857 об.

¹⁷ Там же, № 4623, л. 98, № 4629, л. 95.

¹⁸ Списки населенных мест Российской империи, т. 7. Вологодская губ. СПб., 1866.

ности деревни как типа селения, а именно: деревни государственных крестьян, деревни экономические (бывших церковных и монастырских крестьян), удельные (бывшие дворцовые), владельческие (частных лиц), разное ведомственные (совместные владения разного характера). И все вместе эти деревни как тип сельского поселения снова преобладали в бывшем Устюжском уезде (ныне уездах Устюжском и Никольском), составляя 87% от общего числа селений.

Топонимический материал 1859 г. показал, что изменения типов селений происходили по линии укрупнения деревень и превращения в них исчезающих типов селений, частичного образования новых выселков и починок. Погосты и села, существовавшие наряду с деревнями, выступали в функции центров деревенских сельских обществ. Наиболее распространенными топонимами в это время были: *д. Перхушково (Леоновская)*, *д. Брызгаловский Выселок (Мыгра)*, *д. Распаханная Холмовская Выставка (Лимониха)*, *д. Телеговский Починок* и т. д.

Эта ревизия уделила много внимания селам, показав многообразие их функций и пути превращения в этот тип селения других типов. В топонимии это также нашло отражение: *село Симоноволкомский Крестовоздвиженский погост* (в него превратился погост, он — центр религиозный), *погост Городищенский Богоявленское село* (им стало бывшее городище) и т. д. Аналогичные же превращения происходили и с погостами, ими становились бывшие села, деревни, городки, слободы: *погост Енангский (Слобода)*, *погост Спасский Подосиновский Городок*, *погост Верхомолмский (Монастырь)*, *погост Кичменгский (село Кичменгский Городок)* и др.

Дальнейшую историю типов сельских поселений дает возможность проследить перепись населения 1897 г. Северная деревня к концу XIX в. прошла в своем развитии важный рубеж, т. к. после реформы 1861 г. государственные крестьяне получили право выкупа наделов и приобретения свободных земель у казны. Это был толчок к новому хозяйственному освоению территорий. Судя по топонимическому материалу конца XIX в., для сельских поселений Устюга было характерно: наличие и укрупнение основного типа — деревни и ее разновидностей — починок, выселков, выставок (они составляли снова 80% от общего числа селений); большой рост последних по сравнению с предшествующим описанием был вызван проведением крестьянской реформы. Усложнились функции центральных селений волостей — погостов и сел, в которые

превращались выросшие до торговых центров деревни, слободы и другие типы поселений. Отражая расслоение сельских жителей конца XIX в., перепись 1897 г. свидетельствует о появлении селений с хозяйственными заведениями кулацких элементов: *Товарищество Мухина и Крюкова (Мукомольное заведение)*.

Новые изменения в типах селений произошли в Устюжском крае в послереволюционное время с 1917 г. Перестройка земледелия на новых основах (национализация земли, земельная реформа 1918 г., перераспределение земель, нэповское развитие 1924 г.) способствовала новому освоению территорий и вызвала к жизни появление новых типов селений. Эти изменения отразила перепись 1926 г.¹⁹ Путь развития старых типов селений-деревень выразился в прежнем направлении (укрупнении, выселении т. п.), появление же новых типов — в возникновении хуторов, образовывавшимся в противовес общедеревенским хозяйствам путем ликвидации общинных традиций. Деревни в крае по переписи 1926 г. составили 56% от общего числа селений, хутора — более 26%. Деревни сохраняли названия антропонимического характера. Погосты, судя по топонимии края, перестали существовать как центры округов, эту роль они всецело уступили селам: *село-погост Ивана Богослова*; в них же превратились все бывшие слободы и городки: *село Кичменгский Городок*.

Топонимические данные переписи 1926 г. показали пути создания хуторских селений: 1) на новых незанятых землях, как прежние починки — хутор *Новая Роспашь (Мизгирь)*, 2) как выставки из старых деревень — *хутор Выселок Образцовый*, 3) на месте старых городков: *хутор Городок*.

Сопоставляя описания Устюжского края по ревизиям и переписям населения и выявляя топонимические данные, свидетельствующие о развитии типов сельских поселений, можно отметить, что в целом изменения поселений в течение XVIII—XX вв. происходило медленно. Это было связано с неинтенсивностью социально-экономического развития Европейского Севера вообще в эти периоды. Кроме того, для времени XVIII—первой четверти XX в. на Севере было характерно сокращение масштабов переселений, т. к. основное его заселение закончилось еще в XVII в.

---

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 3, № 186, 189, 190—192, 196—202.

Пример анализа устюжской топонимии показал, что топонимический материал может служить источником для освещения вопросов заселения территорий. Но основываться на показаниях исключительно этого источника неправомерно. Топонимические данные должны сопоставляться с показаниями других исторических материалов.

В. А. Никонов

ВОЛОГОДСКИЕ ФАМИЛИИ

От 1763 г. дошли до нас две сотни фамилий жителей Великого Устюга¹; есть и современный перечень фамилий из того же города, тоже недостаточный. Но даже и в этих очень скудных списках перекликаются десятки одних и тех же фамилий. Оставляя в стороне распространенные, можно привести такие: *Вершинин, Голиков, Лахменев, Протасов, Смольников, Уржумов, Хомутинников, Шарыпов, Шумин*; к ним можно добавить и *Паникаровский*, который в 1763 г. был *Паникаровских*. Любую из этих фамилий можно встретить всюду, но именно сохраненное совмещение их в одном городе спустя более двух столетий — исключает случайное совпадение и доказывает тождество, сохранность их у прямых потомков тех же семей. Сопоставление больших списков значительно увеличит число двухвековых фамилий коренных устюжан.

Не всюду в области фамилии давни. Заселение ее территории продолжалось еще и в нашем столетии. В вологодских фамилиях отражены многие разновременные волны.

Область рассечена массивами преобладающих фамилий: с севера — *Попов*, с юга — *Смирнов*, с запада — *Иванов*. Размещение их отчетливо. В восьми восточных районах (включая Верховажский и Тотемский) частота фамилии *Попов* недостижима для других фамилий. Это фланг их основного массива (Архангельская область) на пути их распространения с Северной Двины на Вятку, Каму, за Урал. Самая частая фами-

---

¹ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, с. 201—290.

лия всех центральных, юго-западных и южных районов области — от Вологодского до Чагодощенского, от Грязовецкого до Вожегодского, в том числе и в городах Вологда, Череповец — *Смирнов*. Центр массива этой фамилии — в соседних Костромской и Ярославской областях. Но с ней в юго-западных районах области соперничает по частоте фамилия *Иванов*, преобладающая в соседних Новгородской и Псковской областях. Эта часть области до 1927 г. принадлежала Новгородской губернии. Восточней же Череповца фамилия *Иванов* встречается лишь единично. В большинстве районов нередко фамилия *Кузнецов*, чаще в восточной полосе области, связывая с Севером через Великий Устюг основную зону этой фамилии, простирающуюся южнее и восточней Москвы от Верхней Оки до Средней Волги. На северо-западе области (Вытегорский район и смежные части соседних районов) ни одна из этих «лидирующих» фамилий не получала заметного распространения, — там «ничья земля».

В среднем на тысячу жителей приходится: *

Районы	Смирнов	Попов	Кузнецов	Иванов
Вытегорский	1	5	12	
Бабаевский	27	2	5	39
Из юго-западных **	30	3	7	21
Грязовецкий	47	1	12	4
Харовский	91	3	13	6
Верховажский	2	9	1	—
Тотемский	1	30	10	1
Нюксенский	4	36	7	1
Великоустюгский	1	29	26	·
Кичменгско-Городецкий	1	31	16	·
Никольский		19	12	·
гор. Вологда	46	12	18	13

* Каждый район охвачен частично; полный подсчет внесет поправки, но не изменит основных соотношений. Показатели округлены до единицы, тире означает отсутствие, точка — величину меньше 0,5 (т. е. 1—4 чел. на 10 тыс. жителей).

** Чагодощенский, Устюженский, Кадуйский.

Как и каждый центр, Вологда выбрала черты разных частей, но с перевесом той местности, в которой расположена.

По тем же зонам распределены другие частые фамилии:

Попову сопутствуют *Шестаков, Трапезников*, наиболее частые в Архангельской области. В зоне преобладания фамилии *Смирнов* второе место занимает *Соколов*, нередки *Волков, Судаков*; на юго-западе, где часта фамилия *Иванов*, там и другие фамилии из канонических имен чаще, чем на остальной территории области.

Очень резко разделена область по частотности форм фамилий. Конечно, суффиксы *-ов, -ин* преобладают всюду, но частотность различна. В северо-восточной части области часты фамилии в форме прилагательных, образованных формантом *-ский*: они охватывают 8—12% всего сельского населения, тогда как в юго-западных районах области редко превышает 1%. Разница огромна. Даже в пределах одного района показатели крайне неравны: в Шелотском сельсовете на самом юго-западе Верховажского района фамилии на *-ский* охватывают только 1%, в Терменгском сельсовете, находящемся в глубине района, им принадлежит 7%, а в Морозовском, на самом северо-западе района — 11%, хотя между ними всего полсотни километров. По обилию фамилий на *-ский* северо-восток области сходен с Архангельской. Еще резче размежевание частотности форманта *-ск-* в топонимии: в Чагодошенском и Устюженском районах нет ни одного населенного пункта с названием, образованным им, а в Верховажском больше половины всех селений названы *-ская*, в Тарногском — 13%. Такое соотношение сложилось не вчера. В 1685 г. по Кокшенгской чети (территория современного Тарногского района) из 338 селений 290 названы по этой модели — 86%². Несомненно, что такое различие юго-запада и северо-востока исторически обусловлено. Оно напоминает противоположность этих территорий в прошлом по самому коренному условию: между Вологодой и Тотьмой пролегла глубочайшая межа, западней которой крестьяне принадлежали помещикам, а восточней и северней — нет: в 1782 г. в Кадниковском и Вологодском уездах 80% крестьян были помещичьими, а Тотемском и Великоустюгском 1,5%³. Смехотворно искать в этом сопоставлении причинно-следственные отношения. Но и фамилии, и аграрный строй по каждую сторону межи принадлежали двум различным историческим общностям русских. Сам же формант *-ский* не нес никакой социальной окраски.

² Колесников П. А. Северная Русь, ч. 2. Вологда, 1973, с. 172.

³ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX вв. Вологда, 1976, с. 41.

В Вологодской области чаще, чем в Средней России, фамилии в форме прилагательных без *-ов*, *-ин*, *-ск*: *Короткий*, *Кудрявый*, *Тонкой*, *Оловянный*, *Серый* и т. д. Но они разбросаны по разным местам области, нигде не образуя скопления, и общее количество их все же незначительно.

Фамилии в форме *-их*, *-ых* (*Белых*, *Беспярых*, *Вялых*, *Гладконогих*, *Золотых*, *Легких*, *Плоских*, *Печеных*, *Широких*, *Черных* и пр.) первоначально обозначали принадлежность не главе семьи, как *-ов*, *-ин*, а семье в целом. Они чаще в северо-восточной части области, но отдельные из них проникли до ее западных границ. Форма резко убывает. За три столетия их доля сократилась в несколько раз.

Из формантов, которые образовывали еще не фамилии, а ее основу, всех чаще *-ак*, как в Архангельской области (*Шестаков*, *Третьяков*); нередко *-ицын* (*Шипицын*, *Коробицын*), *-ников* (*Угольников*, *Корзников*), но всех ярче, конечно, *-ичев*. Тысячи человек с фамилиями *Ганичев*, *Демичев*, *Ильичев*, *Фомичев* и др. сосредоточены между озерами Белым и Онежским, распространяясь и на смежные территории, особенно — восточней. Те же фамилии (не только той же модели, а те же самые фамилии) сосредоточены в Верхнем Поочье, но там их частотность даже в центре скопления достигает 31 чел на 1 тыс. жителей, а в Белозерье их частота высока небывало — почти каждый девятый, в некоторых сельсоветах еще выше, например, в Городищенском 160 человек на каждую тысячу. Удивительно, что из сотен фамилий этой модели в Белозерье очень много тех же самых, как в Верхнеочье — чаще всего *Ганичевы*, *Демичевы*, *Ильичевы*, *Ларичевы*, *Фомичевы*. Юго-восточней *-ичевы* редуют, в средней полосе Шекснинского района (от с. Чаровского до с. Чуровского) их 45 из тысячи, а на самом юго-востоке района у границ с Ярославской областью всего 6 из тысячи. Восточней *-ичевы* распространялись на северной стороне Кубенского озера; в Усть-Кубенском районе составляют около 80 человек на тысячу, но восточней Харовска редки. На юге заметно гнездо их между Вологдой и Грязовцем. А западней Белозерского очага встречаем их в Новгородской области, хотя и не очень часто (там пока не встречено ни одной из пяти самых частых их фамилий, объединяющих Белозерье и Верхнеочье).

Г. В. Судаков сообщил, что по источникам XVI—XVII вв. часть населения Белозерья — бывшие смоляне, беяне и т. п. Переселения оттуда были неоднократны. Неясно, произошло ли

переселение и в Верхнеочье, и в Белозерье, или вторичное перемещение было уже внутренним, т. е. вторичным.

Очень характерно, что на Вологодской территории совсем редки фамилии, содержащие уничижительный формант личных имен *-ка*, несколько столетий обязательный в России для всей массы народа. В Нюксенском районе едва 1% населения носит такие фамилии (*Емелькин, Головяшкин* и др. — сын *Емельки*, сын *Головяшки*). В среднерусских и поволжских областях они гораздо чаще.

Кажется напрасным искать в фамилиях следы различия Новгорода и Москвы, многовековой поединок которых завершен задолго до фамилий. Но исторически сложившиеся общности населения не исчезают мгновенно. Конечно, граница сфер влияния Новгорода и Москвы не так четка по фамилиям, как по географическим названиям, где она показана резким размежеванием на карте топонимов *ручей* (новгородское) и *ключ* (московское)⁴, проходящим по Вологодской территории. Фамилии свободней перемещаются. Но и в них отражены особенности новгородские и московские. Сильней видны более поздние. Отчетлива связь фамилий по р. Вага и по р. Юг — от Шенкурска до Никольска. На востоке области пересеклись два мощных потока, устремленных к Великому Устюгу — с северо-запада (с Северной Двины) и с юга (с Поволжья), еще с XII в.⁵ Огромны и сдвиг населения в XVII—XVIII в. с Двины через эту территорию на Урал и в Сибирь.

Новгородские черты отражены в вытегорских фамилиях — *Чекшин* (дер. Макачево) из новгородского глагола *чекошиться* 'стараться', 'добиваться' и *Чурин* (в соседней деревне Желвачево) из новгородского существительного *чура* 'песок, галька'. И в противоположном конце области на р. Юг — звучит фамилия *Конечный* (в Кичменгско-Городецком районе), архаичная вдвойне — и формой, и основой *конец* — старинный административно-территориальный термин Новгорода.

Из многих локальных фамилий можно привести очень частые — на северо-востоке области: *Коптяев* (Нюксенский и Великоустюгский районы), *Поникаровский* в Великоустюгском, *Зажигин* (Верховажский район); на карте Никольского

⁴ Никонов В. А. *Ручей — ключ — колодезь — криница — родник*. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, (с картой), изд. 2. М., 1961.

⁵ Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае. М., 1976, с. 114.

района переплетается десяток частых, среди них *Шиловские* — несколько тысяч человек (в области 9 селений с названием Шилово), *Баданины* — больше тысячи; некоторые сгущены на небольшой территории, как *Дресвянины* (с. Нигино и окрестные деревни), другие выходят за пределы района — *Пахолковы* нередки и в соседнем Кичменгско-Городецком районе, и северней — в Великоустюгском, а восточней уходят за костромскую Вохму в Кировскую область, этимология основы этой фамилии дана в словаре вятских говоров Н. М. Васнецова 'избалованный, изнеженный'.

Обильны фамилии от местных географических названий: *Белозеров* и *Белозерцев*, *Важенин* (р. Вага), *Чекшезерский* (озеро Чекшезеро), *Кихтянин* (в Усть-Кубенском районе, где течет р. Кихть), *Нацепинский* (в Великоустюгском районе вблизи от д. Нацепино) и многие др. По всей области, а особенно на северо-востоке, встречаем фамилию *Кокшаров*, прославленную трагической судьбой погибшего города на р. Кокшеньга. Из топонимов соседних областей — *Холмогоров* (из Архангельской), *Тюляндин* (из Костромской), *Уржумов* (из Кировской), *Пестовский* (из Новгородской), *Вохмянин* и *Талицын* (из Костромской), *Любимков* (из Ярославской).

Невозможно перечислить диалектные особенности в вологодских фамилиях. Разительны фонетические примеры: *Востров*, *Востряков* с протетическим *в-*, *Труфанов* с древнейшим чередованием *и/у* в имени *Трифон*, *Патраков* из формы имени *Патракей*, как и в Архангельской области, вместо общерусской формы *Патрикей* (из латин. *Патрицай*), *Самылов* из *Самойлов*, *Манылов* из *Мануйлов* (их основы — канонические имена *Самуил* и *Эммануил*) и т. д.; от диалектных образовано множество фамилий, как *Зажигин*, *Куваев*, *Куимов*, *Шаньгин*.

Северней и северо-восточней от Белого озера (Вашкинский район) абсолютное большинство жителей носит фамилии от канонических имен — от 2/3 до 3/4 всего населения, а местами и выше (например, в деревне Васютино 89% — такковы все фамилии, кроме единственной). В других районах области фамилии от канонических имен редко захватывают больше 1/4 жителей, так и в остальных областях, кроме северо-западных. Видимо, территория Вашкинского района (кроме юго-восточного Ухтомского сельсовета) заселена иной волной и с иных земель. Сходство с Новгородско-Псковскими в этом отношении, однако, не доказывает прямого переселения

оттуда, так как территория Белозерья отделена от них обширным Бабаевским районом, в котором соотношение противоположно. Для сравнения можно привести, что в списках жителей г. Великий Устюг 1793 г. фамилии от канонических имен составляли только 10%.

Итожа первую попытку описать фамилии Вологодской области, можно очертить 6 регионов: 1. **Северо-запад** (в основном Вытегорский район). Отсутствие «лидирующей» фамилии, наибольшее количество локальных (в том числе архаичных), наличие карельских фамилий у многих русских семей. 2. **Север Белозерья** — территория западней и северо-восточней Белого озера. Исключительно высокая частота *-ичев*, высокая частота фамилий от канонических имен. 3. **Юго-запад**. При количественном преобладании фамилии *Смирнов* и других черт фамилий Северного Поволжья значительна частота фамилии *Иванов* и другие особенности фамилий новгородско-псковских (повышенная частота фамилий из канонических имен). 4. **Центральные районы и юг** — от Череповецкого района до Грязовецкого на юге и Вожегодского на севере. Преобладает фамилия *Смирнов*, часты другие фамилии Северного Поволжья (*Соколов*). 5. **Северо-восток**. Преобладает фамилия *Попов*, значительна частота фамилии *Кузнецов*, наибольшая в стране частота фамилий на *-ский* и другие северодвинские черты, наличие *-их*, *-ых*. 6. **Юго-восток**. Те же черты, как и в регионе 5, но в меньшем количественном выражении.

Ю. И. Чайкина

ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДОЛЖНОСТНЫХ ФАМИЛИЙ ВОЛОГДЫ

(На материале деловой письменности XVII — первой
половины XIX вв.)

В связи со становлением исторической антропоники вопрос о формировании русских фамилий все более привлекает внимание лингвистов¹. Развитие фамилий во многом обуслов-

---

¹ Зинин С. И. Русская антропонимия XVII—XVIII вв. (На материале переписных книг городов России). АКД. Ташкент, 1969; Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972; Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, Никонов В. А. География русских фамилий. ВЯ, 1983, № 2 и др.

лено изменениями в социально-экономической жизни общества, поэтому исследование данной разновидности антропонимов проливает свет на некоторые стороны материальной и духовной жизни русского общества. Изучение фамилий с лингвистической точки зрения интересно потому, что значительная часть их обнаруживает большую близость к апеллятивной лексике, нежели личные имена и отчества. Устойчивость фамилий, переходящих от поколения к поколению, делает их ценнейшим материалом для реконструкции апеллятивной лексики, утраченной словарем².

В последние два десятилетия глубоко и всесторонне исследовано развитие белорусских и украинских фамилий³. История русских фамилий изучена пока еще применительно не ко всей территории Русского государства. В результате обследования переписных книг и ревизских списков жителей Москвы и некоторых ближних городов (Углича, Ростова, Рязани, Твери и др.) исследовано развитие фамилий в центральных уездах Московского государства⁴. История формирования фамилий более отдаленных от Москвы городских центров и уездов рассмотрена явно недостаточно, хотя в последнее время появилось значительное число работ, авторы которых на основе рассмотрения современных фамилий пытаются выявить историю их формирования на той или иной территории⁵.

Если говорить об отдельных относительно замкнутых регионах, то более других повезло в этом отношении Донской земле. Это едва ли пока не единственная отдаленная от центральных уездов территория, формирование фамилий на которой убедительно прослежено на значительном материале письменных источников XVI—XX вв.⁶

Несмотря на известную общность процессов формирова-

---

² Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря русских фамилий. (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России). — Сб. Этимология, 1966. М., 1968, с. 27.

³ Бірыла М. В. Беларуска антрапанія. Мінск, 1966; Ху-даш М. Л. Украинская антропонимия XIV — начала XIX вв. (Мужские именования). АДД. Ужгород, 1980.

⁴ Зинин С. И. Русская антропонимия XVII—XVIII вв. Помимо центральных городов, в названной работе к исследованию привлекалась антропонимия Устюга Великого, Вятки и Иркутска.

⁵ Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. I — в кн.: Этимология 1970. М., 1972; II — в кн.: Этимология 1971. М., 1973; III — в кн.: Этимология 1973. М., 1975; Он же. Из словаря русских фамилий. РР, 1976, № 1—6; 1977, № 2—6; 1978, № 1—6; 1979, № 1—6 и др.

⁶ Щетинин Л. М. Русские имена. РГУ, 1975.

ния русских фамилий, на разных территориях Московского государства наблюдались определенные региональные различия. Не вызывает сомнения тот факт, что показать развитие общерусской системы именования за счет формирования третьего компонента — фамилии, можно лишь после того, как будет прослежено становление данного вида антропонимов в разных регионах Русского государства.

Настоящая работа посвящена изучению процесса формирования одной группы фамилий — профессионально-должностных — в северном уездном центре Московского государства — в г. Вологде. Исследование проводилось на материале четырех источников (три из них рукописные): Списка с писцовой книги г. Вологды за 1629 г.⁷, Книги переписной (перепись всех домов и строений г. Вологды 1711—1712 гг.) переписи и меры Василия Пикина и Ивана Шестакова (ГАВО, ф. 2р, № 7874)⁸, Пятой ревизии о купцах и мѣщанахъ г. Вологды за 1795 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 4369), Списка г. Вологды обывателей по алфавиту за 1830 г. (ГАВО, ф. 14, оп. 3, № 171). В работе проводилось сопоставление профессиональных именований Вологды с антропонимией Устюга Великого⁹.

Существуют разные мнения по поводу того, в какой период формируются фамилии городского населения Русского государства. Как считает В. К. Чичагов, процесс образования русских фамилий закончился к началу XVII в.¹⁰. По мнению С. И. Зинина, основная масса городского мещанства в XVIII в. еще не имела фамилий и писалась по имени и отчеству¹¹. В Москве только к концу XVIII в. стала доминировать трехчленная формула именования¹². Не оформились фамилии как особый вид антропонимов в XVIII в. и на Дону¹³. Еще далее отодвигает период, в течение которого про-

⁷ Список опубликован в кн.: Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.

⁸ В ГАВО хранится машинописная копия данной книги (Фонд «Вологодское общество по изучению Северного края» — 652, оп. 1, № 37).

⁹ Устюг Великий. Сотная книга 1630 г.; Сказки 1721 г. Устюга Великого о грацкихъ посацкихъ людяхъ. — Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.

¹⁰ Чичагов В. К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с. 124.

¹¹ Зинин С. И. Структура русских антропонимов XVIII в. — Сб. Ономастика, М., 1969, с. 80.

¹² Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию, с. 32.

¹³ Петинин Л. М. Русские имена, с. 104.

исходит становление фамилий у городского населения России, В. А. Никонов: «Фамилии у горожан, ...не установились окончательно и в начале XIX в.»¹⁴

Неоднозначность высказанных мнений объясняется тем, что, по-видимому, в разных городах формирование фамилий протекало не с одинаковой степенью интенсивности и закончилось не в один и тот же период. Следует учесть вместе с тем не одинаковую по городам степень активности в процессе фамилиетворчества разных по семантике производящих слов. Наконец, разные мнения по данному вопросу определялись еще и недостаточной дифференциацией таких типов антропонимов, как фамилии и фамильные прозвания¹⁵.

История становления профессионально-должностных фамилий ряда русских городов уже была предметом внимания лингвистов¹⁶. В настоящей работе ставятся следующие задачи: 1) выявить семантику фамилиеобразующих слов, 2) установить период, в течение которого в г. Вологде сформировались профессионально-должностные фамилии. Основная цель статьи — показать место вологодских фамилий в общерусском процессе становления фамилий данного класса.

Профессионально-должностные фамилии составляют значительную группу в составе вологодских фамилий, поскольку с давних пор профессия или должность — важные признаки человека, определяющие его место в обществе. Распространенность такого рода фамилий в Вологде тесно связана с особенностями социально-экономической жизни этого крупного торгового центра Северо-Восточной Руси. Известно, что Вологда была расположена на важном торговом пути, соединявшем центральные уезды Московского государства с Архангельском и Сибирью. Оживление торгово-промышленной деятельности города в XVII в., связанное в первую очередь с обслуживанием торгового пути, обусловило высокую

---

¹⁴ Никонов В. А. Имя и общество, с. 17.

¹⁵ В связи с установившимся мнением основным признаком фамильного прозвания, занимающего промежуточное положение между прозвищем и фамилией, мы считаем оформление его суффиксами -ов или -ин. В отличие от фамилии фамильное прозвание «могло и не переходить по наследству, а распространяться на лиц одной семьи в пределах одного поколения». Зинин С. И. Принципы построения словаря русских фамильных прозваний XVII в. — Сб. Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 189.

¹⁶ Зинин С. И. Фамильные прозвания XVII в. как дополнительный источник экономической характеристики городов. — Сб. Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971; Щетинин Л. М. Русские имена и др.

степень ремесленной дифференциации городского населения.

Существует мнение, что профессиональные фамилии активнее были закреплены за одним социальным слоем городского населения-купечеством. Однако эта мысль не соответствует действительному положению дел. Значителен процент такого рода фамилий у посадского населения (позднее — мещан), поскольку в XVII в. городские ремесленники не только изготавливали определенный товар, но и продавали его на рынке. Отличить вологодского ремесленника от торговца часто не представляется возможным, ибо они обычно совмещались в одном лице¹⁷.

1. Профессиональные именованья жителей Вологды в первой четверти XVII в.

Судя по данным Писцовой книги 1629 г., к названиям ремесленников, занимавшихся выделкой кожи и изготовлением из полученного фабриката готовых изделий, относились: *кожевникъ* 'тот, кто выделывает кожи' — Сл. РЯ XI—XVII, VII, 220; *дуботолкъ* 'тот, кто толчет корье для дубления' — Сл. РЯ XI—XVII, IV, 370 (Исачко Ивановъ с. *Дуботолкъ* — с. 178); *мездреникъ* (Пронка Семеновъ с. *Мездреникъ* — с. 180); *сырейщикъ* (Вахромейко *Сырейщикъ* — с. 49); *сыромятникъ* 'специалист по выделке особой кожи, идущей на упряжь'¹⁸ (Федка Еуфимьевъ с. *Сыромятникъ* — с. 49); *овчинникъ* 'выделывающий овчину' — Д, II, 641 (Калинка *Овчинникъ* — с. 126); *сѣдельникъ* 'седельный мастер' — Д, IV, 183 (Васка Лавреньевъ с. *Сѣдельникъ* — с. 171); *хомутинникъ* 'шорник, работающий хомуты' — Д, IV, 560 (Овдѣйка Федоровъ с. *Хомутинниковъ* — с. 33); *шлейникъ* (Федоско *Шлейниковъ* — с. III); *кнутникъ* 'тот, кто делает и продает кнуты' — Сл. РЯ XI—XVII, VII, 201 (Степанко Филипповъ с. *Кнутникъ* — с. 169); *скорнякъ* 'тот, кто выделывает шкуру на мех' — Д., IV, 192 (Левка *Скорнякъ* — с. 61); *бобровникъ*

¹⁷ В. И. Ленин установил три этапа в развитии мелкой промышленности. Отличительной особенностью третьего периода является то, что ремесленник изготавливает товар и продает его на рынке непосредственно или через скупщика. Ленин В. И. Соч., т. 3, гл. V, § 1 и 2, 4 изд.

¹⁸ Закупра Ж. А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV—XVI вв., Канд. дис. Киев, 1973, с. 149.

'скорняк' — Сл РЯ XI—XVII, I, 253 (Ивашко *Бобровникъ* — с. 55); *собольникъ* (Микитка Яковлевъ с. *Собольниковъ* — с. 13).

К названиям лиц, занимавшихся прядением и ткачеством и торговлей готовыми изделиями, относятся *прядильщикъ* 'кто прядет на прядильне, прядильный мастер' — Д., III, 533 (Сергушка Ефремовъ с. *Прядильщикъ* — с. 126); *холщевникъ* 'холщевый торговец' — Д, IV, 560 (Первушка *Холщевникъ* — с. 180); *шелковникъ* 'торгующий шелком' — Д, IV, 627 (Пинайко Федоровъ с. *Шелковникъ* — с. 127); *сермяжникъ* (Максимко *Сермяжникъ* — с. 166); *бѣлильникъ* 'тот, кто моет и белит холсты, сукна' — Сл РЯ XI—XVII, I, 132 (Ивашко *Бѣлильникъ* — с. 83); *красильникъ* 'красильщик' — Сл РЯ XI—XVII, VIII, 15 (Евтихейка Левоньевъ с. *Красильникъ* — с. 101); *мережникъ* (Первушка *Мережникъ* — с. 103).

Ремесленники, работающие с металлом, обозначаются лексемами *кузнецъ* (Микулка *кузнецъ* — с. 100); *котельникъ* 'тот, кто изготавливает и чинит котлы и медную посуду, медник' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 380 (Дружинка Семеновъ с. *Котельникъ* — с. 157); *замочникъ* 'тот, кто изготавливает и продает замки' — Сл РЯ XI—XVII, V, 245 (Терешка *Замочникъ* — с. 66); *оловеникъ* 'отливающий оловянную посуду' — Д, II, 671 (Михалко Петровъ с. *Оловеникъ* — с. 171); *серебреникъ* 'серебряных дел мастер' — Д, IV, 176 (Данилко *Серебряникъ* — с. 114).

Многочисленны названия лиц, основным занятием которых является строительное дело, а также производство изделий из дерева и глины. К этой группе относятся слова *городникъ* 'плотник, строитель укреплений' — Сл РЯ XI—XVII, IV, 92 (Перфилко Федоровъ с. *Городникъ* — с. 179); *городчикъ* (Сенка *Городчиковъ* — с. 107); *плотникъ* (Ивашко *плотникъ* — с. 105); *мостовицкъ* 'строитель, подрядчик, держатель или рабочий моста' — Д, II, 350 (Приезжайка Семеновъ с. *мостовицкъ* — с. 180); *оконичникъ* 'стекольник вставляющий окончины' — Д, II, 644 (Ивашко Маркеловъ с. *Оконичникъ* — с. 66); *пошевникъ* 'тот, кто изготавливает пошевни, широкие сани' (Самсонко Игнатьевъ с. *Пошевникъ* — с. 173); *судоплат* 'строитель кораблей'¹⁹, *веретенникъ* 'тот, кто изготавливает веретена' — Сл РЯ XI—XVII, II, 86 (Минайко *Веретенникъ* — с. 110); *каменицкъ* (*каменицкъ* Калинин-

¹⁹ Арцыховский А. В. Новгородские ремесла в XVI в. — Новгородский исторический сборник, вып. VI. Новгород, 1939, с. 15.

ка — с. 98); *кирпитчикъ* 'тот, кто делает кирпичи' — (Сл РЯ XI—XVII, VII, 136), *печникъ* (Левка Тимофеевъ с. *Печникъ* — с. 175); *горшечникъ*, *черепанъ* — влгд., прм., вят., сиб. — 'горшечник, гончар' — Д, IV, 593 (Ивашко *Черепанъ* — с. 128).

Разнообразен круг названий ремесленников, производящих продукты питания и продающих их. Ср.: *хлѣбник* 'кто печет и продает хлеб' — Д, IV, 533 (Куземка Афанасьевъ с. *хлѣбникъ* — с. 181); *солоденикъ* 'содержатель солодовни, торговец солодом' — Д, IV, 267 (Юдка *Солоденикъ* — с. 182); *толокняникъ* (Данилко *Толокняникъ* — с. 182); *крупеникъ* 'тот, кто готовит на продажу кушанья из круп, торговец этими кушаньями' — Сл РЯ XI—XVII, VIII, 87 (Дружинко *Крупеникъ* — с. 106); *калачникъ* 'тот, кто печет, и тот, кто продает калачи' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 33 (Микитка *колачникъ* — с. 114); *пирожникъ* 'кто печет пироги, торгует ими' — Д, 111, 12 (Ивашко Парфеньевъ с. *пирожникъ* — с. 105); *мельникъ*, *харчевникъ* 'хозяин харчевни' — Д, IV, 543 (Насонко *Харчевникъ* — с. 123); *изюмникъ* (Гришка Семеновъ с. *Изюмникъ* — с. 57); *винокуръ*, *квасникъ* 'тот, кто делает квас на продажу' (Патракейка *квасникъ* — с. 107), *кисельникъ* 'тот, кто варит и продает кисель' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 137 (Богдашко *Кисельникъ* — с. 109); *сусленикъ* 'кто варит и продает сусло' — Д, IV, 364 (Лучка Ивановъ с. *Сусленикъ* — с. 107); *пивовар*, *мясникъ* 'промысляющий мясной торговлей' — Д, 11, 374; *рыбникъ* 'рыбный торговец' — Д, IV, 116 (Будайко *Рыбникъ* — с. 50); *масленикъ* 'продавец или возчик коровьего или постного масла, хозяин маслобойни' — Д, 11, 303 (Гришка Егоровъ с. *Масленикъ* — с. 65); *соляникъ* 'торговец солью' (Максимко Гавриловъ с. *соляникъ* — с. 55).

Отмечены названия лиц, связанные с изготовлением и продажей одежды и обуви. К числу их относятся *портной мастеръ* (Любимко *портной мастеръ* — с. 108), *колпачникъ* 'тот, кто делает колпаки' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 253 (Онашка Дмитриевъ с. *Колпачникъ* — с. 58); *шапочникъ* (Томилко *Шапочникъ* — с. 137); *шубникъ* (Ивашко Ивановъ с. *Шубникъ* — с. 137); *рукавичникъ* (Филька *Рукавичникъ* — с. 138); *пугвичникъ* (Тимошка Гордѣевъ с. *Пугвичникъ* — с. 37); *сапожникъ* (Михейко *Сапожникъ* — с. 178); *лапотникъ* (Офонка Ивановъ с. *Лапотникъ* — с. 159).

Фиксируются названия людей, торгующих овощами: *огородникъ* (Куземка Олексѣевъ с. *огородникъ* — с. 175); *зелен-*

щикъ (Обрамка Васильевъ с. *Зеленищикъ* — с. 176); *луковникъ* (Дениска *Луковникъ* — с. 143); занятых изготовлением свеч и мыла: *сальникъ*, *свѣчникъ* (Иевко *Свечникъ* — с. 135); *мыльникъ*; торговлей: *барышникъ* 'посредник в торговле, перекупщик' — Сл. РЯ XI—XVII, 1, 76 (Ортюшко, Илейка, Матюшка Прокофьевы дѣти *Барышниковы* — с. 176); *ветошник* 'торговец ветошью' — Сл. РЯ XI—XVII, 11, 123 (Ивашко *Ветошниковъ* — с. 69); *щепетиньникъ* — (*щепетникъ*) 'торговец мелким товаром' — Д, IV, 69), (Ивашко *щепетинникъ* — с. 106); лечением людей: *рудометъ* 'кровопускатель, кто промышляет этим делом' — Д, IV, 108 (Васка *Рудометъ* — с. 180).

Особые названия имели разнорабочие (грузчики) разных промыслов: *подъемщикъ* (Терешка Микитинъ с. *подъемщикъ* — с. 180), *солонось* (Онтонко *солонось* — с. 172); *оснач* 'рабочий, выполняющий на судах всю черную работу'²⁰ (Путилко Родионовъ с. *Оснач* — с. 176).

О наличии художественных промыслов, театральных представлений свидетельствуют такие названия: *олмазникъ* 'шлифовальщик драгоценных камней' — Сл. РЯ XI—XVII, 1, 30 (Васка *Олмазникъ* — с. 57); *иконникъ* 'иконописец, художник' — Сл. РЯ XI—XVII, VI, 220 (Карпикъ *иконник* — с. 179); *четочник* (Васка *Четочникъ* — с. 162); *веселой* 'скоморох, певец, музыкант, плясун' — Сл. РЯ XI—XVII, 11, 112 (Петрушка *Веселой* — с. 63).

Помимо названий профессий, в Писцовой книге г. Вологды 1629 г. фиксируются термины, обозначающие должности. К числу их относятся такие слова, как *стрѣлецъ*, *рассылщик*, *пушкарь*, *воротникъ* 'тот, кто охраняет городские ворота, караульный' — Сл. РЯ XI—XVII, III, 35, *пролубщикъ* 'содержатель портомойной проруби и сборщик' — Д, III, 506 (Васка Никитинъ *Пролубщикъ* — с. 173); *могильник* 'могильщик' (Сергушка Григорьевъ с. *Могильникъ* — с. 178), *водовозъ* (Васка Ивановъ с. *водовозъ* — с. 174) и др.

В названиях профессий рельефно отражается социально-экономическая жизнь Вологды начала XVII в. Обслуживание водным и гужевым транспортом важнейшего торгового пути обусловило в пределах города узкую специализацию таких промыслов и ремесел, как кожевенное дело, прядение и ткачество, кузнечный промысел, производство продуктов пита-

---

²⁰ Устюгов Н. В. Работные лица на Сухоно-Двинском водном пути. Исторические записки, 1940. № 6, с. 167—194.

ния. Значительное развитие имело в Вологде строительное дело.

Вопрос в том, какие компоненты входили в состав именований в XVII в.—только ли личное имя, отчество и прозвище или включались еще названия лиц по профессии, месту жительства и сословному положению — до сих пор остается спорным²¹. Вряд ли можно однозначно ответить на поставленный вопрос при исследовании документов разных территорий. Ответ может зависеть и от других причин и в первую очередь от характера складывающихся, становящихся устойчивыми местных моделей именования. Обратимся к материалам Писцовой книги г. Вологды 1629 г.

Названия профессий и должностей в ней различались местоположением относительно личного имени. Названия должностей и отдельных профессий стояли перед личным именем. Например: *стрѣлецъ* Левка Онаньинъ (с. 99), *пушкаръ* Костка Тимофѣев (с. 98), *россыльщикъ* Грязко Сухаринъ (с. 98), *воротникъ* Данилка Вахрамѣевъ (с. 98), *каменищикъ* Фадейка (с. 110), *кирпитчикъ* Тренка Самсоновъ (с. 110), *мясники* Ермола да Рычко Ивановы (с. 169), *солодьяники* Дружинка Тарасьевъ да Гришка Корела (с. 158) и др.

Наименование же профессии располагалось обычно после личного имени, если человек именовался одним личным именем, или после личного имени и полуотчества, если в состав антропонимической модели входило два компонента. Например, после личного имени — Васка *Олмазникъ* (с. 57), Левка *Извощикъ* (с. 184), Богдашко *Кисельникъ* (с. 109), Омелька *Ямщикъ* (с. 52) и т. д. (всего 76 именований); после личного имени и полуотчества — Фомка Сидоровъ с. *Дуботолкъ* (с. 178), Пинайко Федоровъ с. *Шелковникъ* (с. 129), Филька Ондрѣевъ с. *Сыромятникъ* и др.

Есть основания считать слова второй группы, располагающиеся в постпозиции по отношению к личному имени, не просто названиями по профессии. Как личные имена, полуотчества и прозвища они выделяли именуемого, выполняя тем самым различительную функцию. В таком значительном городе, каким являлась Вологда в первой четверти XVII в., именование лица только с помощью личного имени было явно недостаточным, поскольку переход на календарные

²¹ Никонов В. А. До фамилий. — Сб. Антропонимика. М., 1970, с. 85—87; Зинин С. И. Введение в русскую антропонию, с. 23; Худаш М. Л. Украинская антропонимия..., с. 10 и др.

имена привел к сужению круга именований. В этих условиях название по профессии, как полуотчество и прозвище, начинает выполнять различительную функцию. Писцы не проводили различия между собственно антропонимами и названиями лиц по профессии, ибо все эти слова являлись различителями именуемых. Приведем примеры двучленных и трехчленных моделей именования посадских людей: Данилко *Серебреникѣ* да Микитка *Колачникѣ* да Неупокойко *Ивановѣ* с. 114), лавка посадсково человѣка Васьки *Сѣдельника*, а напередѣ тово была посадсково человѣка Олешки *Паута* (с. 47), дворѣ тяглою Офонки *Карзина* да Шумилка *Котельника* (с. 158); Гришка Семеновѣ с. *Изюмникѣ* (с. 57), Михайло Вахромѣев с. *Шолудякѣ* (с. 106), Михалко Ульяновѣ с. *Шапейковѣ* (с. 175), Якушко Тимофѣев с. *Щука* (с. 107).

Итак, названия по профессии, расположенные в постпозиции по отношению к личному имени, выполняли две функции: указывали на профессию и выделяли именуемого, приближаясь к антропонимам — прозвищам. Подтверждают данное положение двух- и трехчленные антропонимические структуры с наличием прозвища. У всех у них постпозитивные названия по профессии обычно отсутствуют, поскольку в дополнительных различительных компонентах именуемый не нуждается. Например: Петрушка *Безпортошникѣ* (с. 168), Дружинка *Сума* (с. 41), Филька Дементьевѣ с. *Брилинѣ* (с. 53), Баженко Семеновѣ с. *Мякишевѣ* (с. 170), Якушко Лукьянов с. *Хорѣ* (с. 46) и пр. Исключения весьма немногочисленны: Павликѣ Корела *хлѣбникѣ* (с. 104), Ларка *иконник* Кривошея (с. 157).

Вернемся к названиям должностей и профессий, стоящим перед личным именем. Помимо названий должностей (*стрѣлец*, *россыльщикѣ*, *пушкарѣ* и др.), в препозиции находились в ряде случаев названия таких профессий, как *кузнецѣ*, *каменщикѣ*, *кожевникѣ* и некоторые другие. Характерно, что именно такие должности и профессии были в тот период в Вологде наиболее распространенными. Судя по материалам Писцовой книги 1629 г., стрельцов было 102 человека, пушкарей — 20, рассыльщиков — 15, каменщиков — 50, кузнецов — 40 и т. д. В силу распространенности должностей и данных профессий названия их не могли выполнять различительную функцию, они не входили в состав антропонимической модели, оставаясь просто названием должности и про-

фессии. Не случайно, что эти слова одинаково активно употребляются перед двучленными и трехчленными структурами и при наличии прозвищ. Например: *россыльщик Михалко Лоскутъ* (с. 98), *каменищик Богдашко Пугвиткинъ* (с. 95), *россыльщик Васка Стерлявка* (с. 99), *кожевники Ивашка да Лучка Ивановы дЪти Глотовы* (с. 160), *солодьяникъ Якушко Тимофѣевъ с. Щука* (с. 159) и т. д.

Т. о., чем реже профессия, тем активнее название ее становится фамилеобразующим.

Уже в первой четверти XVII в. в деловой письменности г. Вологды можно наблюдать приобретение некоторыми прозвищами, восходящими по происхождению к названиям профессий и занимающими постпозитивное положение в составе модели, признаков фамильного прозвания. Из 100 разнокорневых профессиональных прозвищ, отмеченных в Писцовой книге 1629 г., 20 осложнены притяжательным суффиксом -овъ, т. е. по внешнему виду совпадают с современными фамилиями. Например: *Ивашко Ветошниковъ* (с. 19), *Сенка Городчиковъ* (с. 107), *сапожники Петрушка да Степанка Петровы дЪти Звонаревы* (с. 183), *Олешка Анфимовъ с. Коноваловъ* (с. 184), *Баженко, Парфенка, Трофимко Тихоновы дЪти Мельниковы* (с. 183), *Маркушка да Ондришка Оконичниковы* (с. 178) и др. Помимо повторяющихся именований *Оконичниковъ, Пономаревъ, Звонаревъ*, все остальные отмечены по одному разу.

Сближение с фамильными прозваниями состоит в том, что профессиональные прозвища, осложненные суффиксом -овъ, являются в большинстве случаев «семейными», т. е. объединяют членов одной семьи, родных братьев. Ср.: *Пятулька, Гришка, Сидорко Иконниковы* (с. 172), но *Гришка Семеновъ Иконникъ* (с. 57), *Карпикъ Иконникъ* (с. 179) и др. Именования, оформленные суффиксом -овъ, последовательнее употреблялись в составе антропонимических моделей, характерных для купеческого сословия. Например: *купец Софонко Офонасьевъ с. Шапошниковъ* (с. 30), *купец Овдѣйко Федоровъ с. Хомутильниковъ* (с. 33), *купец Трифонко Васильевъ с. Пономаревъ* (с. 27), но — *купец Левка Микитинъ с. Свѣчникъ* (с. 33), *купец Буданко Ивановъ с. Рыбникъ* (с. 28).

О неустойчивости фамильных прозваний на -овъ в XVII в. свидетельствует тот факт, что одно и то же лицо могло получить именование и с суффиксом -овъ и без него: *Маркуш-*

ка *Оконичникъ* (с. 35), Маркушка да Ондрюшка *Оконичниковъ* (с. 178).

Писцовая книга 1629 г. отражает переход профессиональных прозвищ от отца к сыну, что также является одним из признаков фамилии: дворникъ бобыль Ивашка Алексѣев с. *Прядильщика* (с. 114), Онашка Дмитриевъ с. *Колпашникъ* (с. 58), Богдашка Онаньинъ с. *Колпачникъ* (с. 105), Маркушка *Оконичникъ* (с. 35), Ивашко Марковъ *Оконичникъ* (с. 35) и др.

Сравнительно немногочисленны случаи, когда интересующие нас именованья уже не указывают на профессию. Речь идет о лицах, которые в момент переписи имеют уже иную профессию, так что последний компонент их именованья является прозвищем в чистом виде. Например: бобыль Первушка *Мережникъ*, Первушка ходитъ въ ярыжныхъ на судехъ (с. 153), каменщикъ Минейко *Веретенникъ* (с. 110), каменщикъ Насонко *Харчевникъ* (с. 123), дьяконъ Гаврилка *Замочникъ* (с. 124), пушкаръ Поспѣлка *Оконичникъ* (с. 99), Ивашко *Плотникъ*, а Ивашко живетъ по людѣмъ въ наемныхъ казаках, дѣлаетъ черное дѣло (с. 167) и др.

Развитие профессионально-должностныхъ фамилий в каждом крупном населенном пункте в первой трети XVII в. имело свою специфику. В Сотной книге Устюга Великого 1630 гг. города, расположенного на том же торговом пути, находит отражение значительное количество названий профессий, причем большинство их было отмечено и в писцовой книге Вологды. В сравнении с Вологдой в Устюге более своеобразна система названий лиц, занятых в судовождении. Например: *носовщик* (Мишка Ивановъ Жуковъ, ходитъ на судѣхъ въ *носовщикахъ* — с. 12), *кормщикъ* (Сенка Павловъ Батаковъ, *кормщикъ* судовой — с. 22), *ярыжной* 'чернорабочий судна' (Богдашко Тимофѣевъ *Бѣлоноговъ*, *ярыжной* — с. 24) и т. д.

В Сотной книге 1630 г. фиксируются специфические для Устюга названия типа *волнотепъ* 'шерстобит' (СРНГ, V, 44), *кошечникъ* 'скупщик кошек и кошачьихъ шкур' (Сл РЯ XI—XVII, VII, 395), *козичникъ* 'тот, кто делаетъ козицы (мешки из шкур)' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 223.

Название профессии в Сотной более последовательно, нежели в Писцовой книге г. Вологды, приводится после именованья лица.

Материалы устюжской Сотной книги свидетельствуют о большей устойчивости в деловой письменности города в сравнении с Вологдой двукомпонентных и трехкомпонентных именовании. Первые состояли из личного имени и полуотчества, вторые — из личного имени, полуотчества и фамильного прозвания. Например: Ромашко Анфилофьевъ, *портной мастеръ* (с. 15), Петрушка ФедосѢевъ, *сапожникъ* (с. 15), Митька Мануйловъ, *крупеникъ* (с. 10), Харитонко Фоминоу Косолапъ, *крупеникъ* (с. 18), Васка Ивановъ Соплинъ, *портной мастеръ* (с. 23), Якушко Чуксинъ, *харчевникъ* (с. 13) и т. д. Именования, состоящие из одного личного имени, почти не употреблялись. Двукомпонентные и трехкомпонентные структуры сложились и устоялись в Устюге значительно ранее, чем в Вологде. Уже в местной деловой письменности XVI в. широко представлены двух- и трехчленные модели, служившие средством именования не только городских посадских людей, но и крестьян Устюжского уезда²².

В этих условиях название профессии в Устюге в начале XVII в. не входило в состав антропонимической структуры, поскольку в нем не было необходимости, различительную функцию выполняло наряду с личным именем полуотчество или фамильное прозвание. Этим объясняется почти полное отсутствие в устюжской письменности антропонимических структур типа *Сенка Горшечник*. Если в Писцовой книге Вологды их 76, то в Сотной Устюга — всего 9. Приведем некоторые: Ивашко *Веретенникъ*, торгует рыбою (с. 121), Михалка *Завязошникъ* (с. 91), дворникъ Силка, *колачникъ* (с. 11), Ондрюшка *Оловенишникъ* (с. 12) и др.

Еще реже названия по профессии зафиксированы в позиции после личного имени и полуотчества (Шестачко Романовъ да с. ево Ивашко *Веселые* — с. 17; Ивашко Денисовъ *Ковшовниковъ* — с. 12).

Т. о., если в деловой письменности Вологды в состав антропонимических структур активно вовлекаются названия профессий, выполняющие функцию прозвищ, а потом — фамильных прозваний, то в Устюге Великом сложившиеся устойчивые двух- и трехчленные именования препятствуют этому.

---

²² АХУ, II—III; Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Устюг Великий, 1912.

2. Профессиональные именованья в начале XVIII в.

Разнообразен и обширен круг профессиональных именовань в Переписной книге г. Вологды 1711 г. Судя по материалам данного источника, эволюция антропонимов, восходящих по происхождению к названиям по профессии, в XVII — начале XVIII вв. развивалась в двух направлениях: за счет расширения круга слов, являющихся базой для образования такого рода именовань, и по пути дальнейшего перехода фамильных прозваний в фамилии.

На протяжении всего XVII в. Вологда сохраняет свое значение крупного промышленного центра. Переписная книга 1711 г. не отражает возникновения в городе новых промыслов и ремесел, но свидетельствует о более узкой специализации тех из них, которые были характерны для первой четверти XVII в.

Расширение круга профессий, а отсюда и пополнение в начале XVIII в. группы фамильных прозваний, восходящих к названиям по занятиям именуемых, было характерно для следующих промыслов и ремесел: а) строительного: *конопатчикъ* (Иван Калининъ *Конопатчикъ* — № 1298), *карбасникъ* (Аврамъ Федоровъ с. *Карбасникъ* — № 1639), *строгальщикъ* — (Дмитрей *Строгальщик* — № 1094), *санникъ* 'мастер, работающий сани или дровни' — Д, IV, 137 (Михайло Андрѣевъ с. *Санниковъ* — № 373);

б) связанных с обработкой металлов: *гвоздарь* 'кузнец, делающий гвозди' — Сл РЯ XI—XVII, IV, 14 (Семень Романовъ с. *Гвоздарь* — № 874), *мѣдникъ* 'работающий медную посуду и другие вещи' — Д, II, 368 (Лука Михайловъ *Мѣдникъ* — № 223), *паяльщик* (Михайло Ивановъ с. *Паяльщикъ* — № 388);

в) прядильно-ткацкого: *колотильщикъ* 'ремесленник, колочением обрабатывающий ткань' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 252 (Миронъ Ивановъ с. *Колотильщикъ* — № 1838), *крашениникъ* 'ремесленник, занимающийся крашением холстов' — Сл РЯ XI—XVII, VIII, 27 (Меркурий Калистратовъ с. *Крашениникъ* — № 32), *войлочникъ* 'тот, кто делает войлоки' — Сл РЯ XI—XVII, II, 310 (Дружинка Яковлевъ *Войлошникъ* № 312), *бечевник* 'тот, кто изготовляет бечеву', *бечева* 'канат для тяги судов против течения' — Сл РЯ XI—XVII, I, 183 (Прокофей Ивановъ с. *Бечевниковъ* № 502), *мешинникъ*

(*мешечник* — 'шьющий мешки, торгующий ими' — Д, II, 372), Козма Степановъ с. *Мешинниковъ* — № 1628;

г) кожанного: *ременникъ* (*ременищикъ* 'кто выделяет ремни, особенно сыромятные' — Д, IV, 91), Андрей Андрѣевъ с. *Ременниковъ* — № 42; *узденникъ* (Михайло Емельяновъ *Уздениковъ* — № 1253), пушникъ *пушняр* — стар. меховщик, скорняк' — Д, III, 546), Сергей Лукинъ *Пушникъ* — № 1248, Никита Михайловъ *Пушниковъ* — № 1877.

Особенно расширился круг антропонимов, образованных от названий лиц, занятых изготовлением одежды и обуви, приготовлением пищи: *нашивочникъ* 'мастер, изготавливающий нашивки' (Сл РЯ XI—XVII, X, 322) Васильевская жена *Нашивошникова* — № 516, *подшивало* 'кто подшивает что-либо' — Д, III, 217 (Яковъ Ивановъ с. *Подшиваловъ* — № 1001), *чулочникъ* 'чулочный ткач' — Д, IV, 614 (Маркъ Степановъ с. *Чюлошникъ* — № 1803), *швецъ* влгд., тмб., прм., нвг., ол. 'портной, кто шьет одежду' — Д, IV, 635 (Иванъ Никулинъ *Швецовъ* — № 1530), *башмачник* 'сапожник' — Сл РЯ XI—XVII, I, 82 (Максимъ Корниловъ с. *Башмачникъ* — № 2121), *котовикъ* (*котовщик* 'мастер, изготавливающий коты', *коты* 'вид теплой обуви' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 383), Кирилъ Антоновъ *Котовикъ* — № 1873; *гребенищикъ* 'ремесленникъ, изготавливающий гребни, торговец гребнями' — Сл РЯ XI—XVIIIV, 126 (Максимъ Сидоровъ *Гребенищикъ* — № 1452); *витушешникъ* (*витушки* 'плюшки' — Сл РЯ XI—XVII, II, 199), Анна Федосиева дочь Павловская жена *Витушешникова* — № 2021; *овсяникъ* (Сидор Ивановъ с. *Овсяниковъ* — № 266), *пряничникъ* 'кто печет пряники, торгует ими' — Д, III, 555 (Гарасимъ Андрѣевъ с. *Прянишникъ* — № 1225); *пшеничникъ* (Карпъ Евстафьевъ *Пшеничник* — № 723, Павелъ *Пшеничниковъ* — № 1166) и т. д.

Пополнились группы антропонимов, восходящих по происхождению к названиям лиц, связанных с огородом, соляным делом, торговлей: *морковникъ* (Иванъ Федоровъ с. *Морковникъ* — № 1896), *орѣшникъ* (Ефтафѣй Федоровъ с. *Орѣшникъ* — № 575), ягодникъ 'кто торгует ягодой' — Д, IV, 673 (Дмитрей Ивановъ с. *Ягодниковъ* — № 150), *соловолокъ* (Вахромей Никитинъ с. *Соловолокъ* — № 332), *солонось* 'работник для носки соли при погрузке и разгрузке судов' — Д, IV, 269 (Карпъ Афанасьевъ с. *Солоносовъ* — № 212), *москотильникъ* 'торгующий москотью, красивыми и аптечными товарами' — Д, II, 349 (Степанъ Лукинъ с. *Москотильни-*

ковъ — № 248), 'коробейникъ' тот, кто торгует мелким товаром вразнос (с короба) — Сл РЯ XI—XVII, VII, 330 (Алексей Кондратьевъ с. *Коробейникъ* — № 2153).

Ряд профессиональных антропонимов свидетельствует о дальнейшем развитии художественных промыслов: *золотарь* 'золотых дел мастер, ювелир' — Сл РЯ XI—XVII, VI, 56 (Василей Артемьев с. *Золотаревъ* — № 1267), *цынбальщик* (*цимбалы* 'музыкальное орудие' — Д, IV, 575; *цымбальщикъ* 'кто играет на цымбалах или кто изготовляет их') Дмитрий Гарасимовъ с. *Цынбальщиковъ* — № 1540; *зеркальникъ* 'зеркальный мастер' — Сл РЯ XI—XVII, V, 383 (Иван Тихановъ с. *Зеркальникъ* — № 994) и т. д.

Сопоставление рассматриваемых источников свидетельствует о том, что ряд профессиональных прозвищ, отмеченных в Писцовой книге 1629 г., в документах начала XVIII в. уже не регистрируется. К числу их относятся такие, как *Олмазникъ*, *Дуботолокъ*, *Замочникъ*, *Изюмникъ*, *Кисельникъ*, *Кнутникъ*, *Колпачник*, *Мездреникъ*, *Пирожникъ*, *Седельник* и пр. (всего 30 именований). Однако общее количество профессиональных прозвищ в Переписной книге 1711 г. несколько больше (105), поскольку данная группа антропонимов пополнилась 40 новыми именованиями. Следует подчеркнуть, что часть апеллятивов, легших в основу образования профессиональных прозвищ, возникла, разумеется, не в XVII в., а ранее. Слово *санникъ* отмечено, например, еще в памятниках XV в.²³, лексемы *войлочникъ*, *гвоздарь*, *зеркальникъ*, *коровникъ* — в XVI (Сл РЯ XI—XVII: II, 310; IV, 14; V, 383; VII, 335) и т. д. В данном случае речь идет только о том, что именно в этот период, в XVII в., они наиболее активно переходят в антропонимы.

Материалы Переписной книги г. Вологды 1711 г. отражают активный процесс перехода профессиональных прозвищ в фамильные прозвания. Многие из прозвищ имеют признаки фамилии, ибо именуют не одно конкретное лицо, а членов семьи — родных и даже двоюродных братьев. Например: Мартыанъ да Иванъ Терентьевы дѣти да Афонасей да Григорей Дмитриевы дѣти *Солодовниковы* (№ 2067), Никита Рыбниковъ, племянникъ его Петръ Семеновъ *Рыбниковъ* (№ 1892), Пантелей Яковлевъ с. *Санниковъ*, дядя ево Семень Степановъ с. *Санниковъ* (№ 227), Афонасей Ивановъ

²³ Закупра Ж. А. Номинация лиц по профессии, с. 167.

да племянник ево Матвей Гаврилов с. Кузнецовъ (№ 72).

Регистрируются примеры, свидетельствующие о переходе фамильных прозваний от отца к сыну, деда к внукам. Например: Данила Семеновъ с. *Хлебниковъ* > Иван Даниловъ с. *Хлѣбниковъ* (№ 193), Григорей *Калашникъ* (№ 1687), Матвей Григорьевъ с. *Калашниковъ*, (№ 1687), дѣдъ Антипа *Серебренникъ*, внуки — Якимъ да Матфей Дмитриевы дѣти *Серебренникова* (№ 1931) и др.

В Переписной книге г. Вологды 1711 г. еще можно отметить наличие связи между характеристикой именуемого по профессии и семантикой производящей фамильной основы. Например: Василей Дмитриевъ с. *Солодениковъ*., на огородѣ солодовной заводъ овинъ да солодежня (№ 1611), Алексей Дмитриевъ с. *Солодениковъ*., на огородѣ солодовной заводъ (№ 1823), *сапожникъ* Андрѣй Вакуловъ с. *Сапожниковъ* (№ 754), *кузнецъ* Денис Михайловъ с. *Кузнецовъ* (№ 428) и пр.

Примеров, свидетельствующих об утрате этой связи и тем самым о социальной нейтральности фамильных прозваний, значительно больше. Ограничимся следующими: кожевнической полусотни тяглец Терентей Ивановъ с. *Столяръ* (№ 882), певчий Иванъ Лукинъ с. *Шапочникъ* (№ 447), канцелярской сторожъ Петръ Гавриловъ с. *Хлѣбниковъ* (№ 1243), конатной мастеръ Михайло да прядильщик Федоръ Васильевы дѣти *Свѣшниковыхъ* (№ 591) и пр.

В начале XVIII в. активизируется тенденция к закреплению единообразия структурной модели профессионального фамильного прозвания, т. е. оформление его с помощью притяжательного суффикса -овъ. Как отмечено выше, в Писцовой книге г. Вологды 1629 г. насчитывается всего около двух десятков фамильных прозваний с данным суффиксом. В Переписной книге 1711 г. фиксируется уже 35 фамильных прозваний с разными основами, которые употребляются с суффиксом -овъ: *Ветошниковъ*, *Коноваловъ*, *Коровниковъ*, *Котельниковъ*, *Лапотниковъ*, *Оловениковъ* и др. Кроме того, насчитывается 39 именованій, которые в одних антропонимических моделях оформлены с суффиксом -овъ, в других — лишены его. Например: Дружинка Яковлевъ *Войлошникъ* (№ 312) — Данила Федоровъ с. *Войлошниковъ* (№ 1601), Михайло Сидоровъ *Гребеничикъ* (№ 1952) — Иванъ Федоровъ с. *Гребеничиковъ* (№ 1084), Кондратей Трифоновъ с. *Извощикъ* (№ 1873) — Федоръ Никитинъ с. *Извощиковъ* (№ 85),

Максимъ Фоминъ с. *Иконникъ* (№ 597)—Иван Петровъ с. *Иконниковъ* (№ 724) и мн. др. Таким образом, в начале XVIII в. в Вологде регистрируется уже 74 различных профессиональных прозвания, оформленных фамильным формантом *-овъ*. И только 30 прозвищ, т. е. менее третьей части то общего числа профессиональных антропонимов, не осложнены суффиксом *-овъ*. К числу их в Переписной книге 1711 г. относятся такие, как *Башмашникъ* (№ 2121), *Гвоздаръ* (№ 974), *Зеленицкъ* (№ 2183), *Карбасникъ* (№ 1639), *Кирпищикъ* (№ 927), *Кожевникъ* (№ 1388), *Конопатчикъ* (№ 1298), *Котовикъ* (№ 1873) и пр.

Чем же отличаются однокорневые именованья с наличием или отсутствием фамильного форманта *-овъ*? Именованья, лишенные суффикса *-овъ*, указывали на профессию самого именуемого, выполняя в то же время различительную функцию и являясь прозвищем (Евтихей *Прянишникъ* — № 1917, Петръ Назаров с. *Сапожникъ* — № 1547, Артемей Никифоровъ с. Сыромятникъ — № 1992. и мн. др.). С помощью суффикса *-овъ* профессиональные именованья оформлялись в 2-х случаях: а) при указании на профессию отца или деда именуемых (Якимъ да Матфей Дмитриевы дѣти *Серебренникова*, дѣдъ ихъ Антипа *Серебренникъ* — № 1915, Матфей Григоревъ с. *Калашниковъ*, отецъ его Григорей *Калашникъ* — № 1687; ср. также: кирпичики Анисимъ Емельянов *Черепановъ* — № 629, Григорей Емельянов *Черепановъ* — № 629, Евдоким Михайловъ *Черепановъ* — № 627, но каменщикъ Яковъ Яковлевъ с. *Черепанъ* — № 496); б) при именовании не одного лица, а членов семьи, прежде всего родных братьев (Василей Никитинъ с. *Крупеникъ* — № 2249, Иванъ Никитинъ *Крупеникъ* — № 717, но Василей да Иванъ Никитины дѣти *Крупениковыхъ* — № 720, Савва Аверкиевъ с. *Свѣшникъ* — № 1625, но Иванъ да Кирила Саввины дѣти *Свѣшниковыхъ* — (№ 1625), Григорей да Иванъ Борисовы дѣти *Окопишниковыхъ* — № 1615 и т. д.). Фамильные прозвания с суффиксом *-овъ* значительно ближе к фамилии, поскольку имеют «семейный» характер и передаются от поколения к поколению.

Следует заметить вместе с тем, что в Переписной книге 1711 г. прозвища и фамильные прозвания разграничены не всегда. Изредка одно и то же лицо могло именоваться антропонимом, оформленным суффиксом *-овъ*, и не имеющим его в своем составе: Михайло *Уздеников* (№ 1266), Михайло

Узденикъ (№ 2185). Родные братья именовались по-разному: Леонтей Михайловъ с. *Квасникъ* — № 1019, Петръ Михайлов с. *Квасниковъ* — № 200, Иванъ Титовъ *Масленикъ* — № 1816, Степанъ Титовъ с. *Маслениковъ* — № 1769.

При некоторой непоследовательности оформления в системе именований в Переписной книге г. Вологды 1711 г. все же дает о себе знать ясно выраженная тенденция к выработке единообразной структурной модели фамилии, т. е. оформление ее с помощью суффикса *-овъ*.

Социальный состав населения	Профессиональное прозвище без суф. <i>-овъ</i>	Фамильное прозвание с суффиксом <i>-овъ</i>
Бобыли и солдаты	17	23
Посадские люди	73	170

Итак, сопоставление материалов Писцовой книги первой четверти XVII в. и Переписной начала XVIII в. свидетельствует о том, что формирование корпуса профессиональных фамильных прозваний особенно активно протекало в Вологде в течение XVII в.

Что касается документов Устюга Великого этого же периода (Ревизские сказки 1721 г.), то в них профессиональных именований с разными основами почти вдвое меньше (63 против 105 вологодских). Основная причина, по-видимому, в том, что в конце XVI и в первой половине XVII в., в силу устойчивости сложившихся ранее двучленных и трехчленных антропонимических моделей, многие названия по профессии в Устюге не выполняли различительную функцию и не являлись прозвищами. В Ревизских сказках Устюга 1721 г. профессиональные прозвища, лишенные суффикса *-овъ*, уже отсутствуют. К числу «устюжских» фамилий первой четверти XVIII в., не отмеченных в Вологде, относятся, например, *Ковшевниковъ* (с. 165), *Козишниковъ*, (с. 166), *Ведерниковскихъ* (с. 167), *Гончаровъ* (с. 167), *Бочкаревъ* (с. 172), *Полстоваловъ* (с. 18) и др. Выпали к 1721 г. антропонимы, восходящие по происхождению к названиям редких профессий. Например: *Берестениковъ* (с. 94), *Цепенниковъ*, *Келейников*, *Пролубниковъ* и некоторые другие. «Новыми» являются такие, как *Пшенниковъ* (с. 179), *Ямщиковъ* (с. 191), *Лукошниковъ* с. 199), *Швалевъ* (с. 199), *Водолъевъ* (с. 149).

3. Профессиональные фамилии в конце XVIII в.

Во второй половине XVIII в. процесс образования профессиональных фамилий в Вологде явно идет на убыль. Судя по материалам Ревизских сказок 1795 г., данная группа антропонимов к концу XVIII в. пополнилась всего 8 фамильными именованиями, вместо 40, отмеченными в начале XVIII в. К числу «новых» фамилий по профессии относятся следующие: *БогадЪльщиковъ* — л. 104 об. (*богадЪльщикъ* 'лицо, которому поручен надзор за богадельней' — Сл РЯ XI—XVII, I, 256); *Петръ Дранищниковъ* — л. 126 (*драничникъ* 'тот, кто изготавливает драницы' — Сл РЯ XI—XVII, IV, 350); *Иванъ Андреевъ с. Епанешниковъ* — л. 180) (*епанечникъ* 'епанечный мастер' — Сл РЯ XI—XVII, V, 52); *Андрей Афанасьевъ с. Костоправовъ* — л. 54, *Данило Афанасьевъ с.*, онъ же пишется *Костоправовъ* — л. 297 (*костоправ* 'лекарь' — Сл РЯ XI—XVII, VII, 369); *Иванъ Николаевъ с. Рещиковъ* — л. 332 об. (*резчикъ* 'вырезающий что-либо из кости, рога, дерева, режущий на меди, стали'. Резчик иконописный — Д, IV, 122); *Федоръ Андреевъ с. Скудельниковъ* — л. 390 об. (*скудельникъ* 'гончар' 'черепичник', сев. 'могильщик' — Д, IV, 212); *Федоръ Ивановъ с. Суконщиковъ* — л. 276 (*суконщикъ* 'кто торгует сукном, суконный фабрикант или мастер или рабочий ткач' — Д, IV, 358); *Михаиль Григорьевъ с. Трапезниковъ* — л. 334, об. (*трапезникъ* 'кто занимается торговлей, обменом' — Срез., II, 987, вят. 'церковный староста', 'обедальщик, затрапезник' — Д, IV, 426).

Более того, к концу XVIII в. происходит значительное сокращение такого рода фамильных прозваний. Если в Переписной книге 1711 г. насчитывалось 105 профессиональных именований с разными производящими основами, то в Ревизских сказках 1795 г. их всего 65. В первую очередь исчезают именования, образованные от редких профессий, которыми занималось незначительное количество именуемых — *БЪлильниковъ*, *Ветошниковъ*, *Войлошниковъ*, *Гребенщиковъ*, *Дегтеревъ*, *Зеленикъ*, *Зеркальниковъ*, *Животчиковъ*, *Карбасникъ*, *Солоносовъ*, *Соловолокъ*, *Конопатчикъ*, *Коровниковъ*, *МЪдовщиковъ* и др.

Это сокращение списка профессиональных антропонимов обусловлено рядом экстралингвистических факторов: снижением значимости г. Вологды как торгового центра, изменением вкусов людей, их отношения к такого рода именованиям.

ям. Определенную роль, по-видимому, сыграла и известная текучесть, неустойчивость фамильных именовании в XVIII в.

Завершение процесса фамилиетворчества на базе названий по профессии в Вологде в конце XVIII в. тесно связано с ростом числа именуемых, имеющих одну и ту же фамилию. Сопоставим частотность наиболее ходовых профессиональных фамилий в памятниках начала и конца XVII в.

Фамилии	Переписная книга 1711 г.	Ревизские сказки 1795 г.
Поповы	6	40
Свѣшниковы	8	20
Мясниковы	6	16
Маслениковы	3	12
Оконичниковы	8	12

В Ревизских сказках по г. Вологде 1795 г. все профессиональные именованія — фамилии в полном смысле этого слова. Все они единообразны по морфологическому оформлению, т. е. осложнены фамильным формантом *-овъ*. В подавляющем большинстве случаев фамилии потеряли семантическую наполненность и потому социально нейтральны. Например: Петръ Егоровъ с. *Гвоздаревъ*, пряничный цехъ (л. 431 об.), Афанасій Ивановъ с. *Гвоздарев*, каретной цехъ (л. 449), Федоръ Ивановъ с. *Извозчиковъ*, торгует мелочным товаром (л. 82), Прокопей Осиповъ *Масляниковъ*, столлярный цех (л. 499), Михайло Михайловъ с. *Мясниковъ*, серебряный цехъ (л. 433 об.) др. Только в исключительно редких случаях фамилии продолжают сохранять связь с социальной характеристикой именуемого. Ср., например: Федор Романовъ с. *Серебрениковъ*, серебряный цехъ (л. 488 об.), Семень Ильинъ с. *Каменищиков*, кирпичный цехъ (л. 488 об.) и пр.

Т. о., судя по актовым источникам, к концу XVIII в. в Вологде завершается переход фамильных прозваний в фамилии.

В Устюге Великом в конце XVIII в. замечен количественный рост некоторых профессиональных фамилий. По данным Ревизских сказок 1767 г., в пятерку самых распространенных входят фамилии *Попов* (на первом месте), *Кузнецовъ*, *Пономаревъ*, *Скорняковъ*, *Оконнишниковъ*.

4. Профессиональные фамилии в первой половине XIX в.

Некоторое представление о фамильном составе г. Вологды первой четверти XIX в. может дать «Список г. Вологды обывателей по алфавиту. 1830 г.» Список содержит именованья далеко не всех жителей города, в основном только наиболее состоятельной части, поэтому рассмотрение его не может дать полной и объективной картины. В Списке насчитывается всего 44 профессиональные фамилии. Заметна дальнейшая утрата семантической наполненности фамилий: *Иконниковъ* Николай Ивановъ, торгует в холщевом ряду (л. 85), *Суконщиковъ* Иванъ Михайловъ, торгует в мясном ряду. (л. 243), *Кузнецовъ* Степанъ Ивановъ, сторожъ (л. 90) и т. д. Более устойчивыми в этом плане оказались носители фамилии *Черепановъ*. Многие из них имеют кирпичные заводы или владеют «кирпичнымъ мастерствомъ» (л. 278).

В первой половине XIX в. наблюдается количественный рост таких фамилий, как *Свѣшниковы* (13 семей), *Трапезниковы* (11 семей), *Черепановы* (11 семей), *Шапошниковы* (10 семей), *Мясниковы* (9 семей), *Оконишниковы* и *Прянишниковы* (6). Частотность самой распространенной фамилии *Поповъ* приводит к появлению двойных фамилий: Александръ Ивановъ *Попов Введенский* (л. 201), Иванъ Александровъ *Попов Тестовъ* (л. 206), Прасковья Федорова *Попова Красильникова* (л. 201), Александра Павлова *Попова Чухина* (л. 191) и пр.

Итак, как явствует из рассмотренного, XVII—XVIII вв.—важный период в истории вологодской антропонимии, характеризующийся поисками устойчивой, единой для городского населения модели именования.

Сопоставление актовых источников XVII—первой половины XIX в. дает возможность утверждать, что в течение XVII в. в Вологде происходило становление корпуса профессиональных прозвищ (позднее — фамильных прозваний), в XVIII в. — переход фамильных прозваний в фамилии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археограф. комиссией., т. 1—5. СПб, 1841—1842.

Арх. Стр. — Архив П. М. Строева, т. 1—2, Пг., 1915—1917 (РИБ, т. 32, 35).

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. 1—3. М., 1890—1908 (РИБ, т. 12, 14, 25).

Васнецов — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей.

ВХК — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. М.—Л., 1979.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, 1—4. М., 1880—1882.

ДП — Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. Вологда, 1979.

Иванова — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Kalima — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

КДРС — Картотека Древнерусского словаря — Словаря русского языка XI—XVII вв. (Москва, Институт русского языка АН СССР).

КСБГ — Картотека Словаря белозерских говоров (Череповецкий пединститут, кабинет диалектологии).

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (ЛГУ).

Куликовский — Куликовский Г. Словарь олонцкого наречия. СПб, 1898.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

Мельниченко — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Миртов — Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

Ник — Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. 1, вып. 1—2. СПб, 1910.

ООВС — Опыт областного великорусского словаря. СПб, 1852.

Опыт — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

ОСВ — Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище, вып. 1—13. Вологда, 1899—1917.

ПК 1629 — Список с писцовой книги г. Вологды за 1629 г. — В кн.: Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.

ПК 1711 — Книга переписная (перепись всех домов и строений г. Вологды 1711—1712 гг.) переписи и меры Василия Пикина и Ивана Шестакова (ГАВО, ф. 2р, № 7847).

ПК 1830 — Список г. Вологды обывателей по алфавиту за 1830 г (ГАВО, ф. 14, оп. 3, № 171).

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1852.

Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1—2. М., 1959.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РС 1795 — Пятая ревизия о купцах и мѣщанахъ г. Вологды за 1795 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 4369).

Сл. Красноярск — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

Сл. Новосиб. — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Сл. РЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1—10, М., 1975—1983.

Сл. Соликам. — Беляева О. П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. т. 1—3. М., 1958.

СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—19. Л., 1965—1983.

СРСГ по Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1—3. Томск, 1964—1967.

ТКМГ — Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 1—3. Северный речной путь. М.—Л., 1951.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1—4. М., 1964—1973.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка, вып. 1—8 МГУ, 1963—1982.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1—9, М., 1974—1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Герд А. С. О севернорусской лексике в псковских говорах	3
Комягина Л. П. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области	8
Паникаровская Т. Г. Название реалий крестьянского быта в вологодских говорах (Русская печь и ее части)	20
Борисова Е. Н. История слова и этимологические версии	26
Добродомов И. Г. Возраст слова и его этимология (О слове <i>кисет</i>)	35
Полякова Е. Н. О диалектном слове <i>отнога</i> в русском языке	45
Судаков Г. В. Название предметов домашней утвари в русском языке XVI—XVII вв.	50
Михайлова Л. П. Земледельческая лексика в русских говорах Карелии	73
Андреева Е. П. Взаимодействие славянской и финно-угорской лексики в системе рыболовецкой терминологии Белозерья (На материале местных письменных памятников XVI—XVII вв. и современных говоров)	84
Слыхова З. И. Имена прилагательные, называющие возраст и внешние особенности человека в летописном повествовании	94
Быстрякова О. И. Метрологическая лексика деловых документов Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVIII вв.	100
Ларионова А. П. Памятники локальной деловой письменности XVII в. как источник изучения лексико-грамматических групп имен существительных и прилагательных (На материале старовологодской письменности)	104
Власова И. В. Топонимия Устюжского края и типы сельских поселений XVIII—XX вв.	114
Никонов В. А. Вологодские фамилии	121
Чайкина Ю. И. История профессионально-должностных фамилий Вологды (На материале деловой письменности XVII — первой половины XIX вв.)	127